

АЛЕНА ВОРОНИНА

КРОВАВЫЙ
ДАР

Annotation

Жизнь Яны сложилась: уютная квартирка с видом на море, хорошая должность, друзья, с которыми интересно, хобби, которое доставляет удовольствие. Только вряд ли хоть кто-то представляет, что сокрыто в ее душе. Существование Алари вполне сносно: титул, за который надо работать, земля, не приносящая дохода, хорошая должность, если придушить зама, магия, хоть тут все как надо, на горизонте появился прекрасный кандидат в мужья. Все бы хорошо... Но судьба не дремлет! И когда такая привычная и налаженная жизнь начнет рушиться, им придется окунуться с головой в загадки и тайны прошлого. Может, они станут спасителями гибнущей империи, а может самым лучшим орудием уничтожения целого мира?

- [Алена Воронина](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Словарь](#)
-

Алена Воронина
Кровавый дар

Пролог

Кровь моя все еще горяча и сердце мое все еще бьется, а значит, остается надежда, что камушек в подкове или надломленный прутик изменят ход событий. И пусть тогда закончится мое существование, но на последнем вздохе своем я прошепчу: «Спасибо»

Глава 1

Делопроизводитель Янина Стиантон

В то лето сияющий белый шар в небе трудился вовсю, подрумянивая и пропекая толстый, слоеный пирог, с которым лишь и можно было сравнить большой портовый город Адрас.

Столица нашей славной империи веками покоряла гору Тир и ныне расположилась на ней с размахом победителя, поражая путешественников масштабом и красотой, а Лунное море, омывавшее город — остров с юга, востока и запада, довершало картину, обрамляя подобно россыпи сапфиров Жемчужину Юга.

Город был действительно прекрасен. Слово вычищенная скорлупка, сиял он белыми домиками, дворцами и площадями, тысячами лестниц, арок, мостов, манил прохладой парков, уютom сквериков и террас. И венчал все это великолепии огромный белый замок, словно сошедший со страниц детской сказки — резиденция самого Императора, построенная четыре века назад.

Однако, самый жаркий летний месяц — травис тяжело давался даже этому чудесному городу. Камень мостовых нагревался так, что на нем действительно впору было печь пироги, воздух дрожал, делая мир зыбким и расплывчатым, будто смотришь сквозь плохо сработанное стекло.

Улицы вымерли: люди, составляющие основную массу населения, или сидели по домам с мокрыми повязками на головах, или сбежали с семьями от нестерпимого жара к морю, а те, кто мог, держались поближе к магам.

Путь от дома до работы в такую жару выдался не из легких, к тому же изрядной помехой тому стала длина юбки, установленная для служащих-женщин. Законодательницами моды были люди, а дамы в высшем свете уже не первое столетие увлечены правящей расой, вот и принято ныне таскать на себе ненужную кучу тряпья, так, наверное, стараясь приблизиться к Высшим, или к их хвостам, это я о небольшом шлейфе-необходимом атрибуте рабочей формы одежды.

Мешалась жутко и груда папок с делами, прихваченная из дома, и, как завершающий штрих — сотни ступеней. Все это вкупе лишало надежды добраться живой и не поджариться на этой страшной сковородке.

Однако, будучи человеком упертым и ответственным, я доплелась до места работы, точнее, сделав последний рывок, ворвалась в здание Мэрии

на полном ходу. Пришлось развить приличную скорость, чтобы безболезненно пересечь залитую солнцем площадь Вознесения Света, на коей и красовался наш казенный дом — здание длиной в целый квартал, и хоть украшений оно было лишено, помпезность и пышность дворцу предавал облицовывавший его белый мрамор, в такую погоду ослеплявший своим блеском, похлеще снега в горах.

Мой приход не остался незамеченным: затормозить вовремя да еще с ношей я не успела и сбила с ног курьера. Бедняга выполз из мавзолея, искусно созданного моими папками, и, даже не удосужившись помочь подняться виновнику инцидента, ретировался, оглядываясь на меня, как на сумасшедшую. И правильно! Почти все в отпусках, на месте только мэр по долгу службы, и психи, которые очень любят свою работу и могут по доброте душевной подкинуть ее другим.

Пробубнив себе под нос традиционную фразу всех столичных (да и не только) старушек о некультурных молодых людях и подобрав с пола бумаги, я кивнула стражу-учетчику при входе, который вместо приветствия с выражением страдания на лице промокал огромный лоб салфеткой, и поднялась в свой кабинет.

Золоченая табличка над входом в него гласила: «Янина Стиантон, посмертный делопроизводитель».

На древнем общем языке мое имя означает «живая». Забавно, если учитывать мою профессию, связанную с выдачей сертификатов на имущество почивших граждан — служащих Дворца и жителей города Адраса.

Свалив с победным кличем папки на стол (а там уже высилась приличных размеров горка), я бросилась открывать окна. Духота стояла страшная. Места писарей пустовали: я отпустила девушек на отдых еще вчера, отправив записку с мальчиком. Один день перед выходными ничего не изменит с учетом полного отсутствия посетителей, которые попросту боятся в такую погоду, выйдя на улицу, «превратиться» в одну из наших папок. Зато у меня есть время спокойно разобрать все, что «наворотил» мой сменщик Кисанодар, пока я была в отпуске. А дела после него пребывали в жутком хаосе. Молодой мужчина, к сожалению, не страдал склонностью к порядку, что, кстати, большой минус.

Налив сливового сока в большую, сколотую кое-где кружку и заперев дверь, я с демоническим видом спихнула дела на пол, и, усевшись в кресло, приготовилась изучать все то, что натворил Кис. Толстые папки сменялись худыми, перед глазами проносились десятки итогов жизненного пути досточтимых адрасцев: кто-то был рад небольшой дружной семье, кто-то

плодил детей на стороне, кто-то ежегодно обзаводился новым супругом или супругой. И ведь каждый мог многое сказать в свое оправдание. Не подумайте, я не была ханжой, скорее любопытным наблюдателем, которому впору уже писать романы.

Одна из папок «высунула» красный кожаный ремешок — закладочку, так писари для меня помечали странные дела, но Кису обычно девушки так не делали.

Хм... Интересно.

Сертификат о смерти, ходатайство.

На первый взгляд все нормально: с ходатайством обратился секретарь делопроизводителя Императорского дворца — это стандартная процедура, если есть имущество, но нет наследников у служащего резиденции. В таких случаях все получает Дворец, однако это тоже требует своей бумажки.

Так! Имя покойного...

Я икнула и, дернувшись, сбила чашку с подлокотника кресла, отчего та, встретившись с полом, разлетелась на мелкие осколки.

Салис Дайвокари, секретарь делопроизводителя Императорского дворца... бывший.

Боги, он же был на год младше меня!

Улыбчивый голубоглазый блондин, всегда приносивший вместе с документами и коробкой шоколадных конфет кучу положительных эмоций. Я его видела всего-то полгода назад!

Погодите-ка! У Салиса ведь была семья! У него была жена! Как же ее звали? Эээ! Вивиен! И ребенок! Вивиен ждала первенца! Салис поведал об этом как раз полгода назад, и он... Он же так... старался заработать на небольшой домик в границах округа Таро, в городской черте, и вроде даже отдал за него залог. Почему же его имущество принимает Дворец? Бред какой-то!

Я еще раз перечитала ходатайство. Никакого дома среди имущества заявлено не было, зато был счет в Императорском Банке «Кестар». Может быть, он взял ссуду, а дом оформить не успел? Дворец обычно не жадничает для своих служащих.

Дата смерти — пять с половиной месяцев назад. Понятно, почему Кис не стал выдавать сертификат. Странно то, что новый секретарь делопроизводителя подал заявление так рано — за полгода могли обратиться наследники.

И где же Вивиен?

Настроение упало. Просмотр дел пришлось отложить — ныне это

было бестолковое занятие — вместо букв перед глазами стоял образ веселого молодого человека.

Побродив по кабинету и поняв, что вряд ли успокоюсь после такой новости, я уточнила у учетчика, нет ли записи на сегодня, и поплелась домой.

Грустно... Живешь, работаешь, мечтаешь. Оп! И тебя нет!

Жила я недалеко от работы на живописной улице Розового Рассвета, в своей квартирке с прекрасным видом на море. Жилище было скромным, но с большим балконом.

Квартиру мне помогли приобрести родители и служба (империя оплачивала половину стоимости жилья, но накладывала обязательство отработать «покупку» в течение двадцати лет). Уже за свои кровные я усовершенствовала гнездышко, надстроив крышу над балконом и рассадив в кадках виноград — получилось уютное гнездышко, где я укрывалась от работы и жары, но сегодня даже эта идиллия не радовала.

Весь вечер прошел в какой-то маете. И я не могла понять, что не так?!

Салиса было очень жалко, но мучило что-то еще. Не спасали ни душ, ни чай, ни корень лоскутки. Меня сморило уже ближе к полуночи. Сны роились рассерженными мухами, натываясь один на другой, сливаясь воедино и разрываясь, как гнилое тряпье. Озарение пришло в тот самый миг, когда видения решили начать лопаться, как большие кульки праздничных...

Конфеты!

Я еле дотерпела до утра. Утра выходного дня, между прочим! Что вряд ли должно помешать доблестным сыскарям исполнять свою работу. А я, как служащая Империи, обязана была, прежде чем совершить действия, предписанные должностной инструкцией, убедиться, что законы не нарушены, а значит, я не могла выдать сертификат на имущество Салиса, если это было убийство!

Утром, быстро собравшись, я вылетела на улицу и, поймав извозчика, понеслась к Дворцу Чести, где размещался его Императорского Величества отдел следователей города Адраса.

Глава 2

Маг Алари Салито

Как же я люблю лето!

Полагаю, ваш чуткий слух уловил нотки иронии...

Мало того, что жарко, так еще, линормы всех заberi, никого не найдешь! Докладов, наветов, доносов накопилось столько, что я могу из них соорудить себе усыпальницу! А еще эти отпуска! О, да, а как я люблю отпуска! Ну, вы поняли...

Из-за них мне! Начальнику отдела! Приходится сидеть на приеме!

Табличка на двери моего логова гласит:

«Леди Алари Салито, глава отдела по расследованию тяжких преступлений его Императорского Величества, участница Варийского подавления, награжденная...»

Да, тучей всякой ерунды, которая, к сожалению, от отпусков замов, сидения на рабочем месте и выслушивания всяких психов не спасает!

Даже утро выходного (для всех остальных!) дня не задалось!

Тапочки в темноте никак не хотели находиться, коварно спрятавшись под ворсистый коврик. Обижено хрюкнувший фонарик, который я сшибла в его же, собственно, поисках, потух и требовал замены магической составляющей. В довершении эпопеи я опрокинула кружку с недопитым кофе на белый коврик, под которым и ныкались тапки, после чего зажгла пульсар в руке и пожелала кофе, тапкам и коврику уползти подальше.

Жалюзи на окнах, не пропускавшие свет — та единственная вольность, которую я позволяла себе в столице, чтобы поспать подольше. Только такие вот «веселые» подъемы в полной темноте были для меня не редкостью.

Отглаженная прислугой форма помялась. На туфли попал зубной порошок. Прядь волос упорно не хотела залезать в прическу и взбесила еще больше.

Кое-как собравшись, я выползла на улицу ловить извозчика и только тут вспомнила, что забыла папку с документами.

Кровожадный вопль наверняка испугал моих добропорядочных соседей.

Вой — не вой, а пришлось плестись обратно, собирать бумаги и опять ждать свободную коляску. Содержать собственных лошадей мне было не

выгодно. Да и, честно сказать, накладно...

Едва угнездившись в карете, я мгновенно уснула, прижавшись щекой к подрагивающей стенке, предусмотрительно подложив папку. Снился мне уютный маленький дом в области Гастар на Салютной улице — красивой окраине города Ониса, там, среди высоких елей и лиственниц, прятались скромные и не очень домишки (попадались и настоящие громадины с претензией на высокий архитектурный стиль). К домам примыкал обширный городской парк, раскинувшийся на холмах, обрамлявших этот маленький идеальный мирок.

Летом даже в жару там было прохладно и тенисто, а зимой... Зимой там царил настоящий праздник. На небольшую площадь, от которой начиналась и петляла Салютная улица, приезжали лучшие пироманты округа и устраивали на праздник Середины Зимы целое представление, оно не шло, конечно, ни в какое сравнение со столичными феериями, но оставляло в памяти море воспоминаний на весь следующий год. Там я и провела свое чудесное детство с мамой...

Снился мне и родовой замок Салито в области Шерер. Холодный, пустой, сумевший поглотить в свои недра так любимых мною людей, и лишь сторожа — старика Ракуна да его жену, пока никак осилить не мог.

Снился мой нареченный Джет Салтелит, с которым я, вроде как, была помолвлена, и он, вроде как, мне нравился... Вроде как, мне нравилось все, когда я выплусь. Старею, наверное.

Мне двадцать семь, я маг-активатор, причем, очень сильный, но это, похоже, мой единственный плюс. Уничтожить дуб проще, чем его вырастить, как любил говаривать папа.

Эх, отец...

Итак, зовут меня Алари Салито, аристократка со скромными владениями, скромным состоянием, которые я должна как-то удержать и увеличить для потомков, которыми в моем возрасте имеется весьма скромная возможность обзавестись.

Достойного дохода мое имение не приносило. Так, гроши, которых едва хватало на оплату дома в столице. Радовало наличие Джета с его виноградниками, яблонями и талантом к производству алкоголя и денег. Если что не так пойдет по службе, хоть сопьюсь. Что жизнь со мной сделала? Или я с ней?!

Мое детство, хм... Пока жива была мама, оно было настоящим, каким и должно быть у девочки: с ажурными платьями, нежными руками, которые умело плели косы, тортом со свечками. А когда ее не стало...

Забавное это дело — вспоминать все мои шалости. Вообще-то, этим

занимался отец, скрупулезно, под запись. Он прекрасно помнил все перебитые окна, поломанные ноги бедных лошадей и сбежавших от нас слуг.

Магия активатора во мне проснулась рано, и я развлекалась от души, отец еле дождался моего восьмилетия, чтобы отдать на учебу в далекий Ластолос, поближе к холоду, подальше от замка, который методично обращался мною в руины.

В школе я была страшной шкодой. Мальчишки, не нравившиеся мне девчонки, и, разумеется, учителя от меня просто стонали. Опрокидывание деревьев на профессоров, пояснявших нам, как важно ответственно относиться к своей силе, было уже традицией. Мне даже вручили шуточную премию города Стависа, как лучшему лесорубу. А что? Высоты пеньков, вычитанной в книжке, ученица придерживалась очень четко. В шестнадцать я попала в первой когорте в пансион для магов, выделяющихся своей «силой», но не способных оплатить учебу. Обедневший род мой не мог дать дочери своей ни денег, ни достойных связей. Нас называли «нищими королями».

А потом в восемнадцать меня перевели в Академию Высшей Активной Магии, откуда я вышла с победным кличем и не самым высшим баллом. Не сильно и стремилась!

Силы было хоть отбавляй, и она росла, и то, что меня интересовало, то и достаивалось моего внимания. А так же внимания достаивались и симпатичные молодые преподаватели, многие из которых по силе не годились мне и в подметки, даже когда я до школы в Ластолосе еще не доросла.

В любом случае, это были хорошие годы, годы, когда я, ничего не имевшая за спиной, кроме имени моих предков, которых прославил какой-то там дед в шестнадцатом поколении на какой-то войне, могла похвастаться лишь магией и кучей амбиций.

Правда, однажды я где-то перегнула палку, и один из моих преподавателей — лорд Валес решил, что я с такой силой должна принадлежать ему. Сказать по чести, ему я тоже глазки строила. Спросите: «Зачем?» А без понятия! Мозгов-то не было, а наглости полно. Ведь при всем моем плачевном финансовом состоянии за мои шалости меня гладили по голове и говорили, что так девочка ищет тепла в детстве «недодаденного».

Валес сговорился с моим отцом, и оба заявили ко мне за оформлением помолвки и брачного контракта. Хочу заметить, что Валес считался завидным женихом, ему было тогда около сорока. Титул, земли и

даже благоволение Императора (он что-то там разработал для войск, не обладающих магией). Внешностью он тоже не был обделен. Мечта!

Но кто-то засадил мне при рождении занозу в одно очень важное место, и она, частенько проворачиваясь, не давала покоя. Я устроила грандиозный скандал, пригрозила Валесу обвинением в домогательстве к своим студентам, а это каралось крайне жестко. Отца довела до приступа. Он так трясся, что даже не смог толком извиниться перед высоким лордом, когда тот удалялся с гордым, разъяренным видом. После этого отец со мной не говорил, а Валес... Я думала, он запретит мое обучение. Но он, то ли был все-таки мужиком хорошим, то ли я действительно ему нравилась. И знаете, сейчас я бы согласилась на этот брак и была бы счастлива. Своя семья и свой дом делают человека лучше, ответственнее. А одиночество и распущенность, которые я себе позволяла, шли моему и без того мерзопакостному характеру не на пользу. А самое главное, чем дальше, тем меньше хотелось обременений.

Магия. Да, магия мне давалась хорошо, она просто текла туда, куда надо и как надо.

За свои таланты я загремела на границу с Ристархом в крепость Оралас, где познакомилась с Джутом, милейшим магом — защитником, которого из-за его удивительной стеснительности хотелось встряхнуть и сказать: «Мужик, ты что творишь? Пока ты телишься, всех девок нормальных разберут!».

Участвовала я и в нескольких вылазках, причем, самая первая как раз и была красиво названа Варийским подавлением.

Честно скажу, в Академии магов учат работать в команде, исполнять приказы, особенно на военном факультете. А я туда и была зачислена. Но, увидев несущуюся на меня толпу закрытых магическими щитами ристархов, а это почти двухметровые великаны, которые меня прихлопнут, как муху, узрев наших магов-защитников, споро отводящих воинов за щиты и укрепления, я испугалась и со всей дури шандарахнула всем запасом сил, что у меня имелся, по летящей на нас смерти. Эффект был потрясающий. Первую волну просто смело черным огнем, я же моментально потеряла сознание, а потом неделю пыталась восстановиться до возможности, хотя бы держать стакан воды самостоятельно.

В благодарность получила поклон от советника Императора, лорда Элькараса и пожелание — впредь действовать по приказу главного мага. Но я уже знала, что не зря выкинула тот фортель, наши были не готовы к массивной атаке, крепость не взяли бы, конечно, но погибли и пострадали бы многие. А нашего линорма в тот момент в крепости не было.

Странно, что при своем дерьмовом характере я, как ни странно, вызвала у ящера симпатию, и Элькарас представил меня на приеме Императору. Не скажу, что бросает в дрожь, но крайне неприятно встретить активатора (а линормы по сути своей активаторы и есть) который может прихлопнуть тебя, как муху.

Мне за подвиги была предложена прекрасная должность, которая позволяла сохранить наследуемый титул и быть все-таки не на войне. Тогда-то я узрела первый раз брошенный в мою сторону заинтересованный взгляд министра Рапара, очень дальнего родственничка и моего ныне самого главного начальника. Я уж подумала, сейчас попросит что-нибудь материальное, скажет, он мне помог. Но, похоже, совесть у него все-таки была... Или страх.

После официального «предназначения» я на полгода вернулась в крепость, где и обитал мой застенчивый друг. По идее с моей силой меня должны были приковать цепью к границе, но я — женщина. Единственное благо моего пола в том, что с окончанием военного факультета я могла выбрать гражданскую службу, кроме состояния войны, когда дернут не задумываясь.

Джут так и остался «стесняшкой», а вот братик у него оказался весьма активным, хоть и не маг, а отличный собутыльник! И когда Джет грохнулся на колени, радостно протягивая коробочку с кольцом в виде птицы-радужки, я сжалилась над красавчиком, решив, что в мужья он годится идеально. Отец был счастлив: дочь с наградами, врученными самим Императором, да при хорошем женихе! Боги сжалились над родом! И он спокойно умер года два назад. Я отца любила, но не была с ним близка, после смерти жены он сломался, как сухая ветка, а мама умерла рано, мне тогда было всего-то чуть больше пяти.

И вот, ныне я была свободной, более-менее приличной невестой с высшим образованием, карьерным ростом и той самой скромной надеждой занять пару постреленков и свалить на заслуженный отдых.

Наивная!

Мой заместитель Миртак наверняка сжульничал! Ему-то я и проиграла в карты свою летнюю свободу. Мда... А вот если бы тогда сжульничала я...

Глава 3

Янина Стиантон

Входов в Святилище Сыскарей было два: один для тех, кто уже нарушил правила, а второй для пострадавших, особо сознательных и просто желавших поглазеть на Храм Законности.

Разумеется, парадный подъезд и холл были украшены статуями, картинами, доской почета, учетчики ходили в ливреях, достойных императорского дворца, один из них и принял мою заявку, размашисто записал в журнале имя и адрес и жестом указал на ряд пустых лавок у стены, проинформировав, что ждать придется долго. И оказался прав! Я уже перечитала биографии всех великих сыскарей и доблестных стражей, выучила распорядок дня руководства и мероприятия на год вперед, когда в холл спустилась женщина и, подойдя к учетчику, что-то тихо ему сказала. Тот, кивнув в мою сторону, в свою очередь пробурчал, полагаю, что-то не особо лестное.

Эту милую сценку я наблюдала в отражении на огромном, убранном за стекло, медном панно, повествующем о сражении первого Императора — линорма Араласа Валкона, в своем боевом облике — летающий ящер, и войска Мирталиса, знаменитого полководца государства Ристарх, нашего заклятого соседа с запада.

Из вредности решила, пусть сами подходят, даже поворачиваться не стану! Ожидание плохо сказалось на моем настроении и уж тем более на воспитании.

Благо, хоть в вестибюле Дворца Чести было прохладно. Работали тут в основном маги, и те, чья стихия — лед, могли поддерживать желаемую температуру в помещении, что определенно облегчало положение все остальных.

— Вы хотели поговорить со следователем?

Эх, все же придется снизойти до поворота головы!

Передо мной стояла молодая женщина, чуть полноватая, невысокая блондинка с яркими зелеными глазами, явно ненастроенная на разговор, судя по выражению лица. Уважаемый режиссер Сатекс (а я была вхожа в театр на репетиции благодаря подруге и была знакома с театральной братией) любивший раздавать клички и прозвища, выдал бы нечто вроде «Вредная Леди Медовые волосы». Конечно же, она была магом, причем,

магом-активатором, судя по вытатуированным рунам на правой руке (у защитников и лекарей татуировки на левой). И, конечно же, аристократкой.

Пришлось подниматься и кланяться. Мда... Я надеялась-то на кого попроще.

— Янина Стиантон, посмертный делопроизводитель мэрии Адраса, прибыла по вопросу должного исполнения своих обязанностей.

Леди погрузнела.

Да, я не просто доброхот, желающий раскрыть глаза на то, что делается в соседней забегаловке. Какая — никакая, а должность. Выслушать придется! Хотя, судя по выражению лица, ей было все равно, кто будет мучить ее в выходной день. По-моему, ей очень хотелось спать.

— Прошу прощение за долгое ожидание, госпожа Стиантон, — она неожиданно улыбнулась, и улыбка ее была на удивление дружелюбной. — Алари Салито, глава отдела по раскрытию тяжких преступлений. Если ваш вопрос не затрагивает мою компетенцию, я приму вашу заявку и передать должным людям.

Сама вежливость!

Так и быть, не буду гневаться.

Леди сделала приглашающий жест и первой пошла к широкой каменной лестнице, ведущей к той части здания, где располагались кабинеты. Я, прихватив шляпку, последовала за ней.

Странно! Шишки обычно не снисходили до обычных людей! Их удел — раздавать указания и руководить сложной структурой изнутри.

Дама будто прочитала мои мысли.

— Не удивляйтесь, что начальники сейчас в числе тех, кто занимается приемом посетителей. Многие в отпусках, а оставшиеся на местах следователи и так завалены работой.

— Понимаю.

Проследовав по лабиринту коридоров, мы оказались перед массивными дверями кабинета. Судя по табличке, он находился в ее безграничном пользовании.

О, награды! Даже лычка Императора!

Само помещение было совершенно обычным для ее статуса: массивный стол и стулья рядом, шкафы для книг и бумаг — ничего, говорившего о том, что хозяйка кабинета — женщина. Из окна, наверное, открывался бы хороший вид на Городской парк, если бы не плотные шторы.

Леди Салито указала на ближайший к ее рабочему месту стул с высокой спинкой и искусно вырезанным гербом Империи Иртанит, а сама

расположилась за столом.

— Слушаю вас, госпожа Стиантон.

Обычно подобные посты занимают мужчины. Но раз по городу еще не бегают преступники с ножами наголо, награды и этот кабинет вручили Вредной Леди явно не за красивые глаза.

— Я полагаю, леди Салито, вам нет смысла пояснять, чем занимается посмертный делопроизводитель?

Леди Салито кивнула в подтверждение моих мыслей.

Общение с начальниками отделов требовало четкости и быстроты.

— В связи с необходимостью выдачи сертификата, я бы хотела узнать, открыто ли дело об убийстве Салиса Дайвокари? Потому что, каких либо сведений об этом к нам не поступало.

Леди порылась в большом журнале на столе. С минуту она молчала, а затем выдала фразу, к моему огорчению, говорившую о том, что беседа будет долгой.

— А с чего вы взяли, что такое дело есть, и что это было убийство? — брови ее приподнялись.

— Согласно указу Императора Тилара, изданного почти триста лет назад, Дворец имеет право обратиться за выдачей сертификата на имущество умершего служащего Императорской резиденции, если нет других наследников. Это своеобразный способ пополнить казну дворца, из которой им и выплачивалось жалование.

— Таких тонкостей я не знала. Но, как я понимаю, в целом это нормально? — кивнула следователь.

— Да, но... Ко мне поступило дело, в котором секретарь делопроизводителя Императорского Дворца потребовал выдачи имущества покойного Салиса Дайвокари, который сам занимал эту должность. Салис умер чуть больше пяти месяцев назад. И... Как вам сказать, обычно такое заявление подается по истечению полугода, чтобы убедиться в отсутствии других наследников и не напугать и не смутить их. А это было подано через пять месяцев после смерти.

— Новый секретарь желает выслужиться и успеть все сделать заранее. Не вижу в этом криминала, — приподняла бровь леди.

Я замялась.

— Вопросы вызывает еще кое-что. Салис был служащим, а только у нас, если вы обращали внимание, пишут причину смерти в сертификате, это необходимо для выплат наследникам из казны, в случае гибели при исполнении своих обязанностей.

— Я в курсе, — хмыкнула следователь.

— У Салиса в графе «Причина смерти» стоит «Отравление продуктами питания». В скобках — конфетами.

— Негодный продукт, — леди пожала плечами. — Значит, лекарь не обнаружил яда.

— Может быть и так, но Салис не мог отравиться конфетами, — я подалась вперед. — Он не ел сладкого вообще, и конфеты, в частности.

— Вы были близко знакомы с умершим? — она прищурилась.

— Нет, я... Нет! — меня затопило смущение.

Салис действительно был привлекательным и по характеру весьма и весьма... Но это невозможно!

— Он приходил ко мне по долгу службы и приносил конфеты из дворца, ведь на Императора работают лучшие кондитеры. Мы иногда по несколько дней разбирали дела, я ему предлагала угоститься, но он всегда отказывался, и от сахара, и от меда. Говорил, что у него какая-то болезнь, связанная с тем, что его организм сахар отвергает.

— Вы не можете знать этого наверняка, может, так он старался блюсти фигуру, а вам плел эту чушь? — леди потянулась к бумагам на столе.

— Но вы можете это узнать! У вас же есть доступ к архивам магов — лекарей, которые нас лечат. В смысле всех служащих, — добавила я быстро. Мне не хотелось, чтобы следователь подумала о нашей возможной близости с клерком.

— Все, или вас еще что-то насторожило? — рука ее бумагу так и не взяла, а в глазах леди Салито блеснул лед.

Ох, зря я напомнила Вредной Леди о ее обязанностях и связанных с этим возможностях.

— У него была супруга, и она была беременна, а на имущество претендует Дворец. Должен был быть дом, а вместо него вклад в Императорском банке.

Следователь поджала губы.

— Итак, госпожа Стиантон, я наведу справки по вашей заявке. Сколько времени вы можете не выдавать сертификат?

— Еще две недели.

— С вами свяжутся, если выдавать бумагу будет нельзя. Еще какие-то вопросы? — губы следователь поджала.

— Нет, благодарю.

Передо мной лег на подпись лист бумаги, испещренный мелким, но красивым почерком — автоматические перья, оказывается, фиксировали всю нашу беседу. Эх, хорошо быть магом!

— Вас проводить? — леди начала вставать, но я остановила ее жестом.

— Не стоит, я хорошо ориентируюсь, и помню, где выход. До свидания, леди Салито.

— До свидания, госпожа Стиантон.

Когда я закрывала дверь, леди-следователь откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Я с грустью подумала, что разбираться с делом Салиса на основе моих измышлений никто не будет, и мне так и не узнать, что же случилось с симпатичным блондином, куда пропала его супруга, и что случилось с их малышом?

На обратном пути я забрела в лавку мадам Симани и купила бутылочку яблочного сидра и черешневый пирог. В почтовом ящике меня ждало письмо от Ани. Моя замужняя, погрязшая в детишках, подружка, если добиралась до бумаги и пера — строчила целые романы, так что приятный вечер мне обеспечен.

Надо постараться выкинуть из головы все это, ведь что могла, я сделала.

* * *

Вечером с моря пришел дождь и сильными тугими струями постарался охладить изнемогающий город. Я сидела на веранде, попивая сидр, закусывая пирогом, и читала в свете двух янтарных фонариков о похождениях моих крестников, детей Ани: Лодака и Семара. Судя по тому, что они творили, таких маленьких прохвостов еще поискать надо.

Было около десяти вечера, когда дверной колокольчик издал звонкую трель.

Хм... В такое время это могут быть только соседи или сторож Арти.

Я, не стесняясь, как была, в халате, с еще влажными волосами и босыми ногами, накинув лишь шаль, направилась открывать. Открыла и опешила: передо мной стояла леди Салито с очень озабоченным выражением лица.

— Извините, что так поздно и тем более без приглашения, госпожа Стиантон. Могу ли я войти? — и прошла, не дожидаясь разрешения.

Аристократка же!

— Эээ, — все, что я могла выдать от удивления.

— Мы проверили информацию, которую вы предоставили, и все оказалось весьма интересно.

— ...?

— Счет в банке на имя Дайвокари действительно есть, и на нем ни

много ни мало два миллиона льер.

Госпожа Стиантон в моем лице с размаху села на кушетку при входе.

На эти деньги можно прикупить... с десятков лучших поместий на побережье, или... все побережье целиком!

Пока я пыталась прийти в себя после услышанного, леди-следователь рассекала по моей маленькой гостиной в круговом режиме, напоминая маятник, который уже начинал нервировать.

— Это уже разряд государственных преступлений? — я сглотнула.

Она кивнула, не останавливаясь.

— А его жена? — голос мой дрожал.

— Есть сертификат о разводе, и подписан он либо уже умирающим человеком, либо кто-то даже не сильно пытался Дайвокари поджечь.

— Значит, с Вивиен и малышом все в порядке?

— А вот этого мы пока не знаем. Поговорить с бывшей госпожой Дайвокари пока не удалось. Так вам о ней ничего не известно?

Я покачала головой.

— Леди Салито, можно вопрос? — кивок. — Я не понимаю, ведь обратился Дворец, а не человек с улицы с завещанием. Какой в этом смысл? Ведь банк Императорский и от лица Императора получают сертификат на вклад Салиса для Дворца. Его даже не обналичат. Я даже не представляю, как его можно обналичить? Ни один банк, даже Императорский, не выдал бы такой огромной суммы.

— Обналичить можно, причем, очень легко, — приостановила на мгновение свое кружение по комнате молодая женщина.

— Но как? Ртуть! — вдруг озарило меня.

— Да, эта сумма соответствует, хм, бочек пять-шесть, полагаю.

Ртуть — ценнейший металл в нашем мире. Амулеты, оружие, все требует вливаний этого металла, капли, десятой доли капли. Магия без него не проникает и не наделяет предмет желаемыми свойствами. Тот, кто имеет ртуть, очень богат.

Империя закупает ее в Королевстве Сальдарон. Они — единственные имеют на своей территории месторождения этого металла и умеют его очищать. Эльфы знали, где обустраиваться. Хотя, если честно, жить в их Королевстве нормальный человек не сможет. Пары ртути ядовиты, но природа сделала так, что организм эльфов не восприимчив к яду. Вот так и живут ушастые: в то время, как их край процветает, никто с набегам не шастает, ибо начнет медленно погибаться едва лишь пересечет границу вожделенного рудника, а то, что так необходимо всему миру, продается по той цене, которую они установят. Ртуть — прекрасное средство для

хранения накоплений.

Из раздумий меня вернул удар грома такой силы, что вздрогнули стекла. Даже леди притормозила от неожиданности.

— А что касается смысла, я его пока тоже не вижу. Но огромная сумма на счете небогатого клерка уже вызывает подозрения. Я так понимаю, ходатайство принимали вы?

— Нет, это был мой сменщик из Мэрии.

— Надо будет проверить, — задумчиво выдала леди Салито.

— Кисанодар не мог бы сделать ничего противозаконного! — воскликнула я.

— Вы за него ручаетесь?

— Да, — я удивленно подняла на нее глаза.

— Не стоит, госпожа Стиантон, люди порой могут совершать ужасные поступки, прикрываясь личиной добропорядочного гражданина, — усмехнулась леди Салито.

В это время за окном началась настоящая буря. С моря пришел не просто дождь, а сильнейший шторм. Молнии сверкали почти без перерыва, а гром заставлял содрогаться, кажется, саму гору Тир.

— Эмм, госпожа Стиантон, я боюсь показаться навязчивой, но есть ли возможность переночевать у вас, я как-то не рассчитывала на заплыв до дома. До Сантро теперь можно только на лодке. У вас же есть гостевая комната? — задумчиво глядя на кошмар за окном, произнесла леди.

Вот так — так. Не выгонять же человека в такую непогоду! Она права — извозчики попрятали животных. А округ Сантро далеко от меня. Или... она уже за мной следит?

— Разумеется, леди Салито.

— Давайте уже без леди, — женщина устало улыбнулась.

— Давайте, — вздохнула я.

Следователь была приблизительно моего возраста и хоть и была на голову выше по должности и по венам у нее бежала «не очень красная» кровь, она все же имела представление о современных тенденциях общества, лояльно относившегося к сглаживанию границ между аристократами-магами и простыми смертными, порой даже приветствуя его.

К тому же, что важно, она за дело все-таки взялась, причем, лично.

Я проводила мага в гостевую комнату, очень уютную, на мой взгляд: она специально была обставлена так, чтобы родителям, которые часто навещали меня, было удобно.

Забрав с веранды потухшие фонарики и тарелку из-под пирога, я

плотно закрыла форточки и проверила замки на двери. Было страшновато при таком-то ветре, и уже даже радовало наличие еще одного человека в доме. Я ко многому привыкла в Адрасе, но не к штормам. Они всегда вызывали волнение, почти животный ужас, буйством стихии.

Убедившись, что леди Салито скинула рабочий пиджак и начала распутывать сложную прическу, я пошла готовить ужин.

Алари появилась в дверях кухни в тонкой рубашке с закатанными рукавами и со взъерошенными, влажными, длинными волосами. Что-то в ней есть хулиганское... Может, она и была аристократкой, но, сдается мне, из рогатки в детстве стрелять умела и даже редко промахивалась.

— Душ в конце коридора за кухней, умываться под дождем не очень удобно.

Она улыбнулась и села за стол с выражением лица ребенка, которому вот-вот дадут вкусностей. Я поставила перед нежданным гостем кусок пирога, чай, налила в бокальчик оставшийся яблочный сидр, и пока женщина наслаждалась, полагаю, скромнейшим ужином по ее «ледивским» меркам, пила теплый отвар лоскутки.

Все случившееся вызывало мелкую дрожь в коленках. Мы с Кисом ведь могли выдать сертификат совершенно спокойно, нас сумма вклада совершенно не касается. Бррр!

— Ле... Алари, я ведь при выдаче сертификата не интересуюсь суммой на счете, но у банка же должны были возникнуть подозрения? Мы же не знаем их порядков, — задумчиво произнесла я.

— Если у банка принято выдавать то, что указано в официальной бумаге, то ему нет разницы, кто обратился — служащий или сам Император, как я поняла. Сумма вызвала бы сомнения, но, полагаю, все это проходило бы через нужных людей, так что, никто ничего не заметил бы до поры до времени, — криво улыбнулась леди Салито.

— А если это какие-то дворцово-императорские махинации? Ой! — я бросила на следователя испуганный взгляд, но Алари мою невежливость в адрес императора проигнорировала. — Может, нет тут преступления? Просто надо было перебросить деньги? Салис ведь был служащим и в неплохой должности, он же мог и какого-нибудь казначея заменять? — сама понимала, что несучушь.

— Такие суммы проходят только с подписи Императора, — видимо, подзабыв о манерах, с набитым ртом сообщила Алари.

— А подпись можно подделать?

— Обычную — конечно, а вот магическую — нет.

— А на таких документах какая ставится?

— Понятия не имею, но полагаю, магическая. Все это предстоит выяснить. Спасибо, за радушный прием и очень вкусный сидр. Мой жених увлечен выпивкой, — она улыбнулась и, заметив мои округлившиеся глаза, пояснила. — У его рода свои виноградники и яблоневые сады. Джет — прекрасный винодел и дегустатор. Он пытался меня приучить к сидру, но я, если честно, думала, что напиток простоват, беру свои слова обратно, этот весьма хорош.

Больше леди — следователь ничего не говорила и не спрашивала, видимо, мы достигли границ под названием «тайна следствия». Побеседовав на отвлеченные темы, а Алари тоже любила посещать театр и оказалась весьма начитанной и без лишнего зазнайства молодой аристократкой, мы разошлись спать уже за полночь.

Я долго ворочалась в кровати, не в состоянии забыть все, что случилось. Даже отвар лоскутки не помогал. А ветер за стенами все крепчал.

Когда сон меня сморил, опять приснилась всякая чушь: кучи бумаги, порванные вещи и мрак.

* * *

Я проснулась от страха, мне привиделось, что совсем рядом ударила молния. И вдруг накатила дрожь.

Заработал мой дар!

Вскочив с кровати, я накинула халат и вышла в гостиную. С непривычки зубы выстукивали мелкую дробь от ужаса, а сердце бешено колотилось.

Дверь в гостевую была открыта настежь. Удивившись, я сделала шаг, дабы заглянуть в комнату Алари и убедиться, что с моей гостьей все в порядке, но увидев то, что там происходило, издала дикий вопль — над спящей женщиной склонился черный силуэт с занесенным кинжалом, сиявшим в бледном свете ночника, точно застывшая молния.

Слава богам, Алари услышала. Маг-активатор еще во сне вскинула руку, и силуэт взмыл над кроватью, треснувшись о потолок, запахло гарью. Похоже, следователь была пиром. Однако убийца тоже оказался не из простых. Извернувшись в воздухе еще в полете, он ударил поднимающуюся с кровати женщину ногой в грудь, и та вернулась в лежачее положение. А силуэт рванул ко мне. Оружие хищно блеснуло.

Мне конец!

Я даже сдвинуться не могла. Да чего там сдвинуться, вздохнуть не получалось, будто приморозило. Но леди Салито, и правда, не зря была начальником отдела и получила кучу наград, она еще с кровати, вскинув руки, заставила черный силуэт резко затормозить — между мной и им зависли на уровне груди огромные, с тыкву, шары черного пламени. Убийца все же занес руку с кинжалом, зарывав от ярости, только лезвие прошло в сантиметре от моего горла, потому что один из страшных комков мрака врезался в мужчину, отшвырнув к двери на веранду.

Дверью, с которой встретился «лицом к лицу» убийца, он не преминул воспользоваться — толкнул плечом, и, в один огромный скачок, преодолев расстояние до перил, прыгнул вниз. Алари, промчавшись мимо меня, перегнулась через перила и что-то закричала.

Я же так и стояла посреди гостиной в халате и в полном ступоре на сквозняке.

Ветвистая молния разрезала небо на сотни мелких частей, заставив меня пискнуть от страха. Стоявшая на балконе под ливнем леди Салито испугала меня даже больше, чем убийца с кинжалом. Волосы ее вместо того, чтобы висеть мокрыми сосульками, развивались на ветру, да и выражение лица стало хищным и опасным.

Спустя несколько мгновений она все же вернулась обратно в комнату, где хозяйка упорно продолжала изображать статую, походка у магини была не твердой, будто она «опрокинула» бутылочку крепкого вина.

Леди Салито посмотрела на меня и, поняв, что с «произведением искусства» в моем лице разговаривать бесполезно, исчезла в коридоре, ведущем в кухню, погромев там шкафами и стаканами, она вернулась, неся огромный бокал с чем-то очень напоминавшим по запаху и цвету виски, и почти влила мне его содержимое в рот. Я глотала, не чувствуя вкуса.

— Яна, идемте, вам надо успокоиться и прилечь.

Что за «Яна»? На такое фамильярное обращение я согласие не давала. Боги, что я несу! Она мне жизнь спасла!

Алари помогла мне добраться до кровати, ее силуэт начал двоиться и тонуть в надвигающейся тьме. Последнее, что я услышала было: «Спасибо, Яна»

Глава 4

Алари

Дождь все не утихал, и, кажется, даже усилился.

А ведь всем мало-мальски образованным людям известно — никто не может управлять погодой, но, если выглянуть в окно, начинают закрадываться сомнения в осведомленности тех, кто это заявляет.

Либо даже природа была на стороне упыря, едва не сделавшего во мне дырку!

Знаю, что нельзя по долгу службы, но ей боги, дабы снять нервное напряжение — догнала бы и поджарила до хрустящей корочки! Но он точно в ливне растворился!

— Леди Салито, необходим лекарь? — долговязый защитник с усталыми, красными от недосыпа глазами пересек гостиную госпожи Стиантон, оставляя за собой мокрый след, как водяной из сказок, и замер возле меня.

Моя персона возлежала на диване с мокрым полотенцем на груди, которое призвано было не столько унять пожар, на пепелище которого потом определенно «вырастет» огромный синяк, сколько хоть немного сдерживало порыв бежать и действовать.

— Как видите, Молсон, я жива и здорова.

Хотя грудь побаливала. Адрого прилично меня приложил.

Обидно! Я даже сделать ничего не могла, потому что прямо на пути хорошего магического удара стояла растерянная женщина, спасающая мне жизнь, да и пара стен пары домов с мирно сопящими жильцами...

Сразу после прихода Молсона, в должностные обязанности которого входила защита граждан проживавших в округе Санрето, пришли те, кого мы именуем профессионалами в области обнаружения магии.

— Почему вы уверены, что это друид? — совершенно безэмоциональным голосом поинтересовался безликий мужчина в форме. Вот кого надо в шпионы брать!

Да! А почему собственно? Нападавший ведь не применил ни одного заклинания. Даже попытки не сделал. Хотя схлестнуться с сильным друидом мне — пироманту то еще удовольствие. Вода способна быть до ужаса смертоносной и до обидного действенной против огня.

— Послужив в Ораласе, я видела подобных ему. Если он не маг, то их

воспитанник. Они обладают поразительной цепкостью. По деревьям бегают, как лесные коты. Этот, например, оттолкнулся от стены, предварительно на ней посидев с полмгновения.

Да, у нас тоже есть маги воды, но они значительно уступают в силе и умениях друидам.

Ристарх — край болот и озер, к тому же умеющий выход, как и Иртанит, к Лунному морю. Вода у них вместо крови течет, поэтому они знают, как верховодить в этой стихии. Многие ученые мужи шепчутся, что когда-то особую силу и знания друидам дал дракон. Верится в это, однако, с трудом! Во-первых уже больше двух с лишним тысяч лет никто не видел драконов, и они бы стали сказкой, если бы не линормы, во-вторых, поклоняться то себе богоподобные, возможно, и позволяли, но с каких это пор боги стали делиться своими знаниями? Был у нас один, по легенде огнем поделился. И что получилось?

В общем, скорее всего родился у ристархов какой-нибудь псих-любитель экспериментов, который сделал значимые открытия в области применения магии воды, до которых у нас пока никто не дошел.

Да не больно и надо!

Иртанит всегда ассоциировался со огнем после прихода к власти ящеров. Они-то пироманты и способны управлять воздухом, а с ними по силе не сравнится ни один друид, если, конечно, скопом не нападать, как с бывшим императором получилось. Да и мы не промах! Это я так скромно о себе!

— Уверенности, что адрого, стопроцентной нет, но девяносто девять точно — друид.

— Я могу узнать суть расследования, которое вы проводите? — Молсон скривился. Ему похоже требовался отпуск, обычно нижестоящие никогда не интересовались подобным у начальников, ожидая милости.

— Пока нет. Все оказалось гораздо более интересным, нежели попытка умыкнуть приличную горку золотых. Хотя, за такие деньги можно не просто убить, можно убивать бесконечно... В любом случае, об этом должны первыми узнать во Дворце и как можно быстрее. Отправьте сообщение с пометкой. Пусть пришлют кого-нибудь из своих бездноглазеньких.

Молсон кивнул, и махнул рукой. Этого жеста хватило, чтобы один из пришедших с ним стражей исчез в дверях и загрохотал сапогами по лестнице.

— Владелица квартиры — госпожа Янина Стиантон, — один из подручных Молсона достал толстую тетрадь, видимо, с адресами

владельцев, перепись которых бережно хранилась в каждом окружном отделе. — Дама двадцати восьми лет, уроженка Дора, работает в Мэрии, в подсудных делах замечена не была...

Два миллиона льер! В них можно купать и плавать, как в дворцовых бассейнах! Может, можно еще и приплатить кому-надо и забрать их на тот свет...

Я задумчиво покусывала губу. Яна произвела на меня хорошее впечатление. Она сама пришла и рассказала о преступлении, подробно пояснив, в чем она видит несоответствие. Но... Но если она — разоблачитель целой группы мошенников? Испугавшаяся наказания соучастница? И в корешах у нее не просто люди, а друиды... А если все намного сложнее и это лишь хорошо разыгранное представление почитательницы театрального искусства?

Голова против воли повернулась в сторону плотно закрытых дверей спальни, где мирно почивала усыпленная порошком и алкоголем хозяйка.

Уж наверняка в твоих снах, госпожа Стиантон, можно найти много всего интересного!

Янина

Как написано в учебнике по этикету, официальное первое представление человеку или, если повезет, Высшему в нашей стране включает в себя информацию из разряда «родился, учился, женился, награжден». Кратко!

Служащие, купцы, мануфактурщики и все прочие, чья работа связана с общением с различными сословиями и классами, оттачивают содержание своей биографии долго и скрупулезно, доводя ее до совершенства. Этому даже в школе учат по тому самому толстому учебнику о правилах этикета. У меня же с краткостью всегда были проблемы. Уж простите! Но вот моя история до момента, когда силуэт Алари Салито растворился в сгущающемся мраке, а точнее до этой ужасной истории с Салисом.

Родилась я в первый день второго месяца зимы — архис, морозным вечером, когда звонко скрипит снег под ногами спешащих по делам прохожих, а звезды в небе искрятся, как рассыпанные по черному бархату бриллианты.

Когда я появилась на свет, акушерка, искупав и завернув в теплое одеяло, передала меня моей маме, бережно принявшей кряхтящий сверток. Мамочка наверняка затушила взмахом руки свечи в тяжелых канделябрах

на камине, погрузив комнату в особый полумрак, свойственный только зиме. Она всегда так делала, укладывая меня спать (мамуля у меня слабенькая, но волшебница). По полу, конечно же, растекся свет фонаря с улицы. Снежинки заглядывали в окно нашего уютного дома с печной трубой из красного кирпича, стоявшего, пожалуй, в самой тихой части города Дора в области Доралис, вдали от шумных улиц и цехов, в окружении таких же аккуратных, добротных, незатейливых строений, лишенных изящества, но милых сердцу тех, кто там родился. И, возможно, в этот самый важный момент моей жизни, какой-то не очень хороший человек пожелал мне не самой легкой дороги.

Я была первым и, как показало время, единственным ребенком. Маме и отцу было за двадцать пять, когда они поженились, а это для провинции приличный возраст. Хотя, надо отметить, что средний возраст смерти в нашей стране был весьма высок. Люди доживали спокойно и до восьмидесяти, что не идет ни в какое сравнение со многими странами-соседями, у коих рождение, обзаведение потомством и смерть могли спокойно и в тридцать лет уложиться. К тому же в столице вступали в брак и позже, и это не было так уж необычно.

Когда я родилась, отец и мать по достатку были на уровне хорошо стоявших на ногах середняков. Оба имели неплохие корни, хорошее образование, конечно же, для нашего города. Будучи достаточно предприимчивыми людьми, господин и госпожа Стиантон прижились на государственной службе: мама работала секретарем в канцелярии Мэрии, а отец был начальником городской службы по поддержанию чистоты и уюта в нашем городе.

Для меня в детстве отец был самым настоящим Императором, потому как имел в подчинении несколько десятков дворников, строителей, трубочистов. И с Ним, проходящим с инспекцией по улицам, частенько за руку здоровались лавочники и фабриканты: мэр-то далеко, а тот, кто решит проблемы по облагораживанию территории или «распугиванию» шпаны силами «указания» страже или «упрашивания» начальника охраны — вот он! И тем самым, появлялся шанс у господ-коммерсантов, что приличная публика дойдет до магазинчика или товар довезут в нужное время после сильного снегопада. Взятки он, наверное, все же брал, но в меру, уличен за этим постыдным занятием не был, и после выхода на заслуженный отдых сохранил добрые отношения со многими горожанами, потому, наверное, его с мамой до сих пор приглашали выпить чашечку отличного кофе, полакомиться выпечкой в кругу тех, кто имеет деньги и связи (конечно же, на уровне нашего городка) приглашали их и на приемы в городскую

ратушу, чем родители очень гордились.

Детство у меня было совершенно обычным по меркам того слоя общества, где у детей есть еда, одежда, возможность нормально учиться и при этом оставаться детьми. Так уж, правда, сложилось, что и отец и мать, обладали властными характерами, оттого дома у нас процветала любящая тирания. Если мы в чем-то во взглядах не сходились, решающим было, разумеется, мнение родителей. Например, были у меня попытки самореализации в творчестве: сначала на семейных ужинах, забираясь на большой резной стул, чтобы прочесть стишок собственного сочинения или спеть песенку, потом на школьных постановках, на которые у родителей не всегда наличествовало время и желание приходить. Все мои «театральные» потуги вызывали у них снисходительную улыбку, стихи — важный кивок и предложение заняться математикой. Ох, помню подзатыльники отцовские! В то время, когда он пытался втолковать мне решение элементарных математических примеров, я на потолке считала солнечных зайчиков.

Душу греют воспоминания о няне, которая задорно хлопала мне и подпевала, и моей первой школьной учительнице, смотревшей на ученицу с обожанием и верившей в мое связанное с театром будущее. А это для провинции тот еще вызов устоям! Ибо по всем канонам, как бы ни тянулась местная публика за столичными жителями, но! Женщина должна быть скромна, рожать детей и быть хранительницей очага, а не скакать по сцене иногда в весьма фривольных нарядах. Вроде и не в темные века живем, а кое-что совершенно не меняется в закостенелых представлениях провинциального общества. Театр, ясное дело, так и остался моей мечтой, и если ныне я не могу стоять на сцене, то часто наслаждаюсь, аплодируя из зрительного зала тем, кто сумел дойти до вершины.

Училась я прекрасно на радость всем, была заводилой среди сверстников. Все и шло бы хорошо, если бы не кошмарный трудный возраст, когда девочка становится девушкой и обзаводится кучей проблем, больше половины из которых надумана! А я тогда была пухленькой девушкой с короткой стрижкой. Не мечта мальчишек, которые уже женихались, или за которых уже начинали присматриваться к невестам родители. В любом случае, первые не обращали на меня внимания вообще, а вторые больше интересовались положением моих родителей.

В общем, туча комплексов моих росла, как снежный ком. Большую часть времени я сидела дома и читала. Разумеется, попытки приобщиться к миру растущих и хорошеющих девушек мною предпринимались, и мне помогало то, что я была не глупа и могла иногда даже манипулировать некоторыми из них, создавая, так сказать, иллюзию полезности для их

заманчивых стоек, хотя бы выполненными домашними заданиями. Но отсутствие внимания со стороны парней подкосило, и я редела в подушку в обнимку с книгой, пока за окном девушки бегали на тайные свидания и дарили первые поцелуи.

И вот пришел черед высшего учебного заведения, оно в нашем городе было одно- Императорский институт законовещения и защитной магии. Выходили оттуда дипломированные законники и маги-защитники. И это были не аристократы, для них существовали свои институты военной направленности. Да, маги-защитники были, но слабенькие, для военной службы такие не годились, а использовались как охранники, или в лучшем случае, работали при правоохранителях защитниками в маленьких городках и деревнях. Ведь повелось еще до пришествия к власти Высших, что сильные маги всегда приобщались к военной службе или выполняли охранительные функции, за что наделялись землей, титулом, который давал право этой землей распоряжаться. А земля — хороший доход, если с умом подойти. Да и сильные маги редко рождались у людей простых, магия, как и титулы, чаще всего переходила по наследству.

Способностей у меня не было (от мамы я не взяла даже того малого, что умела родительница) и выбор мой пал (разумеется, под чутким родительским руководством) на факультет законников. Нет, можно было в совершенстве освоить вышивание и домоводство в пансионе, но душа к этому не лежала ни у меня, ни, слава богам, у мамы с папой.

Конечно, как и все, я мечтала о столичных академиях, особенно об Академии Штар, куда попасть было сложнее, чем перекинуться в Высшего. И, конечно же, как и у большинства, эти мечты так и остались мечтами.

Но мне повезло, в институте я обзавелась двумя прекрасными подругами, разделившими мои дурачества, которых мне так недоставало в школе. Были и веселые посиделки, и поездки под бдительным окном одной из родительниц, в том числе и в столицу, где я ныне проживаю, и знакомство с молодыми людьми на приемах и вечерах.

А вот как раз с парней и начались мои неприятности.

Многие из нас в то время были увлечены историей нашего государства, не так давно была годовщина прихода к власти Высших. В городе решили организовать представление на главной площади, и множество школьных и институтских групп занялись постановкой различных эпизодов из истории, которые распределились по жребию. Эти импровизированные труппы и должны были побороться за приз на городском празднике. Наш мэр был заядлым театралом, и его часто с женой видели на больших представлениях в столице.

Мы с подругами Алианой и Талиной, как бабочки, порхали от одной такой группе к другой. Приятно, что за счет наших высоких отметок и моих, как оказалось, чуть ли не энциклопедических знаний (это им так казалось!) нас везде брали. Мы никак не могли выбрать, где же остаться, пока в одной из групп, не самой, к слову, талантливой, я ни познакомилась с Аликсисом.

Веселый молодой парень, студент второго курса факультета защитной магии, создававший вокруг себя атмосферу легкости и дружелюбия. Был у него такой дар! В общем, одного его поцелуя в щеку на вечере хватило, чтобы организовать в моей душе маленькое извержение вулкана. Ведь в подобных отношениях я была сущим ребенком.

По достатку на тот момент мы были приблизительно равны, как и по социальному статусу, в общем, ничто нам не мешало официально встречаться. Я с гордостью познакомила кавалера с подругами, которые приняли его вполне благосклонно. А вот мама с первой встречи Аликса невзлюбила, о чем она четко, не сдерживаясь, мне и заявила на очередном семейном ужине. Отец тактично промолчал, но сразу было понятно, чью сторону он примет.

Пояснять, что такое первая, причем, весьма поздняя влюбленность, полагаю, не стоит. Я не слушала ни единого слова и пребывала в крайней степени негодования при любой попытке указать на недостатки Али. И делала так, как считала нужным... Единственный ребенок всегда «слегка» эгоистичен.

Курсы и годы шли, мы выросли, но судьба не так проста, и если уж она что-то для вас уготовила — избежать этого невозможно.

Али был родом из неполной семьи. Отец давно ушел от них, сгинув на просторах Империи, что было необычно для нашего провинциального города. Говорят, он как-то пытался связаться с сыном, но в тот момент Аликсису смысла впускать в свою жизнь отца уже не было. Его мать, державшая небольшую прачечную, убивала себя на работе ради денег, которых семье так не хватало, ведь сын учился, а это учебники, одежда, хоть какие-то развлечения, чтобы не выделяться из толпы, а еще была старшая дочь с внуком и близко знакомым с зеленым змием зятем. Однако же, эта сильная женщина умудрялась держать себя, быть семье стержнем и не опускаться. К слову, моей матери родительница Аликса как раз таки понравилась.

Будучи на последнем курсе Аликсис сдружился с компанией ребят. Я сейчас не возьмусь судить, старался ли он для семьи или в угоду себе, но его поймали на краже в одном из книжных магазинчиков. А кража в нашей

стране каралась очень жестко. Тюрьма и лишение права заниматься какой-либо деятельностью, кроме, так сказать, черной: дворники, посудомойки прачки — пожизненно.

Я была в ужасе, ведь оказалась между страшной реальностью и мечтой, которую в душе берегла и лелеяла. Родители лишь важно кивали и говорили, что этого следовало ожидать.

Отец все же смягчился и предложил помощь городского законника, который, рассмотрев дело, заявил, что единственное, что спасет Аликсиса — это примирение с владельцами книг, а как оказалось, книги были весьма недешевы, имели отношение к магическим искусствам и были выставлены на торги в помещении магазина несколькими десятками собственников.

Чтобы не сломать судьбу сына, матери Аликса пришлось занять огромную сумму денег и обивать вместе с Али пороги потерпевших. Одни шли на уступки, другие сильно завышали цену книг, и вылилось все это в сумму, практически равную стоимости прачечной, которую и пришлось продать.

В это время я пыталась, хоть как-то убедить родителей, что Аликсис не так плох, что он лишь пытался помочь своей семье, и сама понимала, что не верю в это. И, если ранее между ними и моим любимым была «хорошей ширины» трещина, теперь она превратилась в огромную пропасть, дна которой видно не было. Но тем, что окончательно разрушило все, что было между нами, стала пропажа из кабинета отца весьма приличной суммы денег.

Я плакала, раздираемая двумя чувствами: понимая, что Али меня предал, раз пошел на такое, и до последнего не веря, что это его рук дело.

Но еще больший ужас ситуации состоял в том, что я была беременна. Да, я познакомилась с миром отношений за пределами невинных поцелуев и объятий, чем вызвала закатывание глаз и сдавленные возгласы своих подруг. Девушка до свадьбы не могла себе такого позволить, опять же по всем канонам. Ох, эти правила и законы! Они нарушались повсеместно, главное не допустить огласки и не давать повода сплетням. К тому же я была уверена, что я и Аликс вот-вот поженимся. Мать поняла, что я в положении, когда шел уже третий месяц. Жестким властным тоном мне было указано, что к нам придет акушерка. Я всеми силами пыталась отсрочить, выпросить, вымолить. Но родители заявили, что никогда Аликса в семью не примут, как и его ребенка, а я буду сама решать свои проблемы, и это без образования, собственных средств и неполучения официальной вольной, позволявшей мне самостоятельно совершать сделки — во всем этом по ее словам мне будет отказано.

А Али... Когда я рассказала ему о произошедшем (а я все еще уговаривала себя, что он не виновен, даже греша на родителей, которые под предлогом пропажи несуществующих денег, пытались разлучить меня с ним, ведь стражей они решили не вызывать), Али на аборт легко согласился, погладив меня по голове и заявив, что это еще не конец.

А я была так подавлена, что пошла на поводу у боязни ответственности и одиночества, страха не справиться. Когда в дом вошла женщина в чистой одежде с чемоданчиком и пронзительными синими глазами, я до последнего надеялась, что кто-нибудь из родных и особенно Али недопустит этого кошмара. Но никто не пришел. А когда все закончилось, я впала в забытие. Три дня лекари пытались вытащить меня, уже, кажется, занявшую очередь к Весам Судьбы.

Я мало что помню, лишь страшные сны, они заставляли сердце заходиться от боли и безысходности. Так я и получила свой дар. Дар-наказание. Темный дар, запрещенный в нашей Империи, и так нелюбимый во всем мире — видение будущего.

Живы были легенды о Сальтирине, Породителе Бездны, обладавшим даром предвидения. Он мог заглядывать в будущее, читая его будто книгу, он вверг королевства (а в тот период истории на территории нашей страны была сотня мелких графств, герцогств и королевств) в страшную войну, и в итоге воцарился на их костях, объединив несколько королевств, сильно потрепав соседей. Он отчасти был создателем той самой Империи, которая позднее переродилась в Иртанит. Знание — сила! А он знал, что будет, если так или иначе направить нить времени. После его смерти, все пришли к выводу, что людей или представителей иных рас с таким даром надо уничтожать, иначе они могут поставить мир перед очередной катастрофой.

Но в моем случае хуже всего было то, что благодаря дару я могла предвидеть только плохое. И даже спустя годы, зная об этой особенности, просыпаться каждый раз при виде крови, которая льется на меня водопадом, без возможности понять, откуда придет беда, кого она коснется — это походило на сумасшествие.

Каким-то немислимым образом маги-лекари ничего необычного во мне не усмотрели, хотя, позже я стала склоняться к мысли, что моему дару не нужен магический резерв, ему нужны эмоции, переживания, а на момент выписки я была полностью опустошена.

Конечно, после всего произошедшего с Али я больше не встречалась, хотя он всячески добивался свидания со мной.

Однажды его мать подкараулила меня у дверей института. Вся уставшая, измотанная, она спросила, что со мной случилось. Видимо,

Аликс не просветил родительницу на сей счет. Я, честно глядя ей в глаза, рассказала правду. Женщина, опустив голову, произнесла тихо, что не надо было, как-нибудь прожили бы. Я, молча, развернулась и ушла.

Жизнь моя круто изменилась.

После окончания института, несмотря на протесты родителей, я, получив родительскую вольную, перебралась в столицу, где благодаря высоким баллам мне предлагали очень неплохое место с перспективой дальнейшего роста. Я любила маму и отца, но жить с ними уже не могла. Обстоятельства почти развели меня и с подругами, мы переписывались, но былой близости уже не было.

Боль от предательства и собственной глупости со временем поутихла, «дверка» к ней в моем сердце все больше прикрывалась сквозняками жизни.

Дар проявлял себя все реже, он действительно сильно зависел от переживаний, а я всячески старалась избегать того, что могло их всколыхнуть, оттого проклятье Сальтирина потухло, как костер, лишенный дров.

В столице я устроилась сначала секретарем, доросла спустя почти семь лет до делопроизводителя. Должность эта была не в чести, не все любят работать со смертью, а мне было легче с теми, кого уже нет, за них уже нет смысла переживать.

Янина Стиантон слыла на работе своей девочкой, ибо умела улыбаться и помалкивать о том, что у нее на душе — что, собственно, никому и неинтересно. К тому же я много и хорошо работала. А это самое главное качество, которое от вас ждут в столице. Я посещала театры, участвуя в городских постановках на уровне любителя, и старалась жить. Просто жить.

Мужчины, подсознательно, наверное, чувствовали мое отношение к «отношениям», оттого редко предлагали мне что-то большее, нежели дружбу и это меня вполне устраивало. Не могла я представить себе человека, которого смогу полюбить и допустить за свою улыбающуюся маску. Но больше беспокоило то, что едва я начинала переживать по хорошему ли поводу или по плохому, как начинал проявляться дар, а хуже чем ощущение, которое он приносил, не было ничего. Но я научилась справляться и с этим.

Семь лет в столице, три из них без гнетущего ощущения, что вот-вот придет видение, сильно меня расслабили. Или жизнь просто дала мне передышку перед ураганом.

Глава 5

Янина

Когда я проснулась, тонкие солнечные лучики проникали сквозь неплотно задернутые шторы, теряясь за большим плетеным креслом у окна.

Боги, уже день!

В голове стояла звенящая пустота, будто память еще не проснулась или вообще испарилась, а единственной мыслью было напиться ледяной воды.

Как же хорошо выспаться!

Однако, стоило откинуть одеяло и увидеть давешний халат... Ощущение от нахлынувших воспоминаний было сопоставимо с нырком в прорубь.

Я замерла и прислушалась, даже дыхание затаив — в квартире стояла тишина, никаких посторонних звуков, а они наверняка должны были быть после случившегося!

Трясущимися руками стянув ночнушку и нацепив первое подвернувшееся под руку платье, я тихонько приоткрыла дверь и выглянула в гостиную, там меня (слава всем богам!) встретили тишина и полное отсутствие живых, кроме мухи, которой почему-то совсем не понравилась мамина ваза, об которую, громко жужа, гостя изо всех сил билась.

Единственное, что настораживало в этой «идиллии» — открытая дверь на балкон.

Почти крадучись я подошла к деревянной раме и, чуть помедлив, выглянула, правда, опять едва не пискнула от страха — в кресле за столиком, закинув ногу на ногу, устроился молодой мужчина с книгой в руках.

Следователь?! Ждет меня для допроса о вчерашней ночи?!

На убийцу не похож, и то ладно.

В этот момент гость, сидевший к двери в пол оборота, повернул голову и, заметив мою испуганную мордашку, улыбнулся. Темно-русые короткие волосы, широкие плечи, потрясающего цвета глаза, они были ярко-синие, как море, купающееся в солнечных лучах за его спиной, темный сюртук и высокие сапоги довершали портрет симпатичного мужчины. Он явно не был следователем, и, похоже, предки его носили звучную фамилию, потому

что аристократизм чувствовался даже в его взгляде, но он был правильный, ненавязчиво покровительственный.

Он встал из-за стола и шагнул ко мне, томящейся у входа, легко поклонился и протянул руку для приветствия. Военная выправка тоже имела место быть. И я, наконец, заметила, что по левой ладони незнакомца змеится татуировка. На лекаря он был не похож, значит, маг-защитник.

— Доброе утро, госпожа Стиантон. Джут Салтелит! — короткое рукопожатие.

Ух, ты! Это имя было мне знакомо. Неужели, правда, он?

— Аа... эээ... лорд?

— Прошу прощения? — приподнял он бровь.

— Вы — лорд Салтелит, тот самый щит Ораласа? — я забыла про стоптанные туфли — тапочки, про мягкое платье и даже про растрепанные волосы и с восторгом взирала на приятного мужчину, не веря своим глазам.

— Приятно знать, что даже в столицу обо мне доходят слухи, — он опять улыбнулся, и, боги не дадут соврать, улыбка у него была потрясающая. — Только прошу без лордов. По службе я привык к более простому обращению, к тому же вы спасли жизнь моего друга и моей будущей невестки, а это бесценно.

— Леди Салито? — я удивленно распахнула глаза.

Мужчина кивнул.

— Оу, так это у вашего рода виноградники?! — улыбнулась я.

Джут рассмеялся, а мое сердце предательски пропустило пару ударов.

— Неужели Алари уже погоревала по поводу того, что ей никак спиться не дадут? — он закрыл книгу и положил томик на подоконник.

Я никак не могла перестать улыбаться. Однако надо представиться (хотя, он наверняка и так знает кто перед ним)!

— Янина Стиантон, хозяйка этого дома — легкий реверанс. — А где же сама леди Салито?

— Она еще ночью собрала группу и сейчас рыщет по городу. Я, к сожалению, не знаю всей сути дела, она лишь попросила присмотреть за вами. У них летом совсем с людьми плохо. Алари сказала, что физически вы не пострадали, но, возможно, вам требуется осмотр лекаря? — лорд Салтелит окинул меня оценивающим взглядом.

— Нет-нет! Мое здоровье в полном порядке! — поспешила заверить я защитника.

Конечно, что еще мог забыть такой человек в моей квартире. Если бы ни летний отдых у стражи, я бы его и не встретила.

— Слава богам! — от лорда Салтелита волной шло спокойствие и

дружелюбие.

К слову, в нашем мире маги могли быть трех видов: маги-защитники, способные создавать щиты на предметах или живых существах (чем сильнее маг, тем больший урон он мог поглотить, как физический, так и магический, причинить же вред своей магией он возможности не имел); маги-активаторы, наоборот, не способны создавать щиты ни в каком виде, но имея возможность обращаться к одной из стихий, способны наносить урон; маги-лекари и есть маги «от головы», как их называют в народе, они способны телепатически общаться, воздействовать на разум живых существ. Они крайне редки, в мире их, наверное, можно по пальцам руки пересчитать.

Уже в первые годы жизни становится ясно, к какому виду будет относиться ребенок-маг, и сменить этот вид невозможно, так же и активатор не мог изменить стихию, к которой он был предрасположен с рождения.

Лорд Салтелит был самородком на несколько поколений. Такие сильные защитники, как он, рождались крайне редко, в отличие от сильных активаторов.

При отражении атаки ристархов три года назад, он смог, по словам ученых, создать щит, поглотивший урон от магического удара двух верховных друидов — уникальный случай. Этим Джут сумел предотвратить вторжение на территорию Империи и спасти сотни жизней.

— Лорд... Джут, прошу простить меня. Я приведу себя в порядок и приготовлю кофе, или, может быть, вы желаете чай? — мне вдруг стало стыдно за свой вид и захотелось испариться.

— За кофе буду признателен, — он кивнул и уселся обратно, не забыв прихватить книгу.

А я побрела в ванную, по дороге прихватив нормальную одежду и пытаюсь не думать о том, что у меня на балконе сидит легенда, и что как-то легко мне стало удаваться называть лордов не лордами.

Я целую вечность распутывала колтуны, умывалась, выбирала между двумя сортами кофе. С одной стороны мне очень хотелось поближе познакомиться с этим удивительным мужчиной, а с другой (уже по привычке) я всячески старалась оттянуть возвращение на балкон. Я не относилась предвзято к аристократии. Они не бесчинствовали в Империи. Им этого не позволяли строгие законы, и те, кто следил за их соблюдением. Но маги-аристократы были отдельной кастой, им было, разумеется, легче в кругу себе подобных, понимающих силу, знающих о всех ее недостатках и достоинствах. И если обычные аристократы (коих было не так много из

старых родов) могли сочетаться браком с людьми без титула, то маги-аристократы всегда искали не просто магов-аристократов, они супругов даже по схожему виду магии подбирали.

К тому же Джут смутил меня своей открытостью и простотой, это было не свойственно тем, кто носил титул, и уж тем более был так знаменит, как он. Хотя, первое впечатление может быть обманчиво, и он может оказаться занудой и снобом!

* * *

Апофеоз «лордовского» нашествия в моей жизни был уже близок, жалко, что я этого не знала, хотя, даже если бы и знала, изменить вряд ли что-то могла. В любом случае подлый дар о моей судьбе бессовестно молчал.

Приведя себя в порядок, сварив кофе, и к своему изумлению, почуяв запах свежих булочек, которые волшебным образом материализовались в корзиночке с белоснежной салфеткой на столе перед моим защитником, я и лорд Салтелит со всем этим богатством уселись на балконе ждать прибытия леди Салито и ее команды.

Джут оказался приятным собеседником, но жутко стеснительным, что поначалу смутило и меня, а потом стало даже забавлять (представляю, как резвится леди Салито, я ее почти не знала, но, на мой взгляд, она склонна к тому, чтобы подшучивать над людьми). Однако, я все же сумела его разговорить, ведь его лордство сам разрешил не учитывать аристократическое происхождение.

Жил и работал он в крепости Оралас на западной границе нашего государства с крайне недружелюбными ристархами. Пятьдесят с лишним лет назад наши воинственные соседи в очередной раз решили, что линормам на троне нашей Империи делать нечего, и в ходе коварных интриг, набегов и помощи друидов, убили нашего предыдущего Императора Арьяла Нильтина.

Но его место, к их большому сожалению, занял ныне здравствующий Айдэл Валкон, потомок самого первого нашего Императора. Он с братом Айльдиром подавил бунт, который устроила небольшая горстка аристократии, пожелавшая свергнуть действующую власть, и вышвырнул силы захватчиков, разорив их страну так, что Ристарх до сих пор не мог восстановить свою экономику, но продолжал, однако, брызгать слюной в нашу сторону и жаждать мести, соваться, правда, не решаясь.

Разумеется, Император с братом не вдвоем устанили угрозу, на их стороне были линормы, даже те, кто не находился на службе и постоянно проживал в Ризраге, а также большинство военных и гражданских магов и часть армии.

Айдэл Валкон был сильным и жестким правителем. И, как показало время, он не совершал ошибок прошлых Императоров, которые недооценивали потенциальное желание людей быть у власти и обогатиться, в том числе, не гнушаясь и убийством, что, собственно, и привело к появлению заговорщиков и, как следствие, смерти его предшественника. Хотя о той кровавой истории мало известно. Для линормов это был вызов, брошенный их родам. И лидером родов, как я понимаю, стал Айдэл.

Как Император, он постарался окружить себя в основном линормами и проверенными опытными людьми. Он заставил родовитых магов, таких как Джут, нести обязательную воинскую повинность: они обязаны были служить отечеству до сорока пяти лет, и только после этого за ними сохранялось право передавать по наследству титул и земли. Ранее же титул всегда переходил потомкам. От магов требовалось являться в столицу по первому зову, и их могли перебросить на любую из границ государства.

Император также стал лично рассматривать кандидатуры на большинство важных государственных постов. Да, ставил и просто родовитых, но в советниках у них ходили очень сильные и умелые маги, и они, пользуясь покровительством Высшего, имели право ему пожаловаться, если к их советам не прислушивались.

Удивительно, но наша аристократия это проглотила. Во-первых, многие боялись нового Императора, а во-вторых, как ни странно, лучше остаться при своем чуть поработав, ради этого, чем лишиться всего. А если бы ристархи во главе с друидами победили, мало бы не показалось никому — головы аристократов полетели бы первыми.

Джут как раз и был советником по защите крепости Оралас. Он же рассказал, как Алари засветилась своими умениями при Варийском подавлении. А мне еще показалась ее фамилия знакомой! Она действительно оказалась пиром (а то, мало ли привидится со страху!)

Мне, как и любому человеку, не вращавшемуся в высоких кругах, было жутко любопытно послушать о легендарной личности — Айдэле Валконе, ведь Джут видел его лично. Простой народ мог лицезреть лишь серого линорма, который вылетал из резиденции, да старики помнят, как он и его брат устроили в Адресе, охваченным бунтом, настоящий ад. Слышала, что он был в человеческой форме красив с глубоким шрамом на левой щеке и черными глазами — особенностью ящеров. Но мой защитник,

замявшись с описанием внешности, заявил, что император — прекрасный руководитель, говорит мало и по делу. А это высокая оценка со стороны мужчины, на мой взгляд.

Парадокс нашей Империи — народ любит ящеров, хотя наши соседи от этого в ужасе, полагая, что целая страна околдована, ведь, по их мнению, линормы — злобные маги-монстры, маскирующиеся под красивых кукол.

А страна совершенно искренне скорбела по убитому Императору три года, даже с учетом того, что линормы не любят появляться на публике и Императора простой народ видел крайне редко.

Для общения с подданными при дворе давно уже учреждена должность, называемая «Арт-Империт» — представляющий роды. Это человек, заслуживший уважение в народе, этим же народом и избирался (ну, как «народом», скорее аристократами, богатыми промышленниками и купцами), и он, живя и работая во дворце, обнародовал большинство указов, общался и принимал просителей, занимался устройством мероприятий в масштабе целой страны, в важнейших из них участвовал, конечно же, сам Император, это же касалось и приема высокопоставленных гостей из-за рубежа. И, разумеется, только Император лично мог объявить войну и обычно участвовал в ней сам.

А вообще, наша система «Линормы во главе людей» ставила в тупик многие страны.

Ящеры были древней расой, долгоживущей, обладающей большими, не то чтобы способностями, а скорее мощью в магии. Они, например, ничего не создавали — оружие, артефакты, они им просто не нужны, их магический резерв гораздо больше, чем у других рас. Фигурально выражаясь, там, где наш сильный маг может соорудить небольшой холм, линорм топнет ножкой и сотворит скромную горную гряду. А ввиду своего долгожительства линормы обладают еще и большим объемом знаний, и, кстати, практически безэмоциональны (как говорят). В них нет алчности, или ее так мало, что нам кажется, что ее нет вовсе. Хотя нет, алчность имеется в одном, они — защитники своей территории, поэтому сумасшедших, желавших навязать нам войну за историю их правления было не так и много. Этим страдал и до сих пор страдает лишь наш западный сосед, с маниакальным стремлением желающий убить всех представителей этой расы.

В общем, линормы — идеальные правители. Они сами решают внутри своих родов, кто станет Императором, они не будут стегать страну налогами или войнами, если не увидят в этом выгоду именно для страны. И они умеют ждать. Наевшись досыта вечными дрязгами, кровавыми

смутами, и после очередного вырезания очередной правящей человеческой династии, люди уже чуть больше тысячи лет назад плюнули на правителей — людей и заключили договор о вечном царстве с ящерами. Мы его так и называем — Вечный договор.

Сами линормы на тот момент жили в своем обширном, но суровом крае на севере нашего континента, в Ризгаре. И, как ни странно, участвовали в жизни нашей Империи, выступая защитниками северо-восточный и северо-западных крепостей. После подписания договора, Ризгар вошел в состав Империи, и наступило время правления драконоподобных, чем очень довольны мы, и не доволен остальной мир.

Это, правда, привнесло сразу же новую смуту. Но новые правители оказались мудрыми управленцами, они жестко подавляли бунты, однако, никого не убивали лишней раз, вложили большУю часть своих богатств в экономику, поднимая магическое производство, сельское хозяйство, создав армию, способную отстаивать наше право на выбор правителей и способную защитить нашу землю и были основными ее составляющими. У каждой крепости на границе есть свой ящер, а это очень сильный маг.

По старой традиции был оставлен и титул «Император», хотя, по сути, ящеры были наемными работниками и не передавали его по наследству.

В общем, они были любимы народом, который покорили своими мудрыми решениями, сильно поднявшими уровень жизни населения. И так и сохраняли вокруг себя ореол таинственности. Красивая загадка! Сказка! Уж какая юная девушка устоит без екнувшего сердечка перед портретом того же Айдэла Валкона. Линормы действительно на портретах были похожи на красивых кукол (я даже сама не верила, потому и спросила у Джута). Но люди ничего не знали об их обрядах и личной жизни. О браках между расами тоже известно не было. К тому же есть сферы жизни общества, в которые и сами ящеры никогда не вмешивались. Это религия, быт, семейное устройство. Вся функция управленцев в таких сферах сводилась к сдерживанию фанатиков и грамотному составлению законов, каравших этих самых любителей крайностей.

Вот так и живет Иртанит!

Кстати, есть один интересный момент. Хотя я, как законник, неоднократно читала Вечный договор, и там, конечно, шел разговор о горах, замках для высших, помимо области Ризгар, и прочих наградах, которые они получали за свой труд. Но все-таки, мне всегда казалось, что линормы имеют нечто гораздо большее от этого договора, но что это — для меня так и осталось загадкой, как, полагаю, и для всех остальных.

А почему их называют высшими, спросите вы? Да потому, что у них

нет такой «ветвистой» иерархии, как у нас. Между собой (на наш человеческий взгляд) они все равны, и подчиняются приказам лидера- главе самого мощного рода. Право силы и мудрости. А для нас любой линорм — лорд, то есть, у него по умолчанию есть титул.

Я рассказала Джуту, что однажды ко мне по долгу службы пришла леди-линорм, как мы ее окрестили, в человеческом обличье. Очень красивая, с удивительной грацией, она была то ли личный секретарь, то ли помощница кого-то из советников Императора, но у нас, людей, она вызвала целую гамму эмоций и не очень положительных, к слову.

Она была безукоризненно вежливой, ее воспитание зашкаливало все мыслимые пределы, она ни в коей мере не смотрела на нас пренебрежительно, просто не проявляла никаких чувств и эмоций, вообще, лишь приятно улыбнулась, когда поздоровалась и попрощалась. Но для человека отсутствие реакции на его слова — это разговор со стеной. Не скажешь, что неприятно, а что-то не то. И да, черные, точно бездна, большие глаза, конечно же! Они сильно смущают с непривычки!

Джут долго смеялся, а потом сознался, что сам привыкал, когда только познакомился с военным советником Элькарасом. Лорд Салтелит поведал по секрету, что большей эмоциональностью в мире линормов «страдают» молодые, пары у которых недавно появилось потомство, и... Император, но это, говорят, из-за того что он очень сильным маг, которому тяжело дается контроль силы.

Мы, конечно, не могли обойти вниманием тему «Какая ипостась у линормов изначальная?»

Тут ходят легенды. Одна говорит, что линормы созданы были драконами, как драконоподобные ящеры, одни могут летать, другие крыльями не обладают с рождения, что не умаляет их способности к магии, а когда в мир пришли вторые расы: эльфы, а затем и люди, дабы не пугать их и не вызывать агрессию, линормы научились оборачиваться, в отличие от драконов. Хотя и тут все спорно...

А другая легенда гласит, что это отдельная раса первых очень сильных магов, поклонников драконов, ведь внешность их все же отличается от иных народов, но среди своих имеет схожие черты.

За беседой мы опустошили корзинку с булочками и до отвала напились кофе. Вчерашнее происшествие чуть сгладилось. Джут был очень мил, с ним было удивительно спокойно, и я расслабилась. Единственное, что билось на краю сознания маленьким назойливым молоточком, это пробуждение дара, который благополучно дремал столько лет.

Хотя я давно уже поняла, что другие маги не могут его почувствовать

и бояться мне нечего. Но само его наличие лежало грузом на сердце, страшно, когда ты что-то чувствуешь, а предотвратить не можешь. Ведь я предвидела сражение в Ораласе, в виде каменного обвала и стонов умирающих, ровно за сутки до того, как Джут сотворил щит, спасший огромное количество жизней. Это было единственное проявление дара за последние несколько лет. Но судьба сама предотвратила катастрофу. И эта судьба сидела передо мной и рассказывала веселую историю из армейской жизни.

Отчасти я была уже благодарна убийце за знакомство с этим потрясающим человеком.

* * *

Ближе к полудню мы услышали хлопок, свидетельствующий о том, что в маленькое отделение городской стражи, здание которого располагалось почти напротив моего дома, кто-то переместился, и, подойдя к перилам, заметили выходящую из дверей леди Салито с посеревшим усталым лицом.

С ней было еще двое мужчин. И один не мужчина! Точнее, не человек!

Это было понятно сразу, по осанке, чересчур плавным для человека движениям и волосам цвета серебра, они не блестели в лучах солнца, а, наоборот, будто поглощали свет. Одет он был неброско в белый сюртук с черными вставками на рукавах, темные брюки и сапоги, был выше всех, кто его окружал.

Линорм!

Они пересекли улицу, и подошли к входу в мой дом.

— Это же Эллинар Валкон, первый наследник Императора. Видимо, все очень серьезно, — удивленно изрек Джут.

Меня затрясло. Я никогда не общалась с линормами такого уровня. Да я вообще только одного видела вблизи! Ту даму из дворца! Причем, когда она нас посещала, мэр выплясывал вокруг нее, развлекая гостью, как мог, так что в принципе, мне немного удалось с ней пообщаться. Я даже не знала как себя вести, и как его называть! Разумеется, я была обучена этикету и манерам, но, знаете ли, меня не каждый день посещают отпрыски Императоров.

— Ааа... Как к нему обращаться? Представляться полностью? — голос мой дрожал.

Джут легонько сжал мою вмиг похолодевшую ладонь своей теплой большой рукой.

— Просто. «Лорд Валкон», он подаст тебе руку, а ты присядешь в реверансе.

Сглотнув, я обругала себя за то, что все это и так прекрасно знаю, за то, что полезла во все это. Потом обругала за малодушные мысли. Но вот поддержка Джута была приятна.

Дверь в глубине квартиры хлопнула, и на балконе появилась Алари, за ней шел наследник, двое мужчин остались в гостиной.

Леди Салито, как и требовал этикет, представила нас.

— Лорд Эллинар Валкон.

Тот скользнул взглядом по мне и переключился на Джута, у нас первым представляется и здоровается мужчина.

Джут отпустил мою руку, которую все еще дружески сжимал и, сделав шаг к линорму, поклонился.

Наследник кивнул, они явно были знакомы, и обратил свое внимание на меня.

Я вышла вперед, чувствуя, что становлюсь похожей на Лунноморский песок по цвету — белею на глазах. Он подал мне руку, и я прикоснулась к длинным пальцам кончиками своих и присела в глубоком реверансе.

— Госпожа Янина Стиантон, — послышался голос леди Салито.

— Лорд Валкон, — я вежливо поклонилась, только вот после этого подняла голову и испугалась даже сильнее, чем ночью — лицо наследника было прекрасно и абсолютно спокойно, а вот глаза горели.

Как может гореть тьма?!

Он чуть сжал пальцы и отпустил мою руку на свободу. Я еле сдержалась от облегченного вздоха и отступила к Джуту. Леди Салито начала пояснять, как и что произошло, и что она считает, что ночным гостем был адрого!

Друид?!

Вот так новость!

Наследник внимательно выслушал описание ночного происшествия и измышления Алари, и когда та закончила, точно фокусник, сделал пас рукой. Подумалось, что сам воздух потянулся к нему, даже я, не обладающая магией, почувствовала это и заметила краем глаза, что Джут и моя спасительница поежились, как от сквозняка. Мимо нас пробежал едва видимый призрачный силуэт. Наследник точно создал тень-воспоминание.

Лорд Валкон шагнул с веранды в гостиную, мы последовали за ним. Также молча, линорм сотворил заклинание, и перед зрителями было разыграно все ночное представление, только немое, где артистами были дымчатые призраки.

Вот стою я и смотрю в сторону комнаты, вот призрак убийцы взмывает вверх, оказывается, ударив Алари, он еще приземлился, как муха, на стену над ее головой, и от стены, будто от обычной горизонтальной поверхности, он оттолкнулся в мою сторону. Опять малоприятный момент, призрачное лезвие в паре сантиметров от моего горла. Дальше я смотреть не стала, обняла себя за плечи и отвернулась. Джут сделал шаг ко мне и положил большую теплую ладонь на плечо.

— Я согласен с вашим мнением, леди Салито, — голос наследника нарушил тишину звоном металла.

— Лорд Валкон, я, к сожалению, не могу точно сказать, к кому из нас ночной гость приходил... — осторожно начала Алари.

— Поясните.

— С госпожой Стиантон я познакомилась вчера при следующих обстоятельствах... — далее последовал обстоятельный рассказ с момента моего появления во Дворце Чести и заканчивая приходом ночного гостя.

— Два миллиона льер значит, — наследник задумался. — Донесение Молсона было правильным...

— Бдительность госпожи Стиантон показала, что у нас завелся крот, Лорд Валкон, очень жадный крот, полагаю, нацелившийся на ртуть.

— В чем вы видите смысл убийства госпожи Стиантон? Она уже доложила о возможном преступлении.

— В случае смерти на ее место приходит другой делопроизводитель, возможно, их человек, который бы, не глядя, подписал если не этот, то другой сертификат. Уверена, целью нападения была не моя скромная персона.

Кажется, я сейчас упаду в обморок. Неужели, если бы не буря, я была бы мертва?!

— Госпожа Стиантон предположила, что Дайвокари был убит. Ее смутило также то, что обратился за выдачей Дворец, хотя у покойного была семья.

— Я хочу к вечеру видеть подробный отчет о том, что было, и если вы все видите в правильном свете, то госпоже Стиантон требуется охрана, пока мы не выясним, что же произошло на самом деле, — наследник выжидающе посмотрел на Алари.

— Я обо всем позабочусь, — леди Салито кивнула.

— Следователи мне нужны в городе для выяснения обстоятельств, людей мало. О госпоже Стиантон могут позаботиться во дворце, охраны там достаточно и лишних людей задействовать не придется, это обычная практика для таких нетривиальных случаев, — проговорил линорм.

— Это было бы лучшим вариантом, — Алари опять кивнула.

А у меня возникло ощущение, что меня решили использовать как приманку.

— О вас будет сообщено, госпожа Стиантон. Соберите минимум вещей, и я попрошу лорда Салтелита быть вашим провожатым.

Джут поклонился, а наследник направился к выходу.

— Лорд Валкон, — вдруг осмелела я.

Линорм остановился и развернулся с удивительной быстротой и грацией.

— А как же работа?

— Сделаем вид, что вы заболели. Это уберезет вас от лишнего выхода в город и позволит проследить за замещающим вас лицом. О том, что вы будете проживать во дворце, знать должно как можно меньше народу из вашего окружения.

Он замер на мгновение, ожидая возражений. Но вряд ли я была бы способна оспорить его приказ.

— Жду вас сегодня с докладом, леди Салито, а вас, лорд Салтелит, завтра с утра к переходу в крепость, вы отправляетесь в Оралас со мной, — повторил лорд Валкон.

Оба моих защитника поклонились, и я присела в реверансе.

Наследник вышел из квартиры.

Я тяжело вздохнула.

— Все будет хорошо, Яна, — Алари будто прочитала мои мысли. — Преступление не из разряда заурядных. Да и то, что он предложил пожить во дворце, говорит о том, что за тобой тоже хотят последить.

— Они меня подозревают? Я же все пришла и рассказала! — возмущению моему не было предела.

— Они всех подозревают. Но они всегда докапываются до правды. Так что, расслабься, тебе бояться нечего. Дворец для тебя безопасен, и к тому же ты любишь искусство, а это огромный музей.

— И шикарная библиотека! — просветил меня Джут. — И скоро праздник середины лета, будет бал, может даже, сможете посмотреть на Императорский прием.

— Там линормы, — сглотнула я.

— Там и люди: жены крупных военных чинов и служащих, прислуга. Попадаются даже приятные в общении, — успокоил Джут.

— Тем более, — это уже Алари, — такого рода преступления быстро будут расследоваться, больно большие суммы замешаны.

И тут на меня накатило.

— Алари, можно я вас обниму?

Леди Салито удивленно воззрилась на меня, но кивнула. Я подошла и крепко обняла женщину.

— Спасибо вам, за то, что спасли мне жизнь.

— Яна, ты мне тоже жизнь спасла, забыла?! Не переживай, я разберусь во всем, а с наследником это даже проще будет. Джут, справишься или вам прислать транспорт?

— Нет, у меня есть допуск к переходу во дворец.

— Отлично. Споемся тогда. Ты надолго в Оралас?

— Полагаю, до конца осени.

Мне вдруг стало грустно, что наше с ним знакомство так быстро закончилось.

— Пойду, соберу вещи, — вздохнув, сообщила я.

— Поехала искать бывшую жену Дайвокари, — кинула уже на ходу Алари.

На том мы и разошлись.

Глава 6

Эллинар Валкон

Вернувшись во дворец, Эллинар сразу с докладом к отцу не пошел, дал себе передышку, побродив по замковому саду и собираясь с мыслями. Преступление преступлением, но его до сих пор бросало в дрожь от прикосновения этой женщины.

Таям...

На языке людей нет точного определения сему явлению, только эльфы в силу древности своей расы приблизились к пониманию его сути. Таям — связь между двумя существами любого пола. Родство душ, как любят петь сказители и менестрели. И такая душа может жить в эльфе, в леснике, в гноме, в человеке, в любом мыслящем существе.

Идеальное сочетание для линорма — другой линорм противоположного пола, супруги в таких случаях жили в вечном союзе, и только у них могло родиться потомство, наделенное особыми талантами и способностями. Таям мог быть того же пола, но линормы не склонны к содомии, что имела место в людском обществе или даже встречалась у эльфов. Слишком стар, консервативен и не многочислен был их род. Оттого линормы жили с такими таям, как хорошие друзья, что подчас было весьма продуктивно для обоих, и им не приходилось уходить от семей.

Более-менее приличный вариант — эльфы: долгожители, у которых есть время осмыслить влечение и принять его.

Лесники — особый народ. Живут они дольше людей, и, пожалуй, наиболее преданные на фоне остальных рас. Но сами кланы жителей лесов настолько замкнуты, а лесники с таким подозрением относятся к магам, так как сами силы напрочь лишены, что для линорма забрать оттуда девушку или уж тем более мужчину, точно оторвать ногу или руку, а то и голову, у живого существа, всячески этому сопротивляющегося.

Гномы... В них никогда не искали ящеры своих половинок. Слишком разными были их жизни, хотя озорники-боги могли и не такое учудить.

И все было совсем плохо, если это был человек. Слабое, быстро умирающее существо, непостоянное, почти всегда не способное оценить должно значение этой тяги, а если и оценит, то часто не в состоянии эту тягу поддерживать на протяжении своей короткой жизни. Но самое страшное — человек должен был ответить на зов, именно поэтому давным-

давно линормы перестали сходиться с людским родом, принимающим связь за более понятную «любовь». Но на самом деле это и больше и меньше.

Последней таям — человеком, о которой слышал Эл, была дочка главы небольшой общины земледельцев, и связана она должна была быть с Расилом Треносом, отцом нынешнего военного советника Элькараса, почти двести лет назад.

Сейчас даже никто не помнит, как ее удалось обнаружить. В любом случае, Расил решил попытаться хотя бы встретиться с ней. Кстати говоря, наличие брака в таких случаях линорму не было помехой: супруги знали о возможности того, что однажды один из них может встретить таям, и, разумеется, может покинуть семью. Ведь когда тебя зовет кровь... С этим ничто не сравнится!

Когда Расил прибыл в деревеньку, перепуганные, высыпавшие на единственную улицу жители смотрели на него, как на пришельца с небес, чего уж говорить о девчонке. Она, возможно, что-то и почувствовала, но в ее головенке это был скорее страх, а не понимание того, что этот высокий седовласый и в то же время молодой на вид мужчина с черными глазами — какая-то часть ее души. Девушка спряталась за спину отца, брата и сына кузнеца, который уже носил ей букетики. Связи она не признала, а Расил не стал настаивать, вздохнув с облегчением. И на радость его супруги Аниторы, которая так и не встретила своего таям, зажил с семьей в Ризгаре. Хотя он чувствовал связь с девушкой до тех пор, пока та не погибла, и, к сожалению, или к счастью для него, случилось это достаточно быстро — деревенька, стоявшая на плодородных предгорьях Залебы, огромной горной гряды на востоке страны, была сметена обвалом во время сильного землетрясения.

В последствие линормы отказались и от связи с лесниками, все больше замыкаясь внутри своих родов, делая шаг к неминуемому вырождению сильных.

Айдэла было жаль, как сильного и достойного представителя расы. Ведь наверняка же подсознательно ждал линорм душу, надеялся, а она — человек. Причем, не маг! А значит, не могла женщина даже разделить его силу, помочь ему в обуздании внутреннего пожара.

Хотя, с другой стороны мать не потеряет супруга. Второго...

Сейчас же Элу предстоит встреча отцом, и не скрыть молодому линорму, что он нашел таям Императора, которая жила все это время у них под носом.

Айдэл Валкон сидел за столом, на котором аккуратными стопками лежали свитки с сургучом, бумаги, папки, которые император методично просматривал. Он был крайне эмоционален по меркам своего народа, что отражалось даже на мимике, был он к тому же резок, жесток, но ему прощалось все за его силу, за то, что он смог сплотить роды после того, как убили Арьяла, и Совет уже подумывал расторгнуть Вечный договор с людьми. Он всегда был трезв в суждениях, несмотря на внутренний пожирающий его огонь. Он даже смог убедить своим коротким, но метким выступлением тех, кто был гораздо старше и опытнее, что линормы потеряют очень много, если уйдут из Иртанита.

И вот сейчас этой трезвости придет конец.

Император, не глядя, кивнул на кресло напротив стола. Эл двинулся к нему очень медленно, физически ощущая, как запах женщины с каштановыми волосами тонкой струйкой тянется в сторону Императора. Еще секунда, и рука с документом застыла. Голова Айдэла была опущена, но Эл знал — вспыхнули тьмой глаза отца, и магия мощной волной затопила вены. Молодой линорм всем телом ощущал силу, которая и без того присутствовала в Императоре, но сейчас она сметала все мыслимые границы.

Айдэл замер, прикрыв глаза, плавным движением опустил бумаги на стол и хрипло прошептал лишь одно слово: «Человек!»

Резко встав, Император проследовал к окну, возле которого надолго замер, погрузившись в свои мысли. Эл не торопился, ничего не спрашивал, терпеливо ожидая, ощущая, как медленно успокаивается в отце магия, чувствуя себя в сравнении с ним жалким цыпленком.

Император вернулся в кресло уже спокойным... почти. И Эл подробно изложил ему все, что удалось узнать.

— И что ты предпримешь? — молодой линорм посмотрел на отца, ожидая ответа и одновременно боясь его услышать.

— Ничего. Хорошо, что она человек, значит, я могу спокойно заниматься делами государства и родов, — Император вернулся к перелистыванию огромного количества бумаг.

— Даже не дашь ей шанса? — Эл никак не мог поверить в подобное.

— Нет, — голос Императора был абсолютно равнодушным.

— Это больно? — младшего Валкона передернуло.

— Больно было бы, если она ответила. А так... Они же не чувствуют

ничего, пока носом не ткнешь, — презрительно скривились губы Императора.

— Она будет жить во дворце. Это на нее было покушение... предположительно.

Отец кивнул.

— Разумное решение. Считаешь, она может быть связана с заговорщиками?

— Все может быть, но, на мой взгляд, нет.

Айдэл кивнул.

— Но если ты не... — не смог сдержаться сын. Интересно, а сам Эллинар мог бы так легко отмахнуться от внутреннего зова?

— Я все сказал, сын, сменим тему! — уже раздраженно бросил лорд Валкон старший.

— А что будет, если вы встретитесь? — угомонить Эла сейчас могла разве что смерть.

Он не верил, что отец даже не захочет попытаться. Да, есть решение Совета забыть о людях... Есть мать... Но это природа, это выше желания или нежелания. Да, линорм мог подавить влечение к таям. Но не всякий и не всегда.

Отец вздохнул, понимая, что сын не отстанет.

— Я уже знаю ее запах и чувствую — мне контроля для своей магии хватает. Даже хорошо, что она человек. Запах слабый.

— Могу успокоить мать? — осторожно поинтересовался Эл.

— А ты ей уже доложил? — яростно воскликнул император, отшвыривая бумаги.

— Нет, но... — отпрянул молодой линорм.

— И не надо, она и так на взводе из-за... В общем, не говори ей ничего. Оно того не стоит, — бросил лорд Валкон.

Мать Эллинара и супруга Айдэла, Ритана пыталась зачать уже достаточно давно, но ничего не получалось, и это выводило ее из себя.

— У нее есть мужчина? — спросил отец спустя минуту молчаливого изучения документов.

— Полагаю, нет. Хотя мне показалось, что Салтелит весьма недвусмысленно на нее смотрел.

— Салтелит? А он там как оказался? — приподнял брови Император.

— Он — будущий деверь Салито, она попросила его присмотреть за девушкой в связи с нападением.

— А у нас стражи перевелись в столице? — саркастически поинтересовался Император.

— Отпуск... — начал было Эллинар.

— Надо взять на заметку, что время их отдыха надо бы распределять, а не всем веселой гурьбой сваливать в походы. Так что там с двумя миллионами?

Выйдя из кабинета отца спустя час, Эллинар прислонился спиной в двери. Лицо его озарила улыбка, в которой читалась целая гамма эмоций от лукавства до безграничной радости. Кто сказал, что линормы не испытывают чувств? Ведь самое главное — повод.

Янина

Собралась я быстро. Много вещей набирать смысла не было. Тем более, какой бал?! Меня на него никто не пустит. Не тот уровень. И в небольшой саквояж полетели расческа, ночнушка, халатик, пара наборов белья, два легких летних платья и дневник.

Заперев дверь, я постучалась в комнату Арти, нашего сторожа. Невысокий коренастый житель далекой страны, тепло улыбаясь, справился о моем здоровье, и надолго ли хозяйке отлучается, и, получив весьма расплывчатые ответы, забрал ключ от квартиры и скрылся у себя. Кажется, у него стражи порядка уже побывали, суда по взглядам, которые лесник кидал на моего защитника.

Джут подхватил мой скарб и пошел по направлению к зданию отдела стражей, а я пыталась поспевать за его широкими шагами и ловить шляпку.

Мы прошествовали через пустующий зал для посетителей к тому, кто отвечал за камень перемещений. Лорд Салтелит предъявил бумагу, на которую человек в штатском едва взглянул. Хотя даже мне, незнакомой с магией, было видно, что внизу свитка блеснула радугой размашистая подпись. Нас проводили в комнату, абсолютно пустую, кроме постамента в центре, на котором покоился кристалл, огромный, полметра высоту, ограниченный под каплю.

По просьбе Джута я взялась его за локоть, а он же положил свободную руку на кристалл и произнес что-то красивое и певучее.

Перемещаться мне не нравилось, я испытала весь спектр «приятных ощущений» от перехода через камень лишь раз, когда попробовала сократить время поездки к родителям на целых три дня, но потом зареклась: дорого, так еще и голова потом кружится, как после вечера в компании нескольких бутылок вина. Так что лучше ножками... Красота, свежий воздух, книга и неспешный цокот лошадиных копыт и, если

повезет, занятные соседи.

Мы оказались в белом круглом зале, где ажурные колонны поддерживали высокий белый свод, а между этими произведениями искусства, выточенными из белого мрамора, блистало море, готовое, кажется, перелиться через арочные окна.

— Нравится? — Джут улыбнулся.

— Это потрясающе, — выдохнула я в восхищении.

— То ли еще будет, — обнадежил меня защитник.

В арочном же проходе появились двое мужчин, точнее один мужчина и один линорм.

— Госпожа Стиантон прибыла по приказу первого наследника под опеку замка, — отрапортовал Джут.

Человек, вышедший нам навстречу, оказался магом-защитником.

— Меня зовут лорд Грето Армил. Вы будете находиться под моей опекой, госпожа. Это, — он кивнул в сторону линорма, — лорд Райдэл, глава охраны замка.

Линорм был, конечно же, красив, но в сравнении с тонким и грациозным наследником, казался настоящим здоровяком. На контрасте со светлой кожей и светлыми же волосами лорда Райдэла черные глаза выглядели пугающе, и следили, кажется, за всем вокруг, хотя мне думается, что главным объектом наблюдения была я.

Опять пришлось «реверансировать».

Линорм едва различимо кивнул и удалился. Знакомство с главным охранником состоялось.

— Пройдемте, я покажу вам ваши комнаты, — маг-защитник сделал приглашающий жест, я же обернулась к Джуту, чтобы попрощаться.

— Можно я напишу вам, Янина? — протянул руку защитник.

— Конечно! — я тепло пожала протянутую мне большую ладонь.

Знакомы мы были всего-то пару часов, но он излучал тепло и участие близкого друга, с которым совсем не хотелось расставаться.

— Спасибо огромное, лорд Джут.

Вряд ли мы еще встретимся когда-нибудь, и это вызывало грусть.

Я еще раз сжала руку Джута и последовала за провожатым.

Хорошее настроение растворилось в тоскливых мыслях. Я попала в красивую, дорогую тюрьму без точных сроков заключения. И, как и полагалось в страшных романах, стражник мой был молчалив и серьезен.

Так, уныние никому еще не помогало!

Если не брать в расчет повод, оказаться в Императорском дворце — большая честь. Это маленький островок правящей расы. Тут красиво:

белый мрамор, зелень в кадках, зеркала, позолота, диванчики в светлых тонах.

После недолгого блуждания по коридорам, мы остановились перед высокими дверями.

— Это ваши покои, госпожа Стиантон. Ваша помощница и горничная Ари подойдет через несколько минут. Если вам понадобится выйти в город, вы можете передать ей, а она свяжется со мной, но лучше от походов воздержаться в вашем положении, — лорд Армил протянул мне алый кристалл на цепочке. — Это активатор линормов. Он действует в пределах дворцовых стен. Если будет происходить что-то, что напугает вас, бросьте на землю. На территории замка и сада, он подаст сигнал опасности и окружит вас щитом.

Мужчина поставил саквояж, который до этого принял из рука Джута, у порога и сделал шаг назад.

— Я не могу выходить из комнат? — поинтересоваться стоит. А то, кто его знает, какое у меня положение...

— Ну что вы?! — удивился Армил. — Вы можете спокойно передвигаться по дворцу. Здесь есть прекрасная музейная часть, библиотека, малый театр, музыкальный салон. Ари вам все расскажет и покажет.

— А если я забреду случайно туда, где живут Император и его семья?

— Не бойтесь, — Армил понимающе улыбнулся. — У Императора и линормов отдельное крыло. Вход в него закрыт магией, туда не попадет тот, кто не знает, что и где находится.

Жить стало легче. Что же, побуду еще в отпуске!

— Благодарю вас, лорд Армил! — я присела в глубоком реверансе, в конце концов, он был дружелюбен и вежлив в меру возможности.

Защитник исчез за поворотом коридора, а я толкнула массивную дверь и задвинула ногой сумку внутрь.

Огромная комната-спальня в красно-белых тонах с кушеточками, огромной кроватью под балдахином и тремя окнами-картинами с морем, солнцем и зеленеющим городом у ног.

Вынув шпильки, я стянула шляпку и распустила волосы. Зеркала, которые в изобилии водились в комнате, отразили слегка уставшую, бледную молодую женщину.

Бледность не удивительна, ведь за неполные двое суток случилось столько всего!

Я даже не встретила после приезда со своими подругами. Надо будет Аните и Мире написать, а то не представляю, насколько тут застряла. И что

будет теперь с Кисом? Я была полностью уверена в своем заместителе. Но ему теперь не сладко придется, пока я тут буду наслаждаться.

— Добрый день, госпожа!

На пороге комнаты стояла молодая девушка в белоснежном передничке, черной рубашке и черных же брюках! Ничего себе форма! Рубашка, правда, была почти до колен, но!

— Меня зовут Ари, — сообщила миловидная шатенка. — Ваша горничная и помощница. Я стучала, но вы, видимо, не слышали, — она, извиняясь, пожала плечами.

— О, простите, Ари! На меня столько всего свалилось, что я с трудом понимаю, что происходит вокруг.

— Тогда вам надо срочно принять ванну и поесть, к тому времени дневной зной спадет, и вы сможете погулять в саду! — затараторила девушка.

Вот такое отношение к своей не лордовской персоне уважаю!

Через час я была от Ари в восторге. Легкая, веселая болтушка, но меня она совсем не напрягала, даже наоборот, ее мягкий голосок заставил немного ослабить клещи, что сдавили мое сердце и разум после случившегося.

Она быстро разобрала мои вещи, набрала ванну, пока я наблюдала за ее мельтешением с диванчика у окна. Мне было стыдно, такое обслуживание не привычно, но я решила, что сегодня разрешу себе полениться. А потом все! А то еще привыкну к такой заботе. Приживусь как таракан! О чем не преминула сообщить Ари. Девушка засмеялась и заявила, что согласна на таких тараканов, а то линормы, они своеобразные, не поймешь, довольны они или нет.

Чуть подремав после ванны, я обнаружила на кушетке мое отглаженное темно-синее платье с длинными рукавами, заколку и схему замка, нарисованную девушкой на листе бумаги, с указаниями, где выход в сад, а где библиотека.

Внизу была приписка, что вечерний чай Ари принесет в десять. Гулять можно, сколько хочется, тут комендантского часа нет. Зато есть музыкальный салон, но там сегодня какая-то скукотища.

Я улыбнулась. Ари — просто прелесть!

Волосы были еще слегка влажные, и я заколола их так, чтобы они свободно струились по плечам, а челка не лезла в глаза. Ари говорила, что во дворце нет стандарта в одежде или прическе, если нет бала. Далее следовала забавная фраза, что можно было бы и голыми ходить, если бы не люди, потому что линормам все равно.

Покинув комнату и держа в руке путеводитель от Ари, я направилась в библиотеку. Что удивительно, даже не заплутала!

Библиотека была великолепна, мне кажется, высота потолков была в несколько десятков футов, огромный тоннель из тысяч книг с балкончиками и приставными лестницами.

В царстве знаний и развлечений оказалось многолюдно. Пара линормов, которых я определила со спины, исключительно по росту и стати, пожилая дама в кресле у камина с книгой, двое юношей за столом, которые протягивали по очереди друг другу книги, и это только в первом зале, а их анфилада уходила далеко, теряясь в переливах света магических фонарей. Никто ни на кого внимания не обращал. Субординации нет там, где правили книги.

Лезть наверх я не стала, на первый раз решив пройти вдоль первого от дверей стеллажа, там были исторические трактаты о стране лесников. А почему бы и нет? Никогда не интересовалась ранее этой страной. Я взяла книгу и, выйдя из этого прекрасного мира, пошла в сад.

Уже на выходе из замка я услышала радостное: «Яна! Слава богам! Я тебя нашла в этом лабиринте!»

Алари я так обрадовалась, что чуть ли не бегом кинулась к леди — следователю.

Женщина переделалась и сейчас была в чистой новой форме магов — активаторов: брюки и длинная мантия с разрезами, волосы собраны в тугий хвост, заплетенный в косу. Без каких-либо украшений, что удивило меня еще в первый раз, активаторы любят увешивать себя защитными амулетами, щиты-то творить они не могут.

Джут, пока мы ждали прихода господ-следователей, рассказал, что Алари очень сильный активатор, такие рождаются редко, и голова на плечах у нее имеется. Собственно, за что она и получила такой высокий пост в ее возрасте. И что ей можно доверять. Это меня радовало больше всего. Хотя Джут предупредил, что характер у нее временами препаршивый.

— Леди Салито, как же я рада вас видеть! Что вы тут делаете?

— Докладывала наследнику и Императору. Видишь, даже лоб в испарине! А! Пока не забыла! Держи, это для тебя! — она протянула мне сверток в красивой оберточной бумаге.

Я удивленно воззрилась на нее.

— Это от Джута, — очень лукавая улыбка. — И... Я же нашла жену Дайвокири! Бывшую...

Улыбка моя испарилась.

— Вивиен! Как она, где? — голос мой дрогнул.

Алари огляделась вокруг, взяв меня под локоток, вывела в ступеньки, ведущие в сад.

— Ситуация такова. Вивиен пребывает в крайней степени бешенства, потому что Салис развелся с ней, даже не придя к регистратору.

— Как это?

— Ну, милочка, это ты должна знать. Служащие могут расторгать брак даже с помощью поверенного, если между ними и супругами нет споров об имуществе, а спора и не было! На имя Салиса был выкуплен дом и отдан при расторжении брака жене. Подпись на сертификате о расторжении брака, конечно же, не его. Жена была в шоке, когда это все на нее обрушилось, ведь она уже вот-вот родить должна была. Так, мало того, Салис еще оставил ей счет в банке гномьем, а там тысяча льер.

Внутри у меня все сжалось.

— Он бы не заработал так много, да еще с покупкой дома.

— Согласно, — леди Салито прищурилась. — Причем, ей было передано какое-то пафосное сочинение от имени Салиса, что у него другая любовь и все в таком духе. Письмо она не сохранила, но почерк мужа узнала вроде бы: сказала, что была в ярости, точно не помнит, но у нее при прочтении не вызвало сомнений, что письмо написано его рукой.

— Либо кто-то хорошо скопировал... — погрустнела я.

Леди Салито окинула меня любопытным взглядом.

— Но можешь теперь не переживать за его супругу — с ней и малышом все в порядке, ее опекают родители и тетка, деньги тоже есть, — задумчиво выдала Алари, косясь на меня.

— Деньги не отберут? — встревожилась я. Без средств и без помощи отца Вивиен и ребенку будет туго.

— У нас же нет доказательств, что деньги получены незаконным путем. Пока, по крайней мере, — покачала головой следователь.

— Они в купленном Салисом доме живут?

— Да, хороший домик в округе Санрето, — кивнула женщина.

— Как так?! — удивилась я. — Конечно, могу ошибаться, но мне казалось, Салис говорил об округе Таро. Там для детишек и мамочек климат лучше, море ближе, и не так дорого.

— Он мог передумать или... Погоди, дом же не он покупал... — Алари устало приложила ладонь ко лбу и закрыла глаза. — Демоны!

— Как не он? — удивилась я.

— На купчей не его почерк, — поведала Алари, задумчиво глядя на прогуливающиеся по саду парочки.

— А если на его имя купили два дома? — вдруг ляпнула я.

— А вы никак не проверяете, что принадлежит покойному? — задумчиво воззрилась на меня следователь.

— Нет, конечно, откуда мы можем это знать?! Со всеми сведениями об имуществе обращаются наследники.

— Говоришь, хотел в округе Таро. Тихий район, говоришь... Хм!

— А адрого нашли? — сглотнула я.

— Нет! Какой там! На то он и друид. Либо уже исчез из города, либо затаился, после бунта, возможно, у них остались места, где можно укрыться, — покачала головой Алари.

— Пятьдесят лет прошло! — удивленно воскликнула я.

— Ну, я предполагаю, а что там на самом деле... Будем копать. Как тебе тут, не обижают? — сменила тему Алари.

— Нет, все отлично, — я мотнула головой.

Следователь вдруг спохватилась.

— Прости, Яна, пора бежать! На мне поисковый кристалл, который вешает охрана при входе на посетителей, он сейчас мне кисть поджарит. Время истекает.

Ничего себе!

— Я теперь тут появлюсь либо с неотложными новостями, либо через неделю!

— А что со счетом в банке? — вдруг вспомнила я.

— Проверяем, — махнула рукой следователь.

Я еще постояла, дождавшись, когда она скроется за поворотом коридора-галереи и вдруг действительно почувствовала себя в тюрьме. Захотелось в город, встретиться с подругами, которых уже почти месяц не видела, посидеть за бутылочкой вина на балконе. Но и жить тоже очень хотелось. Я до конца не верила, что нападение было на меня. Все же, это Алари сначала чуть не прирезали, а я могла и не выйти из комнаты...

Вот ведь напасть!

А потом улыбка самым наглым образом напозла обратно на лицо.

Подарок от Джута!

Я прижала сверток к груди и поспешила к себе в комнату. Гулять уже не хотелось. Да и начать изучать сад лучше с утра при солнечном свете.

В комнате все уже было готово ко сну: разложены ночнушка и халат, чай на столе томился в ожидании, и Ари подкинула пару яблок.

Я с ногами залезла на кушетку у окна и дрожащими руками развернула блестящую перламутром бумагу.

Там оказались конверт и маленькая коробочка из синего бархата. А в

ней, я ахнула, кулон на серебряной цепочке в виде пятиконечной звезды из пяти чистых, как слеза сапфиров. А еще прилагалось к этой красоте коротенькое письмо. Человек его писал в спешке или, волнуясь, а может и то и то.

«Дорогая Янина! Не передать, как мне жаль, но я вынужден вернуться на службу в Оралас. Я уже надавал Алари указаний и обязал ее обеспечить вам должную защиту. Очень надеюсь на нашу скорую встречу, и был бы безмерно рад весточке от вас. Не переживайте! Уверен, Алари разберется в этом деле.

Всегда ваш,
Джут Салтелит.

P.S. Кулон — щит, выдержит один сильный удар, но, дай боги, вам он будет служить лишь прекрасным украшением, хотя глаза у вас зеленые».

Конечно, я потом полночи не могла заснуть. Съела все яблоки, выпила весь фруктовый чай, почитала трактат о Тологарии — стране лесников, не понимая и половины, потому что бессовестный образ бессовестно симпатичного Джута бессовестно прыгал по строчкам. Уснула глубоко за полночь, обнявшись с подушкой в окружении самых сладких снов.

Глава 7

Янина

Да, отсутствие работы сильно расслабляет! Проснулась я глубоко за полдень, за что обругала себя последними словами. Жутко стыдно было и перед Ари, унесшей поднос с нетронутым завтраком. Девушка посмеялась, заявив, что, видимо, на новом месте всегда так, первую ночь «плохо» спится.

В планах на этот, как оказалось, короткий день было посещение дворцового сада, весьма красочно описанного Ари. И девушка, не скупившаяся на комплименты, оказалась права.

Это был маленький рай, продуманный мастером-садовником до мелочей и в тоже время он был естественным, кусочком природы среди каменного нагромождения. Маленькие водопады, тенистые аллеи, небольшие прудики.

А еще я нашла замечательное место для спокойного чтения вдали от посторонних глаз: в саду в послеобеденное время было множество гуляющих: и линормы, и люди, и даже пара эльфиек продефилировало, и со всеми проходило вежливо раскланиваться и пропускать.

Место же оказалось волшебным, его скрывали густые кусты ершовника и раскидистая старая яблоня. А за ней... захватывало дух: рукотворный обрыв (эта часть сада была приподнята и шла вровень с замковой стеной) и прекрасный вид на город и море. Наверное, если присмотреться, можно было увидеть где-то внизу улицу Розового Рассвета и крохотный дом с балконом в виноградных лозах.

Яблоня дарила тень — спасение от палящего солнца. К потемневшему стволу прислонилась, как старая подружка, небольшая скамеечка, на которой я благополучно просидела до ужина и таки осилила трактат.

Оказывается в истории Тологарии было множество удивительных событий и вещей. Например, шаманы. Лесники не обладали магией, но некоторые из них пытаются по средствам ритуалов связываться с миром духов. Духи, если принимают шамана, ломают его тело, а потом лечат, каждый дух свой участок, а шаманы в свою очередь уже могут лечить от любых болезней, если голова — то головой, если руки болели, то своими руками. А второе — они утверждают, что тоже могут предвидеть будущее, но очень расплывчато, ведь духи не всегда милостивы и редко показывают

истину, зато они весьма успешно находят пропавших в лесах. Может, потому с ними и мирятся... Хотя больше не принимают всерьез.

По дороге в комнату я заглянула в библиотеку, где стайка девушек лет четырнадцати-пятнадцати указала мне нужный стеллаж. Что-то меня потянуло после письма и кулона, который был водружен на шею в тот же вечер, почитать какой-нибудь душещипательный любовный роман с хорошим концом.

Поковырявшись в огромном собрании (вот уж не думала, что Императорская библиотека до такого чтива опустится, но, видимо, приходится разный контингент улаживать), я нашла подходящую книгу про воинов, где главная героиня вроде не была полной дурой.

После прогулки до музыкального салона и большого бального зала, поражающего своей величием и красотой, и когда ночной мрак уже покорил город и десятичасовой чай был выпит, а Ари заверена, что ее подопечная ложится в кровать, я попыталась заснуть, как и обещала, но не тут то было! Сон не шел. Письмо Джута, роман, который я закрыла на самом интересном месте да и события последних нескольких дней — все заставляло кровь бурлить, что дреме не способствовало. Да и три открытых окна не могли усмирить жар, шедший от нагретых солнцем стен замка. Летнее солнце не щадило никого. Хотя определенно в замке были маги, способные снизить температуру, но не посадишь же их в каждую комнату.

Промучившись с час, я оделась, взяла маленький магический фонарик и книгу и пошла в сад, надеясь, что передо мной не возникнет фигура лорда Армила с возмущением указующего обратно на дверь моих покоев.

Даже в такой час об уединении в саду можно было только мечтать. Дорожки, как оказалось, были прекрасно освещены, и по ним бродили гости. Скамеечки заняли парочки или важные господа, о чем-то обычно громко спорящие.

Надеюсь, хоть яблонька меня не подведет!

Но обойдя кусты ершовника, я замерла — на скамеечке спиной ко мне сидел мужчина. Но остановило даже не только это! Меня пробрал озноб — опять дал знать о себе дар, готовя рабу свою к горестному видению!

Нахлынула паника, заставив отпрянуть назад в густую тень. Ветка громко хрустнула под моим каблуком. Мужчина начал оборачиваться на звук, и я решила сбежать, бросив охрипшим голосом: «Прошу прощения».

Меня била мелкая дрожь, руки вцепились в книгу, прижимая к груди так, будто это единственная моя защита.

Это меня и спасло в тот момент!

Я даже не поняла, что случилось, когда в плечо пребольно что-то

ударило. Книга выпала из рук, из толстой кожаной обложки торчал короткий арбалетный болт.

Убийца, выступивший из тени, был явно расстроен. Откинув арбалет, он размахнулся и швырнул в меня сгустком чего-то синего. Я рухнула чисто инстинктивно лицом вниз, и шарик ударился в ствол яблони, разметав его в щепу. Вскочив, я и рванула амулет, выданный мне лордом Армилом, бросив его на землю. Но силуэт будто переместился и, поймав кулон на полпути к земле за цепь, резко выпрямился, ударив меня снизу вверх по лицу кулаком. Благо прошло по касательной, но зубы клацнули, дай боги!

Я начала заваливаться, равновесие было безвозвратно потеряно, и левое плечо вдруг резануло болью, в него по самую рукоять вошел кинжал, ускорив мое падение. Силуэт, схватив меня за волосы замахнулся, рванул вверх, приостанавливая падение, поднимая на ноги, и ударил... собрался, по крайней мере! Но его рука едва коснулась моего лица, как полыхнуло зарево, и мы с ним разлетелись в разные стороны, как тряпичные куклы. Грудь обожгло, и я упала навзничь, краем глаза, сквозь пелену боли заметив, что нападавшего приложило о дерево. То, что разметало нас, как сухие листья, явно было магического происхождения, и волна силы повлекла меня за собой, заставив проехаться по земле, отчего кинжал в плече сдвинулся, и вот тут я закричала от боли.

Через секунду надо мной опять навис силуэт. В этот раз убийца решил не рисковать, и в его руке блеснул второй кинжал.

Он замахнулся, чтобы чиркнуть по горлу.

То, что случилось потом, услужливая память постаралась позже сгладить, но оттого ужас и омерзение меньше не становятся.

Крохотное маленькое солнце пронеслось над моей головой, от него силуэт уклониться не смог, и вместо боли на меня обрушился горячий водопад, а на ноги упало что-то тяжелое. Я зажмурилась и начала задыхаться. Вслед за водопадом пришла жаркая волна, которая причиняла не меньше боли, чем кинжал в плече.

Последнее, что я услышала перед концом своего существования, был мужской голос, владелец которого прибывал в бешенстве.

— Райдэл, тьма тебя забери, ты что творишь?!

Эллинар Валкон

— С каких пор ты стал пренебрегать своими обязанностями? — тихий

голос Императора прорезал тишину кабинета.

— Я недооценил ситуацию, — начальник охраны, точно провинившийся ребенок, стоял в центре огромной комнаты, погруженной во мрак, и лишь пламя одинокой свечи на столе боролось с наступающей тьмой.

В два шага преодолев расстояние до лорда Райдэла, Император наотмашь ударил линорма по лицу. Зашипела обугленная кожа. Голова начальника охраны дернулась, удар заставил мужчину на секунду припасть на колени, дабы сохранить равновесие. Резко выпрямившись, лорд Райдэл однако остался стоять, смиренно склонив голову перед Айдэлом.

— Если я сказал, что не буду вступать в связь с девчонкой, это не значит, что она перестала быть гостьей, которой обещали защиту, к тому же она под подозрением, — в глазах Императора за клубилась магия, — и это значит, что кто-то очень близко, Стиа! Ты — мой друг, не подставляй меня!

Голос начальника охраны был чуть хрипловатым, в его крови тоже бушевала магия. Пощечину он бы не простил никому, даже собственному отцу, никому... кроме друга детства, о котором знал, больше чем наверное все, кто когда-либо знал Айдэла Валкона, знал, как тяжело ему после всплеска магии контролировать себя.

— Друид. Болт в книге их рук дело. Ее спасло то, что на ней был амулет мага-защитника. Судя по мощи заклинания друида, уровень защитника тоже был весьма высок, но даже он поглотил не всю магию, раз их так раскидало. Девочка оказалась крайне везучей и...

Кажется, сам воздух вокруг лорда Валкона зазвенел.

— Если ты еще раз скажешь, что ей повезло... — зашипел Айдэл. — Там, где стоит вопрос о жизни подданных, нет места удаче или неудаче. Найдется тот, кто будет лучше соображать на твоём посту, не полагаясь на авось.

Райдэл скрипнул зубами, но смолчал, и, выйдя из кабинета, тихо закрыл за собой массивную дверь. Из тьмы выступил Эл.

— Он прав, ей повезло, — тихое замечание наследника, заставило Императора вскинуть голову, склоненную над бумагами. — Никто не ожидал, что адрого сможет проникнуть во дворец.

Отец посмотрел на сына так, что тому тоже захотелось последовать за начальником охраны.

— Ты что-то хотел? — Айдэл опять принялся изучать документы.

— Да, но сейчас не время.

— Завтра такой случай может не представиться, — скривились губы Валкона Старшего.

— Ты уезжаешь? — удивился сын.

— Мне надо в Ризгар. Я чувствую, что близок к потере контроля после сегодняшнего, — губы лорда Валкона недовольно поджалась.

— Ты почувствовал ее? — Эл вздрогнул.

— Я почувствовал желание убить всех: ее за то, что она бродит по ночам, Райдэла за недосмотр, тебя за то, что притащил ее сюда, и менее всего я хотел убить того, кто в итоге стал ошметком мяса, но, к сожалению, это был единственный шанс спасти девчонку, — прочитанная им бумага удостоилась размашистой подписи и была водружена на самый верх внушительной стопки. — Если тебе нечего сказать, можешь быть свободен. Мне надо уладить кучу дел до перехода.

Эл кивнул и вышел из кабинета, решив, что просьба терпит. Янина Стиантон еще долго будет под охраной замка и под рукой... Он успеет поговорить с отцом о женщине после возвращения того с севера.

Наутро император покинул резиденцию с супругой и отправился в Ризгар.

Алари

— Какой... решился меня разбудить в час ночи?!

Я рывком открыла входную дверь, не заботясь о том, что у порога уже стояла со свечой верная моя Руша, и что я в неподобающем для женщины, статуса и должности виде: короткой рубашке и с распущенными волосами. Бледный мужчина в мундире императорских гвардейцев отпрянул. Мда... Не часто увидишь сказочную ведьму во плоти: волосы шевелятся, на хмуром лице явственно написано желание зажарить и съесть, и, как доказательство, в протянутой ладони яркий огненный пульсар.

— Л-леди Салито, прошу прощения, вас вызывают во Дворец! Срочно! — собравшись с духом, сообщил мне гвардеец.

— Что случилось? — рявкнула я.

— Не сказали, — отрапортовал мужчина, — но, по слухам, на кого-то напали.

— Это шутка? — я так удивилась, что от потери концентрации пульсар мигнул и чуть не погас.

— Никак нет! — гвардеец вытянулся и отдал честь.

— Ждите!

Я невежливо захлопнула дверь перед носом недоброго ночного вестника и помчалась одеваться, уже предвидя, кто стал жертвой

нападения. И это, по-видимому, только прибавит вопросов.

Через пятнадцать минут мы были во дворце. Никакой кутерьмы. Тишина и покой. Линормы, мать их, если уж так умеют хранить тайны, могли бы и сами разобраться!

Что удивительно, мне даже не стали вешать поисковый кристалл. Сразу провели к начальнику охраны дворца.

Лорд Райдэл стоял у окна, и даже в сумерках, царивших в кабинете, на его щеке отчетливо было видно «негодование» Императора, быстро заживающее, правда. И, если честно, мне хотелось присоединить к нему парочку своих царапин.

Конечно же, пострадала Яна, которой обещали защиту, и если бы Император каким-то удивительным образом не оказался рядом, ее бы прикончили.

Лорд — не очень хороший защитник повернулся ко мне.

Вообще-то, мы его всем Дворцом Чести звали просто Рай, с моей доброй подачи конечно. Он был во главе стражи не так давно, лет пять, и, посетив Императора при назначении меня на должность, я, разумеется, встретила с его начальником охраны. Если они там себе как-то подбирают личины перед тем, как выйти в люди, то этот умудрился выбрать себе самую смазливую из всех возможных, оттого прозвище ему шло еще больше.

Когда его линормство соизволил повернуться... Как же хорошо, что мне не надо скрывать своих эмоций, на моем лице он мог прочесть все, что я в целом думаю об этом, и о нем в частности.

— Вам сообщили, что случилось с вашей подопечной?

— Вкратце, — надо продлить агонию бедолаги. Мне, возможно, показалось, но глаза у него полыхнули магией на долю секунды. Очень надеюсь, что не показалось.

— На госпожу Стиантон было совершено нападение. Друид, полагаю, тот же самый что и в вашем случае, — начал линорм, а я приготовилась слушать то, что и так знала или уже предполагала.

Янина

Просыпалась я убийственно долго, будто всплывала со дна глубокого лесного озера. Вот она поверхность, а воздуха все не глотнуть.

Когда глаза все же открылись, оказалось, что надо мной с испуганным лицом стоит Ари, прижимая руки к груди. Вокруг царствовала ночь, горели

только два янтарных фонарика у изголовья кровати. Глупо, но стало жалко тот, с которым я пошла в сад, он наверняка разбился.

— Госпожа! Слава богам! Я сейчас сообщу, что вы пришли в себя! Я сейчас! — девушка, всплеснув руками, выбежала из моей комнаты, хлопнула дверь.

А я все пыталась понять, есть у меня тело или нет. Пальцы на руках есть, на ногах тоже вроде что-то шевелится, ноги, значит, тоже на месте, как и руки. Оказалось, что мое плечо туго перетянато белой тканью, пахнущей травами, и оно совсем не болит. А вот синяк на скуле заныл, стоило лишь сглотнуть...

Через несколько минут в комнату быстрым шагом вошел невысокий мужчина в сером балахоне с седой головой и сеткой морщин на лице, но с добрыми глазами. По левой руке его, что взметнулась надо мной, змеились руны.

— Здравствуйте, госпожа Стиантон, Меня зовут Зартан. Я дворцовый лекарь. Вы можете говорить?

— Да, только скулу больно, — прошептала я.

Зартан наклонился и провел по пострадавшей скуле рукой, нежное прикосновение принесло с собой тепло, и боль мгновенно отпустила.

— Как вы себя чувствуете?

— Более-менее... — голос был хриплым и еле слышным.

— Плечо заживет, — тепло улыбнулся мужчина, — синячок на скуле пройдет в течение часа.

— Что случилось? — в горле запершило, и Ари рванулась к графину с водой.

— На вас напали в саду и ранили. Кинжал вошел в плечо выше сердца, не задев легкие, но чуть сдвинулся, на спине рана обширнее. Вы потеряли много крови. Я так понимаю, вас бы и убили, но вмешался Император, он убил нападавшего и доставил вас к лекарям. И я очень рад, что я сейчас не на месте лорда Райдэла, — ухмыльнулся лекарь.

— Император... — глаза мои округлились, а проснувшаяся память преподнесла картинку, где надо мной парит яркое солнышко.

— Линормы — очень сильные маги, но они не защитники. Чтобы вас спасти, император нападавшего просто взорвал.

О, боги!

— Да, госпожа, вы вся были в крови. Это было так ужасно! — Ари испугано закивала.

Меня замутило. Зартан, оценив состояние пациентки, положил руку мне на лоб.

— Вам надо отдыхать, сон для вас лучшее лекарство, — и он провел по моему лицу горячими сухими пальцами. Приятная дымка окутала сознание, и я спокойно уснула.

Только сон мой оказался реальной яви.

... Невозможно яркий белый шар в небе был богом для многих отсталых племен, населявших леса вокруг герцогства Лакрас. И отчасти коренные жители, что обитали, кажется, с самого дня сотворения мира на огромном пространстве, простиравшемся от Холмов Линиана до реки Оралис, были правы, ведь лишь благодаря ему вызревала пшеница-кормилица. И даже великие маги, обладатели огненного дара, не могли помочь ей взрасти, и тем самым даровать пропитание подданным герцога.

В тот летний, солнечный день мне предстояло перейти важную для любой женщины черту, и я хорошо подготовилась к этому ответственному шагу. Из тусклого старого зеркала эльфийской работы на меня смотрела шестая дочь воина Правой руки — Караласа, щита и меча герцога Бортала, правителя и хранителя Лакраса. Дочь мага, не наделенная магией в отличие от пяти сестер, обладающая лишь толстой темно-русой косой, должным воспитанием и покровительством — именем своего рода.

Я уже свыклась с этим. Все было не так уж и плохо. Семнадцать лет — возраст зрелой девы. Ища расположения могучего Караласа, много воинов-магов предлагали себя в качестве мужа его дочери без дара. И вот выбор отца сделан. Я буду одной из жен мага, ведь даже мое чрево способно дать мужу наследника с даром, если семя его окажется достаточно сильным.

Отец подыскал мне достойную партию. Воин Левой руки Локарт. Он был зрелым мужем, владел магией холода и имел уже шесть жен, родивших ему пять детей-магов. Я знала двух его женщин, обе были кроткими, нежными, как цветки ирисов. Одна из них, взятая Локартом от Морских, рассказывала удивительные истории про Драконов и Драконоподобных — сильнейших из носителей дара, и, говорят, безумно красивых. С женами Локарта будет не скучно, за что моя особая благодарность судьбе.

Имя мне Ария, в переводе с древних языков, Неудержимая. Отец и сестры любят меня, считая милой, беззащитной пташкой. Что ж, так и есть. Даже государь наш, видя меня, обычно приобнимает за плечи и говорит чуть тише, будто боясь, что спалит или сдует.

Сборы для представления супругу были в самом разгаре, нянька как раз затянула корсет чересчур туго, и я судорожно выдохнула, приготовившись к новому рывку, но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась блистательная Аракиан, старшая жена моего отца, воительница и маг воды. Сказать по чести, она была сильнее отца в своем

искусстве и силе, об этом вслух никто не смел говорить, конечно, но супруга всюду сопровождала мужа, будучи его верным соратником во всех битвах. Лицо женщины пересекали множественные шрамы, и хотя возраст ее превысил алмазные пятьдесят, магиня оставалась подтянутой и по-своему красивой и мощной. И она любила меня, как ни странно, заменив мне мать, что почилла много лет назад, когда я еще была ребенком.

— Моя красавица, — женщина сложила руки на груди и улыбнулась. — Выглядишь достойной герцога. А отдавать придется Локарту, — удрученно покачала головой старшая жена. Она всегда видела во мне какую-то красоту, которую мне, кажется, мог разглядеть лишь мой отец. — Какой платок выбрал Кар?

— Золото, — улыбнулась я, чуть смутившись. — Но золото — удел сильных магов?

— Ты у нас самая сильная, — Аракиан уселась на лавку у окна. — Умудрилась выжить в доме полном магов. Отец тобой гордится и безмерно любит. Он и Локарта выбрал, потому что тот с женщинами добр и нежен, да и гнева отца твоего побаивается. Так что, покой и благополучие тебе обеспечены.

Последний шнур в петлях корсета перетянул грудь, сверху был накинут бесформенный балахон, голова покрыта толстым шитым золотом покрывалом, крепившимся тесьмой к запястьям: правило для женщин семьи воинов, если женщины- не маги, до замужества или момента выбора мужа не позволено расхаживать прилюдно, открыв лицо и волосы.

— Церемония сейчас начнется, — Аракиан оправила складку юбки, ей привычнее были короткие доспехи и штаны, мечи и водная плеть. Сейчас же, поджарая старая кошка была не в своей тарелке, но держалась величественно, как и подобает супруге воина Правой руки, приближенного к правителю. — Сам герцог благословит тебя.

Удивляться было нечему. Слишком часто отец вставал между смертью и государем, как впрочем и жена отца. Герцог любил нашу семью, он практически у всех дочерей отца был сватом.

И вот последние складки расправлены, тесемки завязаны, и я представляю собой ходячий моток ткани, но это лишь до момента появления всех заинтересованных лиц в Зале Славы. Воительница поднялась, неуклюже наступив сапогом на краешек юбки, помянула всех демонов — подземников, лесников и эльфов, подала мне руку, которая была мне необходима: я боялась повести себя некрасиво и растянуться, вот также наступив на край собственного одеяния. Эти нарядные одежды были тяжелы, неудобны, и в них было жарко летним полднем, но делать нечего.

Мы проследовали по длинному крытому коридору, пролежавшему по крепостной стене в направлении зала. В окнах — бойницах мелькало синей гладью Ледовое море. Почему Ледовое, непонятно! Письмена старинные молчали. Некоторые народы звали его Лунным, вот это название больше походило на правду.

Стены узкого каменного тоннеля отражали многократно перестук наших каблуков, и мое сердце вдруг забилося. Я делала шаги из родного дома в дом чужого мужчины. И хоть и готовила себя к этому, но все же...

Как и любая молодая дева, я мечтала о любви, о той самой, воспетой прекрасными эльфами. Когда ты — старшая жена молодого и сильного мага, у него есть мечты, крылья за спиной, как говорят те, кто видел знаменитых линормов, и мощь, и страсть, молодая горячая плоть. Но в моем мире — это невозможно, если ты-не маг, но род твой имеет влияние, брак тогда заключается исключительно по договоренности. Но мне ли печалиться?!

Вдоль стены летали ласточки, толстые чайки в высоте кричали, паря над морем, раскинув белые крылья, они будто плыли по прозрачному воздушному океану на встречу солнцу.

Это было моей тайной, тихой мечтой, исполнить которую способна лишь смерть. Я бы так же хотела взмыть к небесам. Мне кажется, Аракиан знала эту мою тайну, но молчала, поглядывая на меня и лукаво улыбаясь. Почему же мы не способны летать, как птицы, драконы или драконоподобные...

Зал Славы был наводнен людьми. Воины и старшие жены. Молодые маги-воины. Богатые купцы. На небольшом возвышении в красном углу возле огромного камина разместили кресла герцога и его супруги — сублильной женщины, умудрявшейся рожать только мальчиков — магов, здоровых и крепких и держать правителя в ежовых рукавицах.

Герцог беседовал с моим отцом но, завидев нас, кивнул. Он умел быть весельчаком и балагуром, до того момента, когда его ладони окутывало пламя, и он обращался в грозную стихию, безжалостную к его недругам.

Легкими поклонами мы и ограничились. Мне подобало стоять до начала церемонии в темном алькове. Это проходят все невесты. Просто магиням не так жарко, ведь их лица и головы не защищает накидка.

Аракиан отошла, чтобы встать рядом с мужем, а я из своего темного угла рассматривала публику. Уже замужних сестер. Они кидали приветливые взгляды в мою сторону и ободряюще улыбались. Двое старших уже участвовали с мужьями в боях, двое средних были беременны первенцами, а младшая пока лишь занимала очередь к ложу супруга.

Глаза вдруг моргнули от неожиданности. Я точно посмотрела на огонь и не могла поверить, что огонь может так передвигаться. Но я не ошиблась, стянутые в хвост волосы воина мелькнули в толпе, и вскоре он уже стоял рядом с герцогом. Тот самый знаменитый Сальтирин.

Он был пришлым от Морских. Высокий, даже в сравнении с не маленькими лакрасцами, широкоплечий, обладающий какой-то удивительной тайной магией: он не владел ни огнем, ни водой, не повелевал воздухом и холодом, но мог сразиться с любым магом простым оружием и выйти победителем, даже если последний использовал свой дар. Многие бросали ему вызов и проигрывали. Многим бы хотелось посмотреть на битву Сальтирина и герцога, но Бортал взирал с усмешкой на любопытных, жаждавших этого поединка и молчал. Сальтирин обладал и еще одной способностью — он жил уже достаточно долго, по слухам ему было за семьдесят. Но он оставался молодым сильным мужчиной. Движения или жесты не выдавали в нем старика. Наоборот, он был полон энергии и интереса, жажды жизни. А еще он был советником и приближенным герцога, был богат, получил лично от Бортала в дар двух дочерей сильнейших магов-воинов. Но обе девушки еще не понесли наследников огневолосого. А еще у него были потрясающие синие глаза, о которых мне рассказали сестры.

Я видела его на подобных собраниях, правда, тогда я стояла рядом с отцом, да и наряд мой не сильно отличался от сегодняшнего, если только головной платок не был вышит золотом. Представлены мы не были друг другу, ибо смысла это не имело. Воины Правой руки берут лишь жен-магинь, по понятным причинам.

Затрубили трубы, и в распахнутые ворота по широкому коридору, соединяющему Зал Славы с выходом из крепости степенно прошествовали мой будущий супруг и его свита.

— Локарт с сыновьями, — возвестил глашатай.

Будущему мужу было под сорок. Он был поджар, худощав, покрыт загаром и шрамами. И очень хотел стать воином Правой руки. Что ему и пообещал герцог за брак с не магиней. Его сопровождали трое сыновей, — показатель плодовитости рода и самого претендента. Все трое были в возрасте от шестнадцати до двадцати, к тому же копией отца. Все были облачены в легкий кожаный доспех. И все трое были магами, что по традиции и продемонстрировали герцогу и присутствующим, ибо для них это было еще и представление правящему.

Маги холода: воздух в Зале Славы зазвенел, изо рта присутствующих стал вырываться парок, а вода в бочках у входа, стоявших на случай

пожара, и отсутствия мага воды, покрылась коркой льда.

После чего все мужчины рода Локарта преклонили колена, прося дозволения герцога войти. Правящий взмахнул рукой, указав на место ниже себя на лестнице, но рядом с тронном.

За мужчинами следовала старшая жена Локарта, воительница Мадара, она тоже украдкой кинула взгляд на мой темный альков и кивнула. Я же говорю, мне повезло. Обе семьи любили меня.

— Ария, дочь Караласа. Выйди, дабы мы оценили тебя и вынесли решение, — провозгласил Бортал.

Я, сделав глубокий вздох, шагнула в зал. Сейчас после показательных выступлений моих будущих пасынков и защитников стало прохладно, и походка моя была легка. Тонкие тесемки с моих запястий слетели, и за ними последовало тяжелое покрывало. Я же осталась в балахоне, единственным украшением стал кушак, утянувший талию с символом моего рода — линормом. Браслеты звякнули на запястьях. Толстая коса соскользнула с плеча под тяжестью золотых украшений и спряталась за спину.

Я застыла в центре зала, совершенно спокойно переживая момент необходимого ознакомления с моей персоной. Почти все присутствующие ранее общались со мной, смеялись моим шуткам, но никогда доселе мужчины не видели моего лица.

— Воистину, Каралас, все твои женщины достойны лучших мужчин, — возвестил герцог. — Право на дочь Караласа заявил воин Локарт. По традиции более сильный имеет право предложить свой род для молодой Арии, — огласила зал формальная фраза. Все было решено. Но с древних времен пришел к нам обычай: воины Правой руки в таких случаях могли заявить права на девушку, если считали ее достойной своего рода.

Я стояла смиренно, как и положено склонив, голову. Ровно через минуту после объявления герцога тишину нарушит звон меча Локарта, тот положит его к моим ногам, как знак того, что его оружие теперь будет направленно на мою защиту. И его сыновья, как и он, займут место рядом со мной.

Эхо слов Бортала еще отражалось от стен, я приготовилась считать мгновения, но зал вдруг наполнился гулом, и передо мной точно в щель между каменными плитами вонзилось блестящее лезвие одноручного меча. Оружие мелко дрожало и пело особую воинственную песню.

Я перестала дышать от накатившей тревоги. Все не так, как должно быть. И вопреки всем порядкам и обычаям вскинула голову, встретившись с ярко-синими глазами Сальтирина, шедшего ко мне. Отец и князь, как

впрочем, и все, обратились статуями. Но самой идеальной статуей был Локарт, только что потерявший шанс стать воином приближенным.

— Ария, шестая дочь Караласа, — приятный чуть хриплый голос наполнил погруженный в тишину зал. — Я предлагаю тебе свой род и свою защиту. Примешь ли ты мой меч и мою руку?

Я очень хотела посмотреть на отца и испросить его совета, я очень хотела посмотреть на герцога и дожидаться его решения. Но я утонула в синих глазах мужчины. Он был загадкой. Силой. Разрушителем моего спокойного мирка, который уже был расписан до дня моей смерти. И моя ладонь оказалась в его сильной и горячей руке. Второй рукой он вынул меч легким движением и, встав рядом со мной, стал ожидать решения главы моего рода и правящего.

Пауза затянулась. Герцог первым скинул оцепенение.

— Давно такого не было. Но традиции не нарушены. Слово тебе, отец невесты.

Каралас переглянулся с Аракиан.

— Для моего рода честь, что моя дочь-не маг избрана сильным И раз она приняла руку, значит, согласна встать под защиту его меча. Я принимаю решение дочери, — мне показалось, что голос отца звучал глухо.

— Локарт, ты, как претендент, имеешь право требовать поединка. Выиграв, ты получишь и невесту и место приближенного, — герцог заинтересованно посмотрел на мужчину.

Тот стоял, сжав зубы. Он ничего не терял, кроме чести. Его место оставалось за ним. Но он мог возвыситься, если победит, и бой шел не до смерти, и Локарт решил своего шанса не упускать.

— Требую поединка.

А вот тут толпа разразилась криками и возгласами. Младший сын Локарта на секунду вцепился в руку отца, не сдержав чувств, испугано дернулся назад. Я украдкой посмотрела на Сальтирина, тот был невозмутим, стоял даже в чересчур расслабленной позе. Он не боялся. Боялся Локарт.

До момента, когда мужчины определяют мою судьбу, я должна была быть со своим родом.

Сальтирин подвел меня к отцу и, оставив возле герцога и Караласа, последовал легкой походкой к выходу, за ним пошел Локарт и его сыновья, и лишь спустя минуту потянулись все остальные...

Глава 8

Алари

— Я одного не могу понять, Салито, как?! — вопрошал громоподобным голосом мой любимый руководитель — глава Его Императорского Величества Министерства безопасности подданных Империи Иртанит и их собственности, Лорд Мальдик Рапар — высокий, худой, словно жердь, лысоватый (ой, ладно, совсем лысый!) человек, любивший зачесывать три «выжившие» волосины от правого уха к уху левому, ибо смириться с отсутствием шевелюры так и не смог.

Император всея Дворца Чести, возмущенно сопя, нарезал круги по своему кабинету: возможно, путешествие его с заложенными за спину руками должно было произвести угнетающий эффект на распекаемого, если бы не приходилось лорду Министру, ввиду жуткой захламленности помещения массивным столом и креслами, шкафами с книгами и прочими предметами интерьера, петлять по дороге от одной стены к другой между всей этой красотой и мной (той самой распекаемой), застывшей четко посреди единственного свободного прохода.

— Как?! — вопрошал великан, вздевая выцветшие синие глаза к небу в надежде получить хотя бы от него ответ, почему всех руководителей отделов и практически всех подчиненных вытащили в такое пекло на работу из отпусков...

Только вопрос был явно риторический.

Поводом для «летнего переполоха» послужило гневное письмо Императора. Ну, как гневное? Хотя даже и не письмо, а указ! На местах теперь должны находиться не менее двух третей следователей, оперативных поисковиков и не менее трех четвертей руководящего состава сыскарей. Между строчками явственно проглядывали два намека: «Слишком много и слишком дружно отдыхаете!»

Рапар, весь срок службы пытавшийся заслужить благоволение Высшего, аж трясся от такой несправедливости. Столько сил потрачено, и тут такое! Распекал его, видимо, в письме, которое нам так и не дали почитать, Император.

— Ты что стражей не могла найти? Зачем надо было Салтелита вызывать? И тем более афишировать его во всем этом участие? — не выдержав гонки по кабинету, мужчина плюхнулся на свой трон и, уронив

руки на подлокотники, выжидательно уставился на меня.

Я оправдываться не собиралась. Мой толстенный отчет, подробно описывающий все, что происходило в ту ночь, лежал прямо перед его носом на столе.

Стражей, свободных тогда действительно не было. В ночь нападения на Яну Адрас почтил своим присутствием мощный шторм. Под его шумок в столице решили порадовать себя наживой все воры в округе, и к вызовам еще в разгар бури, прибавилась на рассвете еще и очередь пострадавших, которые помимо разгула стихии попали и под разгул тех, кто решил собрать свой «налог» с граждан Империи. В итоге, представители закона и в отделах и на местах, в поте лица строчили протоколы и выслушивали слезные истории о последних пропавших грошах.

Ну и где бы я нашла стражей? Тем более, когда после сообщения во дворец о произошедшем, изъявил желание прибыть ни кто иной как первый наследник.

Лорд Рапар смиренно вздохнул и перешел к делу. Наконец-то!

— Доложи вкратце! А это, — тонкий длинный палец указал на пачку красиво исписанной бумаги, — я потом почитаю. Обстоятельно!

Мне угрожают! Надо же!

— Вам с какого места, уважаемый лорд министр? — интересно, а если меня уволят, годы службы засчитаются? А то, боюсь, Джет не примет бесприданницу, у которой отберут и титул и ту развалюху, что пафосно кличут замком.

Хотя увольнение все же маловероятно. Во-первых, лорд Рапар все же был моим слегка дальним родственником. Правда, седьмая вода на киселе, да и родство это было лишь на словах. Например, как-то после одного холодного лета и, как следствие, отсутствия урожая, отец мой попросил у Мальдика денег в долг, а получил в ответ лишь грустный взгляд человека, слывшего одним из самых богатых в Империи. А во-вторых, в данной ситуации за моей спиной маячил сам наследник. А значит, и Император, который, слава богам, разумом не обделен.

— Про происшествие во дворце можешь не упоминать, как и обо всем, что до него... — хвала всем богам! — Дело сдвинулось с мертвой точки?

Поднабрав побольше воздуха в грудь, я начала докладывать:

— Первое, что я попыталась сделать — подтвердить предположение Янины о втором доме Дайвокари в округе Таро. Как оказалось... кхм... лорд министр, — это я намекаю, почти как император! — у нас нет единого реестра учета собственности граждан. Пришлось подключать агентуру и искать дом, в котором либо никто не живет, либо личности, поселившиеся в

нем, могут казаться кому-то из соседей подозрительными.

Рапар нахмурился и махнул рукой в сторону одного из кресел. Ноги у меня не казенные, и я с удовольствием разместились в огромном кожаном монстре, поглощавшем собой любую жертву, подкупая уютной мягкостью.

— Дом нашелся, как и еще с десятков рассадников преступности.

Райончик, который мнился милым обиталищем граждан среднего достатка с детишками, благочестивыми женами в чепчиках, собачками и кошечками, оказался отличным местом для сокрытия борделей, кальянных, и прочих мест, где мужчины и женщины могли отдохнуть от рутины семейной жизни. Линормы в этом плане молодцы, они не запрещали проституцию и использование всяких «облегчающих жизнь» веществ, прекрасно осознавая, что человек — существо, которое обязательно в себя что-то да затискает или возжелает плотских утех. Запрещать бесполезно. Закон не допускает лишь присутствие подобных заведений в черте крупных городов, определив, что таковые официально не могут находиться ближе, чем в пятнадцати верстах от границ города. Как ни странно, это помогало в основной массе, потому что, человек еще и ленив. Однако, никто не отменял тех, кто любит перечить букве закона...

В общем, после нескольких рейдов по таким местам расслабления и увеселения я получала благодарственные кивки тех, кому подкинула информацию, и кто ныне щеголял в новой приятно подростковой должности.

— Дом был оформлен на Дайвокари, там никто не жил, зато каждую ночь появлялся. И я уверена, это был адрого.

— Какие мысли насчёт его желания стереть госпожу Стиантон с лица земли?

— Никаких! — я загрустила. — У госпожи Стиантон нет врагов Единственная горячо любимая дочь, на работе слывет умницей, у нее даже выговоров нет, ведет обычный образ жизни для молодой незамужней женщины, посещает спектакли, подруги и знакомые о ней очень тепло отзываются.

— Выяснили, как адрого попал во дворец? — длинные пальцы министра щелкали суставами и меня от этого сильно коробило и сбивало с мысли.

— Лорд Райдэл что-то пытается сделать, — с иронией протянула я. — Но судя по отсутствию сведений, ничего он не узнал. Позор! В собственной вотчине не может разобраться!

Рапар хмуро на меня зыркнул, но одергивать и комментировать не стал. А потом вдруг хитро так улыбнулся.

— А у меня для тебя новость, Салито! — как-то все зачесалось во всех

местах, как будто мне сейчас за сорванные отпуска мстить будут. — Так как за две недели вы не особо продвинулись в своем расследовании, и ситуация лишь усугубилась, вам тут лично Император прислал... хмм... подмогу...

Я чуть не выругалась. Вот мне только какого-нибудь кабинетного червя не хватало, который под ногами путаться будет и советы давать.

— Подвигай уже глазами, Алари! А то мне за тебя страшно! — усмехнулся Рапар.

— И кто же этот несчастный? — взяла я себя в руки.

— А вот тот самый, что позорно не разбирается в собственной вотчине!

— Рай? — от удивления я округлила глаза.

Только не это! Я же его затюкаю подколами, и он совершит ритуальное самоубийство, и быть мне виноватой и в этом. У линормов же с чувством юмора никак.

— Не Рай! А Лорд Райдэл! — рявкнул Рапар, возмущенный моей фамильярностью. — Мне порой кажется, Салито, что слово субординация для тебя — сложное уравнение с двумя неизвестными.

Я открыла рот, чтобы доказать, что с математикой и терминологией у меня все на уровне, когда в дверь постучали.

Министр метнулся к двери, аки испуганная лань, и, открыв ее, замер в поклоне.

— Лорд Райдэл, проходите, прошу!

На пороге кабинета стоял Райчик — неудачник, всем своим смазливym лицом выражая вселенский пофигизм. Что-то внутри приятно екнуло. Припомнилась наша беседа после нападения на Яну, когда я, прикидываясь тупой и глухой, заставляла его повторять приглянувшиеся мне фразы: «недооценил», «не рассчитывал», «глубоко сожалею». Я еле удержалась от кровожадной улыбки, и тут мне вспомнилось, что это же теперь мой «напарник». Радость от приятных воспоминаний испарилась вместе с улыбкой. Меня, значит, тоже к неудачницам причислили, раз навязали это?! Ну ладно!

Высший шагнул в кабинет, пройдя к креслу, возле которого топталась я, вставшая его поприветствовать, остановился, чуть поклонился и опустил в объятия соседнего кожаного чудовища. И лишь когда хозяин кабинета угнездился на своем месте, приятный линормовский голос поведал:

— В связи со сложившейся обстановкой, а также с тем, что Император требует незамедлительно разобраться в этом деле, мы решили объединить усилия. Леди Салито, вы с самого начала ведете расследование и обладаете

наибольшим количеством информации, поэтому по указу лорда Валкона, вы на время следствия освобождаетесь от своей должности с назначением замещающего, разумеется, с сохранением вашего дохода и статуса, и занимаетесь исключительно этим делом вместе со мной с правом подключать любых лиц.

Он, точно фокусник, выудил двумя пальцами из внутреннего кармашка черного сюртука запечатанный конверт с вензелями и сургучной печатью, мигнувшей к тому же магическим вкраплением, и протянул бумагу министру.

— Леди Салито, завтра прошу вас прибыть во дворец, — продолжил линорм. — Мы обнаружили, как адрого проник в Дворцовый сад. К тому же, так как в... — Высший подозрительно так кашлянул, — мы так и не выяснили причину нападения на госпожу Стиантон и личности тех, кто пытался его совершить, как, собственно, и их количество, может возникнуть ситуация, что ее снова попытаются убить. Через пять недель во дворце состоится бал в честь посланника Королевства Лаори, мы предполагаем присутствие госпожи Стиантон на этой церемонии и, возможно, с ней попытается кто-либо связаться, если она замешана в преступлении. Вам также необходимо будет присутствовать на этом мероприятии.

В кабинете повисло тягостное молчание, наше с Рапаром, да, люди имеют такое свойство — тягостно молчать. Линормы нет. Потому лорд Райдэл был абсолютно спокоен и ждал от нас ответа. Переглянувшись с министром, я тяжело вздохнула.

— Как прикажете, лорд Райдэл! — я поклонилась линорму. — Если больше указаний не будет, пойду, подготовлю все необходимые бумаги, — дождавшись кивков и почти печатая шаг, я направилась к выходу.

Совершенно некстати вспомнился мне один забавный эпизод.

Не так давно я, Джет и Джут, их родная сестра Камира, по-дружески звавшаяся Камой, и ее подруга Евангелия, отдыхали в прекрасном поместье Салтелитов, под сенью виноградных лоз и раскидистых яблонь. Мне, как городскому жителю, подобная сельская идиллия весьма приятна и настраивает на поэтический лад. Пахнувшая влагой ежедневно очищаемая земля под деревьями, хранила борозды от грабель, оса, намочившая лапы, уносила каплю, блестящую, как маленькое солнце. Ну чем не ода природе.

Терраса большого каменного дома, увитая плющом, радовала тенью и прохладной. У меня на коленях лежала голова счастливого и довольного жизнью жениха, и мы рассуждали о магии. А из магов в нашей честной компании были только я и Джут.

— Лари, а можно вопрос? — хитро подмигнула подруге Кама.

— Давай.

— Правда, что ваши татуировки на самом деле цветные, но цвет их видно только магам, и в зависимости от уровня силы они разнятся по оттенку?

— А ты откуда знаешь? Это, между прочим, страшная тайна! — вдруг выдал с моих колен Джет.

Кама и Еля прыснули в кулачки.

— О да! Я даже представляю, какого она у тебя цвета была бы, братец, будь у тебя дар! — сестра не могла удержаться и не подколоть братца.

— Да ты что, дорогая! И какая же? — один синий глаз приоткрылся и внимательно осмотрел «мудреца-всезнайку».

— Наверняка ярко розовая! — неугомонные девицы опять прыснули.

— Очень смешно. И с чего ты это взяла? — открылись уже оба глаза.

— Ты же у нас повеса, и, вообще, прости Лари, слынешь бабником. Прошу прощения! Слыл! Должна же судьба тебя хоть как-то наказывать, а заодно и предупреждать молодых магичек о том, что от тебя стоит держаться подальше!

Джут улыбнулся, сочувственно похлопал брата по колену.

— Сестренка сдаст все твои тайны и лишит прекрасной невесты, — защитник ухмыльнулся. — На самом деле татуировки действительные разные: у лекарей зеленые, у защитников синие, у активаторов красные. У Лари, например, она цвета загустевшей крови, чем темнее цвет, тем выше уровень. А вот у линормов они всегда белые.

— А у тебя? — глаза Камы стали круглыми, как монетки.

Джут хмыкнул.

— Как последние мгновения сумерек перед ночью, — я улыбнулась Джуту, а девчонки ахнули.

— А у линормов есть татушки? — девчонок было уже не угомонить.

— Есть, только это не татушки, а руны-определители. Линормы, скажем, в некотором смысле, оборотни, и поэтому вы их не видите, а мы видим, они белые и на обеих кистях.

— А когда они обращены? — глаза девчонок округлились.

— Ммм, — задумался Джут. — Не знаю...

— Под хвостом, наверное! — сумничала я.

— Ага, у девушек! — сообщили с моих колен.

— Фу, какой ты пошлый, — я театрально приложила ладонь ко лбу и закатила глаза.

— С кем повелся... на той и женюсь.

Тогда мы посмеялись, а вот теперь у меня было странное чувство, что скоро я таки загляну им под хвост и увижу эти руны. А еще там, согласно пословице, начинается дорога к Весам Судьбы, ведь именно хвостом линорм в образе ящера бьет магией.

Янина

Выздоровливала я в окружении заботливой Ари и Зартана. Но друзей и родных ко мне не допускали. Никто даже не узнал о произошедшем.

Алари навещала меня раз в неделю, рассказывая городские новости. Женщина представлялась мне неким ураганом «свежести», которой мне стало недоставать. Хотя, самым приятным было письмо от Джута, где он сокрушался о моем здоровье. Алари рассказала, что узнав о моем ранении, защитник даже хотел покинуть крепость и прибыть в столицу, но его удержала возня на границе и то, что во дворец так просто не попасть. Но при мысли о том, что ему я небезразлична, заживать все стало гораздо быстрее.

Но самым запоминающимся за весь этот период стали два события.

Первое — личное знакомство с лордом Айдэлом Валконом.

Император, который сразу после нападения отбыл в Ризгар, вернулся спустя две недели, и на следующий же день Ари принесла мне приглашение. Мне было жутко страшно, но отказаться было невозможно.

В полдень следующего дня я стояла перед дверями кабинета Императора Иртанита, изучая черное дерево, покрытое золотым узором, пытаюсь собраться с духом, и судорожно одергивая новое платье цвета изумруда с небольшим шлейфом и непривычно глубоким вырезом (последняя дворцовая мода).

Зачем я ему понадобилась? Я — не того уровня персона, чтобы со мной встречались лично. Вряд ли Император нуждается в моей благодарности.

Наконец, дверь распахнулась, из кабинета вышла женщина-линорм, красивая, изысканно одетая, с волосами цвета грозового неба. Я уже знала, кто она — супруга Императора и мать первого наследника, Ритана Валкон. Ее портрет висел рядом с портретом Императора и Эллинара в отдельном большом зале дворца. Веселая молоденькая горничная просветила меня по поводу ее персоны. Супруга Айдэла Валкона никогда Императрицей не называлась, ибо к управлению отношения не имела, проживала она в Ризгаре. Кстати, Эллинар Валкон звался первым наследником Императора

также по старой памяти, после ухода Айдэла, он мог и не занять его пост, если Совет родов не примет соответствующее решение.

Я присела в глубоком реверансе, Ритана задержала на мне свой взгляд, кажется, дольше, чем полагалось, но вежливо кивнула и, оставив дверь приоткрытой, точно приглашение войти, проследовала по коридору к лестнице.

Тянуть было невежливо, я глубоко вздохнула и, постучав, вошла в кабинет.

Огромное помещение, отделанное деревом, точнее, украшением стен были деревянные стеллажи с книгами, картами, свитками, венцом был величественный черного камня камин с искусным вылитым в бронзе гербом нашей империи — парящим линормом с мечами в передних лапах-крыльях.

Стол, который мог поспорить длиной со школьными, вмещавшими целые классы, два окна в тяжелых портьерах, и фигура мужчины, стоявшего возле одного из них и смотревшего куда-то вдаль, сложив руки за спиной.

Айдэл Валкон был красив (даже краше, чем на портретах): правильные черты лица, грива черных блестящих волос, высокий рост, широкие плечи, черный провалы больших глаз, в нем было действительно что-то величественное и в то же время опасное. В нем чувствовался тот зверь, что уничтожил армию ристархов пятьдесят лет назад. Мне стало жалко бедного начальника охраны, несмотря на то, что Алари над ним всячески потешалась. Я бы лично не хотела оказаться на пути Императора или сделать то, чего он не ждет от тебя.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — голос предательски дрогнул.

Император резко обернулся и направился ко мне. Как ни странно, шрам на щеке его слегка очеловечивал.

— Госпожа Стиантон, — он протянул руку.

И я уже привычно (смешно звучит!) вложила свою руку в его и присела в глубоком реверансе.

Его прикосновение длилось недолго, я лишь только начала подниматься, а моя рука была уже свободна.

— Как вы себя чувствуете? — в его голосе чувствовался рокот взволнованного штормом моря.

— Вполне здорова, Ваше Величество, и готова вернуться к работе.

— Не торопитесь, дело еще не раскрыто, — отрезал Император.

— Я хотела поблагодарить вас...

— Мне жаль, что вам не смогли обеспечить должной охраны, хотя именно для этого вы тут и находитесь, — он перебил меня и подошел к столу. — Впредь подобное не повторится. Так же, надеюсь, пережитый вам инцидент мы сможем компенсировать. Решите это вопрос с Эллинаром. И, это вам, госпожа Стиантон, в напоминание, что даже самая охраняемая территория может быть не так безопасна, как хотелось бы, — он развернулся и в один шаг, оказавшись рядом, с длинной темной коробкой в руках, вручил ее мне. — Благодарю за ваш визит, госпожа Стиантон, — он развернулся, направившись к едва заметной двери рядом с окном, исчез за ней.

Я так и осталась стоять с коробкой в руках и в полном разброде в чувствах. Он поступал, как и положено Императору, ему нет дела до моей благодарности. И я не чувствовала себя даже оскорбленной или униженной. Он закончил беседу максимально быстро и максимально продуктивно. Но все равно ощущение было, как от льда за пазухой.

Мой взгляд вдруг наткнулся на Ари, ожидавшую меня с озабоченным лицом возле моих покоев (а я даже не помнила, как вернулась), и я точно вынырнула из сна, звук падающей коробки окончательно вывел меня из транса. Крышечка слетела, и на мраморный пол упала серебряная молния — кинжал друида, который чуть не прикончил меня целых два раза. Хороший подарок, правильный. Я подобрала его, взяв за тяжелую рукоять. Начищенный до блеска клинок хищно блеснул.

Его Величество, сама доброта!

А вторым эпизодом стало приглашение Эллинара Валкона.

Вечером того же дня Ари с округлившимися глазами влетела в мою комнату, даже забыв постучаться, что меня совершенно не смущало, зато смутил сам вид испуганной девушки.

— Лорд Валкон приглашает вас отужинать с ним вечером на террасе. Вот это да! О, простите госпожа! — опомнилась Ари.

— Какой Валкон?

Мы с Ари воззрились друг на друга в полном непонимании.

— Первый наследник, госпожа.

— Ясно, мое согласие требуется или это приказ? — съехидничала я.

— П-п-приглашение, госпожа. — Ари смотрела на меня такими глазами, будто я нахамила наследнику в его присутствии.

— Передай, пожалуйста, что я почту за честь, — побыстрее бы разделаться с этим и вернуться домой.

Только хороших новостей от Алари все нет и нет!

У меня было одно единственное платье, подходящее для того, чтобы предстать пред очи Высших. То самое изумрудное, которое уже было опробовано сегодня при визите к Императору, не мудрствуя, его я и надела, а Ари привела в порядок волосы, собрав в модную замысловатую прическу.

В девять вечера я шла за горделиво вышагивающим слугой лорда Валкона младшего на встречу с первым наследником Императора, хотя с удовольствием посидела бы в обнимку с книгой, наслаждаясь закатом.

К тому же мне все не давал покоя тот странный сон, что приснился после нападения, я даже записала его в дневник, хотя многие подробности его забылись. Но что-то тянуло меня просматривать записи и, что удивительно, сокрушаться о том, что я никогда не узнаю, чем закончится поединок Сальтирина и Локарта.

Коридор в алом зареве заходящего солнца, прямой как стрела, убегаящий вдаль арочным переходами, вдруг оборвался, и я к своему удивлению поняла, что это идеальная иллюзия. Рука человека в ливрее коснулась воздуха, и тот ожил, колыхнулся и обратился тупиком — стеной того же белого мрамора и огромными дверями в золоченных узорах. За темными створками обнаружилась зала, тонущая во мраке. Сопровождавший меня мужчина замер у входа, а через мгновение в дверном проеме как из-под земли вырос Эллинар Валкон.

— Госпожа Стиантон, рад, что вы приняли предложение отужинать со мной с учетом вашего состояния. Как я понял, Император желает, чтобы мы с вами обсудили некоторые... вопросы.

Я присела в положенном реверансе.

— Благодарю за приглашение, лорд Валкон.

Линорм вежливо кивнул и сделал приглашающий жест. Дверь за моей спиной тихо щелкнула. Я же последовала за Высшим, бросая любопытные взгляды по сторонам. Комната, которую мы пересекали, была огромна, окна ее были обращены на восток, от того в помещении уже властвовали сумерки. Видимо, это был личный кабинет наследника: на стенах угадывались темные деревянные панели, книги на высоких стеллажах, карты в рамках, кресла с резными спинками, глыбой каменной застыл стол. Ветер, играясь с воздушными занавесями, приоткрывал вид на большую террасу с фонариками вдоль балюстрады.

Вид с нее открывался такой, что захватывало дух — тонущее во мгле море и уже усеянный огнями город. Посреди площадки стоял накрытый

стол. Изящные витые приборы, серебряные канделябры, высокие бокалы с искусными литыми ножками в виде морских дев — такой прием подходил для вкушения пищи двумя влюбленными, но уж никак не для разговора о компенсации, на которую намекнул Император.

Но удивляться я не стала. Ящеры, как их весьма невежливо именовала Алари, имели права на любые причуды.

Двое слуг — молодых мужчин услужливо помогли мне расположиться за столом: один отодвинул тяжелый стул и придвинул его уже вместе со мной, второй подал салфетку и наполнил бокал вином.

Наследник величественно опустил ся напротив.

Я не привыкла к подобной роскоши и обхождению и была смущена. И не только обстановкой. Изысканность и грация в каждом движении наследника, над головой темная бездна надвигающейся ночи, поблескивающая звездами, точно глазами лукавых фей.

Перед нами легли тонкие точно из кружева тарелочки с салатом. Приличия требовали сначала слегка утолить голод гостя, а после приступать к делам. Пришлось взять невесомую вилочку и приступить к кулинарному шедевру, второй рукой под столом теребя салфеточку, которой полагалось прикрывать колени.

Наследник был сосредоточен и нетороплив, я украдкой следила за ним, стараясь придерживаться его ритма. Единственное, я к вину не притрагивалась. Лорд Валкон же методично опустошал бокал небольшими глотками. И едва он закончил с первым блюдом, тоже отложила вилочку.

Я не видела его с того дня, когда он творил дымчатых призраков в моей квартирке, зато наслушалась от Ари рассказов о нем.

Непобедимая женская сущность заставляла всех молоденьких титулованных дам, да и без титула тоже, что уж говорить, вздыхать по Эллинару. Он мог улыбаться, мог танцевать, мог даже попытаться пошутить! Высшим его поведением оправдывалось тем, что он молод — всего-то сорока девяти лет отроду.

Меня же сейчас больше занимала моя свобода. Я понимала опасность ситуации, но все больше чувствовала себя во дворце точно в клетке, выставленной на торговой площади. Не в состоянии заставить себя после случившегося пойти в сад, я проводила дни в четырех стенах, лишь иногда посещая библиотеку, и то под присмотром лорда Армила.

Но самым страшным было не это. Самым страшным стало то, что уже третью ночь подряд я видела красный, бьющий в глаза, свет. Третью ночь меня пронизывали боль и паника, тех, кто страдал от этого света, я не видела их лиц, но знала, они для меня дороги. Третью ночь смятая, мокрая

от пота постель, сердце, стучавшее у самого горла, озноб и страх, жуткий, парализующий.

Я ругала себя за то, что распустилась, расслабилась. Ругала за то, что отдалась глупым пустым мечтам о мужчине с добрыми синими глазами... Поддалась эмоциям!

Чтобы перестать перечитывать письма защитника, я сожгла их на серебряном блюде, кулон уничтожило, еще когда напал друид.

Старательно закрываясь от образа лорда Салтелита, я проводила все время за чтением, заставляя себя заучивать текст, пытаюсь забить голову, чтобы места не осталось.

Все правильно. Янина Стиантон оказалась не готовой к боли, страху, неспособности повлиять на ситуацию, забыла, какую муку несет с собой дар!

Перед ужином с наследником я долго ходила по комнате, пытаюсь найти хоть какое-то решение. Мысль была, но... Если говорить с Императором на эту тему мне не хватило бы смелости, то Эллинара я, хоть как-то, «знала». И я решилась просить его, даже умолять, чтобы меня отпустили домой, одной мне было легче абстрагироваться от мира, от дара, от его бесполезности!

Сейчас, глядя на красивое спокойное лицо наследника, смелости поубавилось. Но отступить, значит, обречь себя на заточение в своих комнатах на неопределенное время.

Вилочки блеснули в свете фонариков и исчезли вместе с тарелочками, слуги сменили блюда. Время разговора пришло.

— Хочу выразить сожаление, госпожа Стиантон, что в стенах дворца вам не смогли обеспечить достойную защиту, — начал линорм.

— Прошу вас не волноваться об этом, лорд Валкон, — я сложила обе руки на коленях, чтобы не было видно волнения.

— Император просил обсудить с вами вопрос о компенсации. Предвижу, что вы откажетесь, но для нас это долг чести, — Эллинар чуть подался вперед.

— У меня нет в чем-либо нужды, лорд Валкон, кроме одного, — голос мой вдруг стал хриплым, — я очень хочу домой.

Эллинар приподнял одну бровь.

— Вашей жизни, госпожа Стиантон, все еще угрожает опасность. Мы не знаем причин, по которым вас хотели убить, как и то, действовал ли убийца один или у него имелись сообщники. Допустить вашу гибель непозволительно, — он вдруг чуть склонил голову на бок. — Вам плохо во дворце?

— Нет, что вы?! Мне тяжело без работы и друзей. Без привычной жизни. Без родных.

— Вы — не пленница здесь. Можете спокойно выходить в город, гостить у друзей или даже поехать к родственникам. Под присмотром охраны, конечно же, — проинформировал мне линорм.

Тяжкого вздоха я не сдержала. Когда он так говорит и так смотрит, не поймешь, заботится ли он о тебе или хочет, чтобы тебя быстрее прихлопнули. Права Ари!

— Вернемся к вопросу о компенсации, — Высший, разумеется, посчитал, что обрадовал меня озвученными «возможностями», но спорить было бесполезно. — У вас в столице есть небольшая квартира, записанная на вашу родительницу. Но вы — молодая женщина, возможно, вам бы хотелось иметь недвижимость, которая будет более удобна, когда вы обратите внимание на мужчину. Дом, например.

— Благодарю, но... — начала было я.

— Альтера — прекрасное место для семейной жизни, — наследник не обратил внимания на мои попытки воспротивиться.

Я же удивленно воззрилась на лорда Валкона младшего.

Альтера — самый дальний пригород столицы, располагался он уже на материке недалеко от Связующего Моста. Красивое место на берегу моря в уютной бухточке, где было хорошо растить детей и предаваться философствованию. Но не с моим социальным статусом и работой.

Однако, мое молчаливое удивление он принял за согласие.

— Делопроизводитель подготовит все необходимые документы.

Мда... Он — Высший, а я не та, кто может высказать свое недовольство щедростью и прозорливостью правящих. Что ж, недвижимость там была в цене, и на нее всегда будет покупатель в силу ограниченного количества домов и большого числа желающих там обитать. Продам.

— Мне также поручено пригласить вас на бал в конце недели. О нарядах не волнуйтесь, завтра вас посетит модистка. Лорд Армил будет вашим сопровождающим, — добил меня Эллинар.

Этот день был слишком насыщенным, как и три последние ночи. Чувство тяжести от снов, дара, отказов, разрушенных надежд и поведения линормов, которых ничего кроме собственного мнения не интересовало, упало на плечи неподъемным грузом. Я почувствовала себя больной и разбитой.

— Чрезвычайно благодарна вам, лорд Валкон за ужин, щедрость и приглашение. Разумеется, я принимаю его. А сейчас, нижайше прошу меня

простить, но я не до конца окрепла после ранения, и прошу разрешения удалиться в свои комнаты.

— Конечно, госпожа Стиантон, — он вдруг резко встал и плавным размытым движением оказался возле меня, легко подхватив на руки. — Вы бледны. Я вас утомил, это непростительно с моей стороны. Я отнесу вас в ваши покои.

И он поплыл, потому что именно так ощущалась плавность его движений. Я же была ошарашена настолько, что сцепила руки до судороги и зубы до скрипа.

Мы шли ужасно долго, я даже чуть расслабиться успела, созрела внутренняя усмешка, что многие дамы отдали бы за такое душу.

Его слуга, семенивший за нами, распахнул перед наследником дверь в мою комнату, где маялась Ари.

— Госпоже нехорошо. Вызови Зартана, — приказал линорм служанке.

— Нет-нет, — подала голос я, — пожалуйста, не беспокойте уважаемого Зартана, я просто устала, мне необходимо лишь выспаться.

Меня плавно опустили на кровать.

— Отдыхайте, госпожа Стиантон. Надеюсь, к балу ваше здоровье окончательно поправится. И заранее прошу у вас танец.

Высший чуть наклонил голову и вышел из комнаты, оставив меня и ошарашенную Ари с открытыми ртами взирать на закрывшуюся за ним дверь.

Эллинар

Айдэл стоял на балконе своего кабинета, вглядываясь вдаль, когда Эллинар остановился недалеко от отца, положив руки на перила.

— Значит, я не ошибся. То, что нашел Райдэл, наводит на одну мысль — друиды опять решили попробовать, — Император провел руками по волосам.

— Мы пока не пришли к пониманию, что он обнаружил, — Эллинара находка сильно беспокоила, потому как понять — что это — никак не удавалось. А билась над этим целая толпа магов и ученых.

— Райдэл будет работать с Салито. Надо ускориться, — поставил наследника в известность Айдэл.

— Понял. Отец? — пора было решаться. Первый шаг был весьма волнителен, но и тянуть смысла не было.

Эллинар, развернувшись и оказавшись лицом к лицу с отцом,

посмотрел ему в глаза. Роста они были почти одинакового, Император был лишь на дюйм выше сына.

— Я прошу у тебя разрешить забрать Янину себе.

— Не понял? — шевелились только губы, сам Император походил ныне на статую.

— Ты не будешь предъявлять право к таям, ты ничего не сможешь ей дать, а она... Что-то будоражит меня в ней. Может, это общность нашей с тобой крови...

— Ты спятил? — глаза Айдэла затопила тьма.

Но Эллинар уже не мог отступить.

— Это не ударит по твоему статусу, линормы давно отошли от таям с людьми, — младший линорм выдержал тяжелый взгляд старшего.

Губы Императора скривились.

— Ты прав, конечно. Но это странно. А как же Салтелит?

— Они знакомы недавно, он далеко и будет там долго, я об этом позабочусь, — губы наследника тронула легкая усмешка.

Император отвернулся и опять уставился вдаль.

— Делай, что хочешь. У меня достаточно проблем и без того.

— Спасибо, отец, — Эл поклонился, и вдруг неожиданно для него самого с языка сорвался вопрос. — Тебе точно не будет... неприятно? Ты ведь почувствовал, что на нее напали тогда.

— Нет, не почувствовал, — отрезал линорм. — Девчонка нашла мое любимое место в саду, там этот ублюдок и напал, хватило магического всплеска и ее крика.

Эл кивнул и отвернулся к морю, тонущему во тьме, которую прорезали лишь крохотные огоньки кораблей.

— Но... — Император повернулся к Эллинару, — на тебя ложится обязанность по ее защите, и когда закончишь, не забудь подтереть за собой...

Глава 9

Алари

— Линормы всех заberi! — меня совершенно не смутило то, что с моих губ только что сорвалось ругательство, а вокруг снует огромное количество мною поминаемых Высших. Единственное, что остановило поток высказываний в подобной манере — поворот головы лорда Райдэла. Его «милое» лицо ничего не выражало, но то, что он позволил себе посмотреть в мою сторону, заставило прикусить язык. Однако же не утомонило мысли, веселым строем отправившиеся придумывать колкости, благо сегодня, с учетом полученной информации, проколов у ящеров обнаружилось в достаточном количестве.

Мы стояли в гигантских подвалах дворца, оказавшихся целым лабиринтом пещер, переходов, закоулков и прочих мест для прогулок и уединения, в том числе и со смертью. Тут не то, что армию Ристарха спрятать можно, тут полмира втиснется. Утрирую, конечно, но...

Причиной нашего пребывания здесь стали восемнадцать небольших пещер, кои обзавелись прозрачными ограненными кристаллами, вплавленными в пол и образующими некое подобие кольца под дворцом. Кстати, вплавленными намертво: достать их из «гнезд» возможно было лишь путем уничтожения. И надо заметить, что даже издали эти штуковины выглядели впечатляюще. От высоких хрустальных сталагмитов змейками разбежались дорожки непонятных рун. Интересно, как такое капитальное строительство ящеры не заметили под самым своим носом?

— И что это? — поинтересовалась я.

Мой голос в этом каменном мешке прозвучал неожиданно громко и запустил удивительную реакцию. Представьте себе ситуацию, когда словно по мановению руки жизнь вокруг замирает, время останавливается — все застыли и воззрились на вас: прекрасные линормы, ученые мужи с красными от мыслительной натуги лицами, поисковики с мешками под глазами от недосыпа. Целая армия статуй. Практически дворцовый музей на выезде, хотя даже он, полагаю, обзавидовался бы.

Время тронулось лишь после того, как мой «напарник» заговорил.

— В данный момент мы работаем над тем, чтобы это выяснить.

— А если это какая-то массовая магия уничтожения? — возмущению моему не было предела. — Как вы можете спокойно оставаться во дворце и

тем более позволять людям тут находиться? Второе даже приоритетнее, памятью о вашей особенности противостоять магии!

Надо срочно поставить в известность Рапара!

— Возможно, потому что мы знаем, что магии, способной уничтожить что-либо в том, что вы видите, не имеется, — проинформировали меня абсолютно безэмоциональным голосом.

— Надеюсь, в это раз вы... оцениваете ситуацию верно, — едко заметила я.

Если в этом деле действительно замешаны друиды, то эти... мечты ювелира по определению опасны.

В какой-то момент я устала задира́ть голову, заглядывая в глаза Райчику из вежливости. Мелковатой быть не ахти. Обидели меня боги ростом, да что там говорить и статью, а, как оказалось, еще и удачу изъяли! До сих пор уверена, что смухлой я в карты в начале лета — ничего бы этого не произошло.

В общем, в надежде сберечь шею, и по здравому размышлению, что под собственной тяжестью мои ироничные замечания до Высшего просто не долетают, я забралась на низенький, широкий поребрик, что тянулся вдоль своеобразной дорожки, петлявшей среди торчавших кусков породы и трещин, и продолжила путешествие уже по нему (кто-то даже озаботился облагораживанием территории в этом неприятном месте).

Все же не люблю подземелий. Они мою широкую натуру угнетают.

— Откуда такая уверенность, что это не магическая взрывчатка? — поинтересовалась я у лорда Райдэла.

Райчик мой вопрос проигнорировал. Сделав приглашающий жест, линорм проследовал к кучке пожилых ученых-магов, топтавшихся возле кристалла в смешных балахонах, призванных то ли спасти старичков от пыли и грязи, то ли намекающих на крайне скудный доход ученых магов.

— Господа! — голос Высшего отразился от стен, лысин мудрых старцев и самого кристалла, который был объектом яростного спора между магами.

— Лорд Райдэл! — один из старичков, пробравшись сквозь застывшее в поклонах скопление коллег, замер перед нами в поклоне. На меня пожилой маг даже внимания не обратил. — Мы пришли к выводу, что это накопитель!

Мужчина так затрясся от радостного возбуждения, что я испугалась за жизнь и здоровье гонца от науки. Седовласый ум, не дождавшись реакции на сие сногшибательное заявление от Высшего, наконец, обратил свое внимание на меня.

— Вы понимаете, молодая леди, накопитель!

— И что же он должен накапливать? — вежливо поклонилась я магу.

Тот просиял, махнул рукой, и через долю секунды я оказалась посреди бушующего моря серых балахонов, наперебой рассказывающих мне о том, что может быть предметом накопления. Лорд — линорм же, стоя рядом со мной, напоминал утес, молчаливый и гордый, который «волны» старались ввиду его величественности и неприступности, «обтекать» стороной.

Если честно, в этом гомоне я мало что могла расслышать, в итоге вскинув руки, привлекла к себе внимание ученых:

— Так что он накапливает, уважаемые маги? Вы пришли к единому мнению?

— Конечно! — дружно закивали головы.

— И? — вопросительно подняла я брови.

— Солнечный свет! — в едином порыве выдала мне толпа старичков.

Взгрустнулось вдруг настолько, что захотелось даже поискать помощи у лорда-неудачника, но тот ожидал продолжения нашего «продуктивного» общения.

— Уважаемые мужи, но мы под землей, и кристаллы, как я вижу, невозможно сдвинуть! Как же они могут быть накопителями света?

Мир в очередной раз замер. Только в этот раз на лицах магов застыло возмущение, причиной тому была моя глупость, надо понимать.

Так, начнем сначала!

— Уважаемые маги, если я правильно понимаю, это, по сути, артефакты?

— Да, это они и есть, — закивал головой наш первый ученый собеседник.

— Если так, активированы ли они?

— Нет, молодая леди. В них влито немного магии, определяющей предназначение, но ртуть использована не была. Мы пришли к выводу, что это самые нелепые артефакты из всех существующих, ведь все, что они будут делать, это отдавать очень небольшое количество впитанного света и тепла, несмотря на свои размеры, а вливание ртути потребуют астрономического, треть бочки на каждый кристалл.

Восемнадцать кристаллов, треть бочки, шесть бочек... Шестнадцать бочек ртути! Неужели...

Я совершенно бесцеремонным образом повернулась спиной к толпе магов и пошла по поребрику.

— Думаете о двух миллионах льер? — послышался у самого моего уха голос линорма.

Я замерла, разглядывая каменное крошево и пыль.

— Положа руку на сердце, думала, это какая-то утка.

— Ясно, что тех, кто задумывал эту аферу, интересовала ртуть. Ее покупает только Императорский Банк. Это средство расчетов и получения прибыли, — линорм уставился в пространство перед собой, не моргая.

— Неужели, кто-то действительно надеялся умыкнуть такой объем ценнейшего металла? — я все не могла поверить.

— У банка не возникло бы вопросов, если бы пришел человек из дворца с официальной бумагой, такую сумму выдадут только ртутью, а дворец закупает ртуть для собственных нужд, бывает и в больших объемах, — два черных антрацита обратились ко мне.

— А почему вы решили, что это должен был быть человек? — я тоже подняла глаза, бесстрашно бросившись в бездну его глаз.

Янина.

— Добрый день, госпожа Стиантон! — миниатюрная женщина в изысканном летнем платье, со сложной прической, была никем иным как знаменитой модисткой — госпожой Клопин. Едва впорхнув в мою комнату, дама суетливо забегала, раскидывая обмерочные шнуры, подушечки с булабочками и прочую швейную атрибутику. За ней вплыли молоденькие помощницы, неся на руках куски ткани всех цветов и оттенков. Я к тому времени уже пообедала, и, спрятавшись в тени тяжелой портьеры, сидела на кушетке возле открытого окна с книгой.

Разложив все необходимые ей «инструменты», женщина замерла посреди комнаты и принялась изучать меня задумчивым взглядом. Видимо, вполне удовлетворившись увиденным, модистка доложила:

— Лорд Валкон приказал подготовить для вас несколько платьев, в том числе для предстоящего бала. Что же, с вашей фигурой есть, где развернуться. А с цветом глаз и волос можно сочетать насыщенные цвета модные в этом сезоне. Хотя, и классику никто не отменял.

Она просто фонтанировала энтузиазмом и хорошим настроением. Только меня это утомляло, вплоть до раздражения.

Ночью опять снились кошмары, ужас, что они несли, сжимал сердце стальными пальцами, не позволяя дышать, заставляя испуганный мозг искать выход, но среди потока красного света и криков не было волшебной дверцы с надписью «спасение».

Я могла думать лишь о том, что скоро произойдет что-то плохое, очень

плохое. Такое, чего раньше не было!

Там в кошмарах, кто-то умирал. И мне казалось, что я сама умираю с каждым таким видением. Просыпаясь в холодном поту, я не могла отдышаться, руки мелко дрожали. И я ужасом вскакивала с постели, боясь вновь закрыть глаза.

Попытки выкинуть из головы мысли о маге-защитнике даже не предпринимались, я боялась, что с Джутом может произойти несчастье. Ведь в крепости Оралас никогда спокойно не было. А где же еще может произойти что-то настолько страшное?! И не выдержав, я послала ему письмо с просьбой быть крайне осторожным, разумеется, не пояснив, почему так беспокоюсь за его жизнь. Пусть считает истеричкой и параноиком, но будет оглядываться, это гораздо важнее!

На бал я, разумеется, не собиралась, планируя сослаться на плохое самочувствие, но отказываться от подарков было невежливо. И это могло спровоцировать новый визит Высшего.

— Лорд Валкон передал вам официальное приглашение на бал, — всплеснув руками, госпожа Клопин порылась в кармашке пышной юбки и передала мне маленький конверт с золотыми вензелями, который я, не распечатав, сунула в книгу, весьма удивив тем модистку. — Нас ждет море работы. Шесть платьев, одно из которых бальное, это вам не шутки.

— Шесть? — я, вставшая по указу госпожи Клопин для снятия мерок, села обратно на кушетку. — Но зачем столько? И это безумно дорого! Может, сократим до одного?

— Ох, госпожа Стиантон, вы, прямо, как и не дама, — покачала головой модистка. — Умейте принимать подарки с достоинством.

Я уже поняла, что дама относится к разряду тех, кто вполне может (помимо основной профессии) подрабатывать учителем хороших манер и правил, как должна вести себя воспитанная женщина.

— Линормы редко бывают щедрыми. Их склад характера совсем иной, — заметила дама.

— Скажите честно, они — скряги! — послышался от двери знакомый голос.

На пороге стояла Алари. Женщина сменила форму на легкое, темное, весьма модное платье. Единственным отступлением от правил была прическа, точнее ее полное отсутствие: «мед» стекал по плечам, но с распущенной золотой гривой она выглядела моложе и добрее. Однако, этот «отход» от традиций вызвал гневную встречу бровей и переносицы госпожи Клопин, считавшей, видимо, что женщину определяют прическа, платье, туфли и манеры. Именно в таком порядке.

— Алари, как я рада! — это была истинная правда. В ее присутствии становилось легче. Она умела изменять атмосферу шуточками, ухмылками, самым своим отношением к жизни с легкой долей иронии и хорошим куском цинизма.

— Смотрю, Яна, ты начала обрастать имуществом! — Алари пересекла комнату и уселась на кушетку, где лежала моя недочитанная книга. Магиня осторожно перевернула ее и, вложив выпавшую «закладочку» — приглашение на бал, водрузила томик на широкий подоконник.

Модистка удивленно замерла, рассматривая наглую гостью.

— Госпожа...?

— О! Мои манеры! — театрально закатила глаза следователь. — Леди Алари Салито, глава отдела по расследованию тяжких преступлений...

— Ой! — лицо госпожи Клопин выражало ныне ужас вкупе с удивлением. Даже булабочки посыпались из ослабевших пальцев.

— Да, что ж вы так пугаетесь-то! Я же пока не за вами! — порадовала Алари. — Я, так сказать, ныне не при исполнении, — леди Салито мило улыбнулась генералу моды и ее свите. — Госпожа...?

— О, прошу прощения, леди Салито! — женщина, как и подобает, поклонилась аристократке. — Модистка Клопин.

Глаза Алари задорно блеснули.

— О вашем таланте, госпожа Клопин, ходят легенды. Особенно среди тех, кто вынужден постоянно носить форму. Когда-нибудь я пойду на преступление и все-таки «задержу» вас, в надежде, что вы сотворите очередное чудо и создадите мне гардероб достойный императрицы.

Модистка была очарована, побеждена и ушла в лагерь тех, кто обожал Алари. Полагаю, он мог бы быть весьма многолюдным, если бы она его «не прореживала» своими шутками и подколами.

— Уважаемая госпожа Клопин, я понимаю, вы — крайне занятая женщина, но не могли бы вы дать нам с госпожой Стиантон пару минут? Она проходит по одному страшному преступлению против государства... подозреваемой.

Мадам Клопин шарахнулась от меня, как от чумной, и, закивав, вылетела из комнаты, сославшись на желание освежиться фруктовым чаем, помощницы последовали за ней.

— Ну, теперь полчаса будут обсуждать! — совершенно не заботясь о манерах, магиня закинула ногу на ногу и растеклась руками по подоконнику за спиной.

— Вы думаете, полчаса будет достаточно? — голос мой был холоден,

но губы расплывались в улыбке без участия воли.

— Мда, — поджала губы Алари. — Ты права, надо было про убийство сказать! — но заметив мое возмущение, сменила тему. — Вот, это тебе, — она выудила из кармашка на юбке конверт. — От Джута. Ты ему напиши хоть, он мне уже плешь проел!

Улыбка моя померкла, растворяясь в ночных кошмарах. Похоже мое истеричное письмо до него еще не дошло. Да и если дошло, больше писать я не буду.

— Я не могу, простите.

— Что так? Я первый раз вижу, чтобы он так себя вел. Джут всегда к женщинам трепетно относился, но ни одна еще не вызывала в нем желания наплевать на службу и лететь в столицу, сломя голову, или строчить оды по ночам.

Я опустила глаза, теребя кончик, казалось, теплого конверта, который приняла из рук Алари.

— Яна, если ты к нему не питаешь теплых чувств, а когда я говорю «теплых», ты понимаешь, о чем я — ты его за нос не води. Он — хороший человек, — посерьезнела леди Салито.

Я кивнула, вложив конверт в книжку.

— Ладно, тогда о делах. Хочешь новость? Нет, не так! Начнем сначала. Сколько ты знала Дайвокари? — леди опять превратилась в следователя.

— Чуть больше двух лет, — прикинув, сказала я.

— И он никогда не вызывал у тебя никаких хм... подозрений? — глаза Алари чуть сощурились, изучая меня.

— Что вы имеете ввиду? — удивленно воззрилась я на леди Салито. — Нет! Он был открытым, жизнерадостным человеком.

— Голубоглазый блондин, невысокий, обаятельный, с мягкой улыбкой, приятным тембром, аккуратно одетый, с планами на семью и карьеру, — Алари покачала головой и вздохнула. — Эх, Яна-Яна! Салис Дайвокари числился секретарем делопроизводителя Императорского дворца три года, все это время он проворачивал махинации с деньгами.

— Это невозможно! — выпалила я.

— Сядь и выслушай! — Алари похлопала рукой по свободному месту на кушетке рядом. — Салис предоставлял тебе ложные сведения об умерших. В большинстве случаев.

— Что? — я не поверила собственным ушам.

— Да-да, дорогая, я не шучу, — закивала головой леди Салито. — Ты — государственная преступница, служащий под подозрением. Правда, я и еще один линорм веруем в твою безгрешность, посему ты пока на свободе.

Я опустилась на кушетку рядом с Алари, чувствуя, как по венам бежит вместо крови кипяток.

— Как такое возможно?

— Все просто. Помнишь, ты говорила мне про посмертные выплаты служащим. Дворцовые считаются элитой, соответственно, и выплаты там очень приличные. Хотя, тем, кто терпит линормов, надо бочками ртуть раздавать.

— Алари! — истерически одернула я леди Салито, хотя никогда не позволяла себе ранее такого общения с аристократами.

— Нет у тебя чувства юмора! — хмыкнула следователь. — Ты же знаешь, что у нас на уровне империи две казны, одна общая, из которой расходуются средства на всю страну и одна дворцовая, что идет на нужды императора, служащих его там личных, пирушки и прочая. Так вот, ты же мне и сказала, что в зависимости от того, как умер служащий, ему положена выплата, точнее его наследникам. Но выплачивается она из общей казны. А если наследников нет, то она перечисляется в казну дворца. Салис вместе со своим подельником стряпал сертификаты о смерти и приказы о зачислении на службу для несуществующих лиц. За почти три года он «похоронил» порядка пятиста человек. Все это он оформлял у тебя, точнее сначала его подельник, который потом получил должность повыше и затем Дайвокари. Согласись, дел ведь много было, когда наследников нет, да и имущество отсутствует, а только посмертная выплата из казны. Что делал Салис! Он с сертификатом от тебя приходил в банк. Вместе с ним приходили старичок, женщина с ребенком, рыдающая гражданская жена, хмурый лавочник с... заемной распиской, в которой умерший бессовестно задолжал очень похожую сумму. Секретарь делопроизводителя не спорил, утирал салфеточкой набежавшую слезу и соглашался передать сумму в счет погашения долга, а он имеет право отвечать по долгам умершего перед его кредиторами. Эти господа переводили их через пару месяцев Салису на его личный счет, посему папка с его счетом была толще моего ежегодного отчета «Как ничего не делать и раскрывать преступления».

— Но сумма-то слишком большая, ее не собрать только на выплатах! — воскликнула я.

— Да — да, поэтому и стоит банк, как и дворец впрочем, на ушах уже третий день. Трое сотрудников банка числятся в бегах, как и двое из служащих дворца, делопроизводитель, секретарь и сам казначей.

Я обняла себя за плечи, в такую жару мне казалось, что вокруг властвует жуткий мороз.

— Они его убили? — вырвалось у меня.

— Думаю, да, либо... — Алари запнулась. — Заставили убить себя. Ведь следов побоев и пыток не было.

Женщина надолго замолчала.

— Видимо, что-то пошло не так. Не думаю, что Дайвокари все это время готовился отправиться к Весам Судьбы.

— Деньги по сертификату после его смерти сняли бы в виде ртути... — меня знобило.

— Да, это единственный банк, у которого контракт с эльфами на закупку серебрянки. А кому-то она была очень сильно нужна. Боюсь, эта афера грозила чем-то большим, чем умыкание ртути, — ладонь Алари сжалась в кулак. — Понятное дело, что император бы, подсунь ему такую бумажонку, в жизни бы ее не подписал на такие суммы и тем более на такое количество ртути.

Мы замолчали, за окном пели птицы, из дворцового сада доносилась музыка. Жаркий летний день правил бал, а я все не могла поверить, что нахожусь не посреди ледяной пустыни.

— Но почему вы поверили, что я не в сговоре с Салисом? — хриплым голосом поинтересовалась я.

— А потому что ты сама пришла и все рассказала, потому что ты спасла мне жизнь, и потому что ты сказала про конфеты.

— Конфеты?

— Помнишь, те самые конфеты из дворца. Салис действительно не ел сладкого, но к конфетам тем он бы и не притронулся. Их нельзя есть людям без магического дара, точнее, нежелательно!

Я удивленно воззрилась, на посматривающую на меня с некоторой толикой задумчивости, следователя.

— На простых людей они действуют, как большая доза алкоголя: притупляется внимание, и очень плохо становится с логикой. А он, я так понимаю, тебя ими накачивал.

— И что же мне теперь делать? — руки мои опустились, и, кажется, сил не осталось.

— Живи спокойно, читай, гуляй, развлекайся. Принимай подарки, — улыбнулась Алари.

— Это совет тому, кто обречен на казнь? — сглотнула я.

— Нет, это чтобы ты не зацкливалась, и так выглядишь не ахти. Линормы за тобой наблюдают. Они все еще не пришли к окончательному выводу о твоём неучастии в этом преступлении. Думаю, одна из версий такова, что убить тебя хотят, потому что ты сдала шайку. Да, кстати, на бал тебе придется пойти.

— Зачем? — тяжело вздохнула я.

— Они требуют.

Боги!

— А что будет теперь с Вивиен и малышом?

— Я думаю, Салис понял, что ему подписан смертный приговор, когда писал ей письмо. Хотел сделать больнее тогда, чтобы потом было легче. Мы выяснили, что она в его делах не замешана.

Я закрыла глаза.

— Теперь у них отнимут дом и деньги, хотя она и не виновата.

— Да, теперь отнимут. У них заберут все, что успел нажать Салис, — покачала головой Алари. — Ребенка жалко, он-то уж точно не виновен в грехах отца.

Я сжала кулаки и зажмурилась, стараясь сдержать слезы, взгляд упал на принесенную слугой еще вчера дарственную на столе на дом в Альтере. Я теперь знала, что с ним делать. Я тоже была ответственна, ведь я не усмотрела в Салисе преступника. Он водил меня за нос, как и жену. Бумаги перекочевали в руки леди Салито.

— Ты либо сумасшедшая, либо святая, Яна. Этот дом стоит целое состояние, — Алари, округлив глаза, смотрела на дарственную с подписями дарителя, данные одаряемого надо было только вписать.

— Передайте, прошу, пусть это будет на ребенке.

— А когда своей семьей обзаведешься, жалеть будешь!

Я отвернулась к окну. Вдали, на самом горизонте, где встречались небо и море, темнела полоса надвигающего дождя. И прохладный ветер, влетающий в распахнутые настежь окна, кажется, нес его непередаваемый запах.

— У меня никогда семьи не будет! Я не могу иметь детей, — сорвалось с губ помимо воли, принося вместе с ветром отчаянную тоску и жжение в глазах, которое опять пришлось смаргивать.

Алари больше не сказала ни слова. Зашелестели бумаги, тихо щелкнула дверь, следовательно ушла.

А я в который раз в своей жизни взглянула на небо с мольбой, веря сердцем, что выдержала бы все муки своего дара за наивные глаза, маленькие пальчики и слово «мама».

В ту ночь ко мне опять пришел сон, но в этот раз дар дал мне передышку.

... Мир колыбался в пламени свечи, дышал прохладой каменных стен, поскрипывал деревянными глухими ставнями на окнах, шелестел ворохом соломы в углу огромного зала.

Мир... мир разделенный на две неравные части.

Есть те, в чьих руках сосредоточены богатство и власть, судьбы сотен и тысяч, право решать быть миру или войне, право определять все, от строя до семейного уклада и размера подати. Те, кому противостоят практически невозможно. Маги.

И есть те, кто живет под гнетом или, если повезет, ласковой дланью правителей. Кто платит оброк, отдает сыновей и дочерей по требованию магов в услужение, те, кто пашет землю, сажая семена и лелея их, те, кто строит, те, кто торгует и ловит рыбу с радужной чешуей. Не маги.

Жизнь не наделенной магическим даром огромной части населения любого государства зависит от того каков маг — правитель, может ли он защитить границы, умело распорядившись данной ему властью, приструнить носителей дара, что считают себя богами, или будет их послушной марионеткой, чтит ли он традиции и законы пращуров.

Если бы я была магом — этой битвы не было бы. Мой выбор являлся бы окончательным и не подлежал пересмотру. Вне зависимости от уровня моей силы. Но я- не маг, и глупый, злой обычай глумился надо мной, давая претендующим на меня мужчинам определять судьбу шестой дочери воина Правой руки.

Наш род должен был замыкать процессию, и хотя отец являлся телохранителем герцога, ныне же Каралас должен был выйти последним, и только с его появлением начнется бой.

Аракиан стояла рядом со мной, напряженная, как струна, и пристально смотрела на супруга, поджавшего губы, рука его покоилась на поясе на том самом месте, где обычно крепятся ножны. По лицу отца было понятно, что я поступила неправильно, нарушила договоренности. Каралас не мог отказать воину Правой руки, а вот я могла.

Когда последние гости исчезли в коридоре, отец выдохнул и сгорбился.

— Зачем ты согласилась, дитя?! — он закрыл глаза и покачал головой.

Я заледенела. С рождения меня воспитывали в любви. Отец всегда говорил, что шестая дочь его мудра и спокойна не по годам. Но сейчас моя «молодость» победила разум, который так упорно пытались взрастить мой отец и мачеха. И видеть его разочарование было выше моих сил.

Аракиан положила руку на запястье мужа и чуть сжала.

— Мы не могли этого предвидеть, Кар, — в ее голосе сквозили нотки неуверенности. Это напугало меня еще больше. Аракиан был силой рода, от ее решений во многом зависела наша жизнь. Точнее теперь уже не моя. Потому сейчас мужчины во дворе крепости определяют, за кем я пойду.

— Все же было условлено, Ария! Сальтирин — чужак! Как бы не принимал его герцог, он — чужак, — отец сжал кулаки, и на тыльной стороне ладоней проступили синие нити вен.

— Зачем Локарт согласился кинуть вызов? — задумчиво произнесла старшая жена.

— Ему нечего терять, — бросил отец. — Кто еще из Правых предложит ему дочь в жены?

Отец глубоко вздохнул, пытаясь справиться с гневом, и подал руку жене. Вместе они медленно направились к выходу. А я следовала за ними и понимала, что натворила. И не исправить мне теперь ничего. Я была околдована синими глазами огневолосого. Юной девушке было сложно справиться с таким взглядом. Раньше мужчины никогда не видели моего лица, нас разделяла плотная ткань. Со мной говорили, мне улыбались, но для них я была лишь ворохом обрядовых одежд. А тут... В глазах Сальтирина было... Это было странное и страшное слово. И я боялась произнести его даже самой себе. Как и поверить в то, что я не ошиблась... Вождеделение. Локарт не смотрел на меня так. Его взгляд был спокойным, уверенным, довольным, сытым.

— Прошу, отец, простить меня. Я виновата, — упав на колени, я смиренно склонила голову.

Через несколько мгновений сильные отцовские ладони легли мне на плечи и подняли с пола.

— Ты не подвела меня, дитя. Но теперь я не знаю, как защитить тебя, если Сальтирин окажется... недостойным мужем. Я не знаю, каков он, как глава рода. Ты хрупка и беззащитна, тебе нечем ответить, кроме твоего языка. И сердце мое сжимается при мысли о том, что моего маленького ландыша будут обижать, а я даже не смогу вмешаться.

— Кар, — позвала Аракиан. — Все не так плохо.

— Плохо, Ара. Мы можем потерять нашу девочку.

Отец мотнул головой и, взяв меня за руку, быстрым шагом направился к выходу. Залитая солнцем площадь, окруженная высокой крепостной стеной, была запружена народом. Маги и не маги, все в ожидании смотрели на нас. Отец чуть задержался на крыльце. Я знаю, эту заминку кивком одобрил герцог. Обычай ему тоже не нравился, но поделаться он ничего не мог.

Толпа окружившая арену, на которой обычно тренировались воины, расступилась, давая дорогу «виновникам» торжества. Я проследовала за отцом и мачехой, решив не поднимать глаз от вымощенной камнем площади.

Голос Бортала отразился от стен: обычай решил окончательно унизить женщину без дара.

— Сальтирин, не откажешься ли ты от притязаний на обещанную Локарту деву, дочь Караласа, Арию?

Я заскрежетала зубами.

Откажись!

— Не откажусь, — его голос взволновал мое сердце, и я поняла, что не ошиблась, когда подумала о том самом слове, которое так боялась произнести.

— Локарт, будешь ли ты оспаривать предложение Сальтирина и выбор Арии?

— Буду, — голос Локарта звучал глухо. Он старался говорить спокойно, но различить обиду и злость было не сложно.

— Да решит все битва!

Я так и стояла на краю арены, вперив взор в крохотный росточек, пробившийся между камнями, если бы пристойно было, я бы и уши заткнула. Вокруг нас сгрудились зеваки и гости, прислуга и дворовые.

Битва началась, но я слышала лишь легкую поступь на арене, перешептывание притихшей толпы, потом волной прокатился по воздуху холод. Несколько женщин не сдержали эмоций и громко вскрикнули.

Не удержавшись, я подняла глаза. Огненные волосы Сальтирина мелькнули рядом с Локартом, под ногами которого сиял лед, ледяной же бисер сыпался с руки мага в разные стороны, не давая противнику возможность приблизиться. Локарт попытался призвать мороз, но открытое пространство и горячее летнее солнце, и злость сводили на нет его усилия.

Длинные витые сосульки летели в сторону Сальтирина, но тот без труда уворачивался от «стрел», и они градом осколков осыпались на пол, разбиваясь о невидимую преграду, созданную защитниками, стоявшими у самого края площадки. Вообще-то на поле битвы основной смысл магии холода был в том самом льду, что покрыл ныне пол арены. Он ломал ноги лошадям и ездовым козлам. Он не давал врагу отражать удары, творить сложные заклинания, требующие выверенных движений. Лед был гладким, как зеркало эльфов, и скользким. Таких магов как Локарт, как правило, всегда первыми пытались уничтожить.

Помимо этого, Локарт был хорошим мечником. А вот как на поле брани выглядит Сальтирин-чужак, я видела впервые.

Лед отвоевывал все большую площадь, и вскоре Сальтирин будет вытеснен, а это тоже считается поражением. Против магов огня или воды Локарт был бы бессилён. Но он знал, что Сальтирин не умеет кидать

огненные шары и создавать водяные плети, единственным его оружием является меч. И все уже были готовы к тому, как удивительно быстро «продует» легенда не самому сильному магу. И когда Локарт вскинул руки, дабы увеличить скорость, с которой покрывалась льдом земля, огневолосяй рванулся к нему, он сделал это даже раньше на мгновение, прокатившись по льду и всей силой ударил в ноги Локарту, над головой которого начал закручиваться снежный вихрь.

Все оказалось так просто и быстро, что казалось невозможным, но острие короткого меча чужака застыло у шеи, прижатого к земле, мага холода, уставившегося на противника, внезапно ставшего так близко, полным изумления взглядом. И в этом взгляде определенно был страх.

— Мате! — возвестил голос герцога, на старом общем это означало «смерть». Нет, не требование добить Локарта, это значило лишь, что он побежден. И теперь моя судьба решена. Лед заискрился и стал исчезать, без подпитки мага, он быстро испарился, оставив огромное мокрое пятно размером с арену.

Все были поражены. Сальтирин сделал Локарта, как ребенка.

— Судьба Арии решена. Каралас передай руку дочери победителю, — призвал моего отца Боргал.

Ладонь отца опять сжала мои пальцы. И мы двинулись к центру арены, где стоял Сальтирин и все еще лежал ошарашенный Локарт. Сейчас нас не слышал никто, кроме этих двоих, и отец вместо церемониальной фразы, посмотрел в синие глаза чужестранца.

— Я прошу быть добрым к моей дочери. Я не хочу становиться твоим врагом, — а ведь мог бы назвать чужаком, и навсегда разверзлась бы между ними пропасть. Но Каралас любил дочь и хотел лишь защитить свое дитя, лишенное силы.

Моя рука оказалась в руке Сальтирина. Я видела, что на его мизинце блеснуло необычной работы кольцо, а когда его пальцы сжали мои, ощутила легкий укол и тепло ободка, в тот же миг мир изменился. Он поплыл, начал переливаться всеми красками. Я пошатнулась и ухватилась второй рукой за его запястье, одетое в кожаные наручи.

— Твоя дочь, воин, устала и испугана, я отнесу ее в свои покои, — меня, точно куклу, легко подхватили на руки.

— Но... — хотела возразить, следовавшая везде за супругом, Аракиан. Но тот, кто получил на меня право, уже развернулся и плавным шагом пошел куда-то.

Мне стало все равно, лишь бы с ним.

Мир кружился так, что я не могла открыть глаз. В нос ударил запах

горячего тела, кожи и моря. Под ухом размеренно билось сердце. Он не прилагал усилий. Не прижимал сильно, и в тоже время руки его были надежны. Мне так хотелось еще раз увидеть его глаза. Нянька моя — уроженка далекого северного селения лесников называла Сальтирина странным словом «колдун». «И глаза у него колдовские!», — приговаривала она. Таких глаз не было ни у кого. Слишком яркой была синева, заполнявшая их.

— Ты не будешь бояться меня, — в его голосе сквозили чужие языки и наречия. Далекие края возле океана, откуда был родом. Больше он ничего не сказал.

Нас накрыла тень, мы оказались в одном из коридоров крепости. А я все никак не могла сосредоточиться. Кровь бурлила, будто я выпила вина и не разрешенную кружку, а полбочонка опустошила. И мне хотелось, чтобы он говорил еще. Чтобы его теплое дыхание оевало мое лицо.

Хлопнула дверь, и меня мягко опустили на кровать. Я вцепилась в его руку, на свой страх и риск распахнув глаза, и тут же зажмурилась, потому как круговерть, кажется, только усилилась.

— Не уходи! — мой полный мольбы шепот поразил мои собственные уши.

Его рука замерла, голос был полон удивления.

— Что ты чувствуешь?

— Я чувствую, что если ты уйдешь, я сгорю.

Тюфяк рядом скрипнул под его тяжестью.

— Посмотри на меня, Ария.

— Не могу, голова кружится.

— Открой и смотри мне прямо в глаза.

Я послушно встретилась взглядом с умопомрачительной синевою.

— Что ты видишь, Ария? — его голос мягко окутал меня, заставляя подрагивать.

— Океан, огромный синий океан, он полон странных существ и магии и силы. Он зовет. У него твой голос.

Его глаза стали невыносимо близко. А лицо мое его руки заключили в горячий капкан.

— Твое кольцо, — прошептала я. — Ты подаришь мне его в знак твоей любви? — голос звучал удивительно спокойно. Я была готова упокоиться в этом океане.

— Кольцо? — его губы удивленно приоткрылись.

А потом он застонал, прижав мою голову к своей груди.

— Вода, неужели ты говорил правду?! Что же я наделал?...

Глава 10

Янина

Как мне был ненавистен этот бал!

Голова болела, глаза закрывались, вымотанное бессонницей тело требовало отдыха, просило сна без сновидений. Так тяжело мне еще никогда не было.

Ари, не раз порывавшаяся при виде меня, вызвать лекаря, в конце концов, перестала донимать своей опекой. Я старалась сдерживаться, ведь девушка проявляла искреннюю заботу, но это было безумно сложно, если практически не спишь. Посему просьбы оставить меня в покое звучали все чаще и все более грубо. Пора было начинать молить небеса, чтобы целью покушения была именно моя персона, и чтобы в следующий раз руке мастера ничего не помешало.

Три дня я была предоставлена сама себе. Никто кроме горничной не посещал моих покоев. Все это время я проводила за чтением и попытками не заснуть. И еще за дневником. Сон об Арии не давал мне покоя. Я бы подумала, что это происки дара, но девушка жила в другом времени и Сальтирин, это имя...

Однако же душевных сил не хватало, сны, дар, реальность, все угнетало. И мыслить нормально я уже не могла.

Не сомневаюсь, Алари выполнила мою просьбу, но не тешила себя надеждой, что благородство не позволит Высшим отобрать и этот дом у Вивиен и малыша, если лорды придут к выводу, что я замешана в деле Дайвокари.

Хотя... Поначалу мне это было важно, но теперь... я пребывала в таком состоянии, что даже упади на город огненный град, мне было бы все равно.

Три дня я перечитывала письмо Джута чуть ли не каждый час, когда не клевала носом на кушетке, подальше от огромной кровати.

«Дорогая Яна.

Теряюсь в догадках, чем навлек на себя немилость — ваше молчание. К моему стыду я даже его начинаю воспринимать, как добрый знак, в надежде не получить холодного послания с просьбой перестать вам докучать. Прошу лишь сообщить о том,

как ваше здоровье? И молю не отказать мне в удовольствии принять подарок. Он сможет защитить вас.

Всегда ваш, Джут»

Из конверта, точно капля крови, выпал крохотный кулончик, женщины такими украшают браслеты. Рубин. Красный, насыщенный цвет, что снился мне по ночам, принося боль и ярость от невозможности ничего изменить.

Мне казалось, ничто уже меня не защитит...

Сил сжечь и это письмо мага я в себе уже не нашла, и когда помощницы госпожи Клопин внесли мой новый изысканный гардероб, маленькое послание нашло свое место среди страниц дневника. Туда же, на тонкой нитке, обвившей переплет, переключал кулончик, застыв сгустком нереального рая.

Готовые платья принесли за пять часов до бала. Даже сквозь пелену, в которую стал погружаться мой мир от недостатка сна, я была поражена искусности работы мастериц. Эти наряды были достойны императрицы в своем праве, а уж никак не простого делопроизводителя, которому кто-то по какой-то причине решил сократить срок жизни. Восторги Ари при виде такой красоты затмили даже радость народа от победы над ристархами пятьдесят лет назад. Я же, три дня существовавшая на воде, теперь выслушивала возмущенное прицокивание языка самой госпожи Клопин, ушивавшей тонкий переливчатый атлас цвета темной бирюзы в талии.

— Ну, надо же! Даже меня на восторги пробивает! — услышался голос Алари из-за спины модистки. — Госпожа Клопин, вы арестованы за совершенство!

Модистка растаяла и защебетала, что леди Салито ей льстит и тоже весьма и весьма «прилично» выглядит. Аристократка действительно была хороша в черном с золотой отделкой платье, шла ей и высокая прическа.

— Яна, ты здорова? Видок у тебя, краше на погребальный костер кладут! — Алари, подозрительно сощурившись, изучала мое лицо.

— Так ли необходимо мое присутствие на балу, ведь если все заняты, здесь я в большей опасности, по логике, а значит, преступнику легче добраться до меня? — я устало опустила в кресло, давая Ари возможность заняться моей головой.

Алари прищурилась. Не стоило считать меня настолько глупой, чтобы не понимать, зачем им нужно мое присутствие на балу.

— Это распоряжение наследника, — Алари уселась на соседнюю кушетку. Она все-таки отличалась проницательностью. — И твоя просьба

выполнена, — она посмотрела на город, раскинувшийся у подножия горы. — Такого потока слез и благодарностей мне выдерживать еще не приходилось.

— А если... меня сочтут причастной ко всему этому... у них и этот дом отберут? — я до боли сжала пальцы, стараясь не зарыдать.

— Ты об этом не думай даже! — резко одернула меня леди Салито. — Да, и... не пиши ничего Джуту. Я сама ему напишу. Я понимаю, тебе тяжело.

— Спасибо...

Алари

— Леди Салито! — лорд Райдэл чуть поклонился.

Он ожидал нас с Яной возле входа в бальный зал. Там же маялся лорд Армил, галантно подавший руку бледной госпоже Стиантон, которую та с благодарностью приняла.

А вот я была занята изучением пятой персоны нашего скромного кружка — рядом с лордом, неспособным должным образом оценивать ситуацию, стояла линорм. По моему разумению, она была очень молода, кажется, ей было лет семнадцать. Тоненькая, хрупкая рядом с громадиной Райдэлом, она смотрелась, как цветок, проросший между корней сильного дуба. В ней еще бурлили эмоции, которые она и не пыталась скрыть, и это обаяние молодости делало ее человечней и красивее. Но поразило то, с какой мягкостью ее руку держал Высший, аж на умиление прошибло.

— Моя невеста, леди Антрацит, — чуть склонил голову Райдэл.

А это он зря сказал!

Невеста? Невеста?! Невеста! Извращенец!

Растлитель малолетних линормих!

Только-только начавший выбираться из ямы своего «непрофессионализма» ящерица грохнулся обратно с шумом и треском. Я-то думала, они такие все из себя правильные, мудрые! У людей, разумеется, неравные по возрасту браки были обычным делом! Но тут! У Императора жена почти одногодка по их меркам, у Элькараса тоже. А это что?! Глубоко столетняя ящерица и яйцо! Интересно, о чем они разговаривают? Или может они, молча, все делают? Фу, я и правда стала пошлой, Джет прав! Фу-фу-фу!

— Очень приятно! — кланялась я с великим достоинством, дабы скрыть скабрезную улыбочку.

— Пойдемте, представление посланника сейчас начнется! — лорд — извращенец с яй... невестой первыми проследовали к дверям, за ними последовали Армил и Яна, походившая на привидение, за которую я начинала переживать.

Мне пришлось следовать за парами одной, благо кольцо на пальце с фамильным гербом Салтелитов давало мне право обходиться без сопровождающего, да и ныне я была при исполнении. Правда, об этом никто не знал.

Огромный бальный зал был запружен разряженным народом. На невысоком пьедестале у дальней стены стояли смуглый мужчина в темном камзоле с красной лентой — посланник Королевства Лаори, сам Император, лорд Элькарас, лорд Валкон младший, и Арт-Империт: лорд Витон, приятный мужчина средних лет.

Лаори было нашим соседом по Лунному морю и стояло на пути к океану. Все обитатели и посетители нашего «прудика» за проход судов платили королевству дань товарами, деньгами, а некоторые и рабами. Но теперь королевство задумалось о собственной безопасности — на него начали облизываться многие государства, имеющие выход к Лунному. И вот теперь крохотное Лаори обзавелось мощным союзником с Севера и шестью крепостями вдоль пролива с линормами, а нешуточные сборы наш флот больше не платил.

Какой начнется теперь ураган у соседей! Ох-хо-хо! Ристархи такого не переживут. Чую, папахивает новой войнушкой.

Я, Армил и Яна томились в конце зала, Райдэл уполз ближе к Императору, прихватив Антрацит. Знакомые лица кланялись, даже мелькнула улыбочка Рапара где-то далеко впереди. Министр пришел на праздник со своей матроной. Жена у него была выдающаяся, под стать ему: худая, высокая, она строила «вотчину» мужа, гораздо лучше носящего звание министра супруга, словесно «направляя» работников на подвиги.

Армил не отходил от своей подзащитной, заботливо перехватывая для нее бокалы с напитками и поддерживая. Грето я знала давно, мы вместе учились в Ластолосе. Отец двух малышей, преданный муж, отличный маг, он заслужил место при дворе своим умением, твердым характером, ответственным отношением к своей работе. И я была уверена, если бы его с самого начала приставили к Яне, как постоянного сопровождающего, а не как охрану вне стен дворца, ничего бы с ней не случилось.

Теперь же линормы страдали ерундой. Я не понимала, к чему вся эта канитель. В конце концов, надо быть самоубийцей, чтобы при таком скоплении Высших и магов попытаться убить женщину или пытаться

связаться ней.

Яна, к тому же, выглядела больной и уставшей. И, кажется, едва стояла на ногах. Слишком много на нее свалилось за последнее время. Да, надо будет как-то пояснить Джуту, что он тут не при дворе. Эхе-хе! Обидно было за друга, я первый раз видела, чтобы его глаза так светились. А может, просто ему рассказать о хм... проблеме Яны? Пусть сам решает. Не все мужчины хотят детей... Если только в этом и проблема!

Вдоль стен тянулись накрытые для фуршета столы. И мне вдруг пришла в голову мысль. Через минуту распахивания локтями публики, которая с открытыми ртами слушала речи Императора, я вернулась к женщине с конфетой на блюде.

— Съешь! — тихо прошептала я женщине, протягивая тарелочку.

Яну точно выдернули из бессознательного состояния.

— Вы же сказали... — она говорила с трудом, выдавливая из себя слова. Армил, увидев то, что я предложила его подзащитной, попытался возмутиться, но я жестом остановила заготовленную тираду.

— Одна не повредит.

Яна дрожащими пальцами приняла тарелочку и, откусив кусочек магического лакомства, зажмурилась.

Через минуту лицо ее обзавелось румянцем, едва различимым. Эх, жалко на меня не действуют эти конфеты, только чистый алкоголь и в большом количестве.

И тут слово взял лорд Витон. Отличный оратор! Даже я заслушалась сказанию о двух влюбленных, тянущих друг другу руки с разных берегов. Я бы и еще наслаждалась, но меня отвлекла возня в углу зала недалеко от нас, куда и пришлось пробраться вместе с тремя поисковиками в гражданском и одним линормом, который, правда, так и не дошел, увидев, что его помощь не требуется. Когда пару сцепившихся гостей разняли, и когда рукоплескания речи Витона затопили зал, я вернулась к Яне, а та... под озабоченным взглядом мага-защитника уплетала конфеты, горкой возвышающиеся на тарелочке.

— Ты после такого количества будешь на столах отплясывать не хуже портовой шлюхи, — прошипела я.

Блестящие глаза женщины посмотрели на меня с каким-то безумным весельем и облегчением.

— Вы же меня спасете, леди Салито, — убежденно выдала Яна, ее рука вновь закинула конфету в рот.

— Армил, присмотри-ка за милой госпожой Стиантон, — я метнулась к столу и налила фруктового напитка в высокий бокал, который и всучила

Яне. Женщина стакан осушила, но с остервенением продолжила есть конфеты. Попытка отобрать тарелочку привела к тому, что она хмыкнула и ко мне спиной повернулась. Захотелось треснуть себя по голове и Армила за компанию.

— Пошли-ка на воздух, милочка! — я, наконец, выхватила тарелочку, передала ее Армилу, а сама, опять же расталкивая гостей, силком потащила за собой Яну к выходу на балкон.

— Да что с тобой такое?

— Все отлично, — икнула женщина. — Вы даже не представляете себе, Алари, на сколько в данный конкретный момент все отлично. Я совсем-совсем не хочу спать.

— Э? — я удивленно приподняла бровь.

— Да-да, совсем-совсем. А можно мне обратно? Такая музыка красивая.

— Нет, нельзя! Ты на ногах еле стоишь, — рывкнула я, в то время как Армил осматривал балкон на предмет возможной опасности.

— Ничего подобного, — женщина вскочила и, подпевая мелодии, закружилась по балкону. Выглядела она обворожительно в потрясающем платье с каскадом волос до талии, волной выпущенных из прически, и почти до идиотизма восторженным лицом.

А мы с Армилом напоминали две скульптуры, объединенные с общей идеей «страдание».

— Госпожа Стиантон, — голос первого наследника прервал танец Яны.

Она остановилась, и юбка обвила ноги, отчего мелькнуло сходство с русалкой, женщина изящно опустилась в реверансе, в то время как мы с магом — защитником продумывали пути отхода и места, куда бы спрятаться от гнева линорма за недосмотр (как вариант, можно было прыгнуть с балкона).

— Лорд Валкон. Благодарю вас за приглашение, — Яна нежно улыбнулась.

— Рад, что вам понравилось. Но зачем танцевать здесь в одиночестве? Вас ждет целый зал и я, — ее ладонь утонула в протянутой руке наследника. На нас он обратил столько же внимания сколько на мух.

Пара, где величественно плыл линорм и плавно ступала «счастливая» партнерша, исчезла за легким тюлем. Мы с магом, даже «не удостоившиеся» взглядом Эллинара, тупо таращились на пустое место, где минутой назад кружилась Яна.

— Ты что не мог у нее конфеты отобрать?

— Не драться же мне с ней?! — возмутился мужчина.

— Как ты думаешь, дорогой, нам сразу писать заявление об уходе? Или все же подождать приказа «о вышвыривании»?

Такого облома мне жизнь еще не преподносила. Не усмотреть за женщиной! Пожалуй, все придуманные Райдэлу эпитеты придется переадресовать самой себе. Идти в зал и смотреть на то, как Яна опозорится, совсем не хотелось. Но пришлось...

Яна

Мир был необыкновенно ярким и четким: белый сияющий мрамор, золото, зеркала, красота, кружащихся в танце пар, плавность движений Высших, горячая рука Эллинара на талии.

Конфеты сделали свое дело: ужас последних дней спрятался за магическим эффектом, имя которому — опьянение. Думать не хотелось, хотелось кружиться, смеяться и потом упасть и умереть.

— Вы прекрасно танцуете, — голос у моего уха, от легкого дыхания по коже бегут мурашки, и тонкие волоски на шее будто пружинят.

— Это вы прекрасно ведете, я почти не знаю этого танца, — я откинула голову чуть назад и заглянула в две черные бездны. Сейчас меня ничуть не напрягало то, что я не вижу его эмоций.

— Вам понравились наряды? — губы наследника почти коснулись моей щеки.

— Они восхитительны. Я, правда, даже не представляю, когда мне их носить, настолько они изысканы, — улыбнулась я.

— Я уверен, судьба предоставит вам шанс не только показать эти платья, но и расширить вас гардероб, — руки мужчины скользнули по талии и позволили сделать оборот вокруг своей оси в такт музыке.

— Что вы, лорд Валкон! Вряд ли в тюрьме мне позволят радовать душу обновками, — я улыбнулась.

— Тюрьме? — пожалуй, можно было предположить, что он удивился.

— Вы же подозреваете меня в связи с Дайвокари! — это было сказано легко и непринужденно.

Ритм наследника не сбился. И я все еще летела по залу, повинуюсь движению его рук.

— Можно попросить вас об одной вещи, лорд Валкон? Я знаю, что не могу рассчитывать на подобное, но сегодня я верю в сказку, — я бесстрашно посмотрела в глаза первому наследнику.

Тот же ошарашил меня своим ответом.

— Вы хотите, чтобы я не отнял ваш дар у бывшей жены Дайвокари и ее ребенка?

— А... а как вы догадались? — я была так изумлена, что оступилась, но сильные руки опять не дали пойти против музыки.

— Легко, — его губы растянулись в улыбке. — Так же, как и в отношении того, что в деле Дайвокари вы не замешаны. Это ваше право и ваше имущество, вы распорядились им. Семью никто не тронет.

Я крепко сжала его пальцы и засмеялась, так счастливо, как не смеялась уже очень давно.

Айдэл Валкон

Когда сын сжал руку женщины, скользя второй рукой по ее талии, кружа ее в танце, боль от прикосновений другого к тому, что по праву должно было принадлежать ему, накрыла Айдэла. Стиснув зубы, император с удивительной ясностью осознал, что не может принять этого при всей своей силе и мудрости, что проигрывает битву с собственным телом.

Линорму не дали права выбирать: отвечать или нет на эту отвратительную и одновременно прекрасную тягу. Таям существует независимо от того, принял ли ящер это или нет. Видимо, поэтому линормы, имевшие таям с людьми, чувствовали себя мучениками и предпочитали жить в горах безвылазно.

Кивнув музыкантам, чтобы продолжали, Император вышел из зала, и, пройдя по коридору, ступил на балкон, глотнув полной грудью свежий воздух, но даже тут его преследовал ее запах. За его спиной пары кружились в лагреа — самом интимном танце из всех доступных двору. Когда руки мужчины скользят вниз по плечам партнерши, резко перехватывают за талию. Разворот, и на долю секунды соприкосновение ее спины и его груди. Женщина замирает в кольце мужских рук. Новый толчок, и уже ее грудь касается груди партнера.

А она манящая с водопадом каштановых волос, источающая аромат, готовый свести его с ума. Обращение было мгновенным: с места в небо рванул серый линорм, и хоть полет его был молчалив, внутри Императора клокотала ярость и магия.

Янина

Умывшись, надев ночнушку, я подошла к раскрытому настежь окну.

Над городом властвовала летняя звездная ночь. На морем горделиво плыла полная луна, изливая мягкое сияние на спящий город. Из глубины дворцового сада доносилась музыка, она мягко точно бабочка порхала по комнате, щекоча чувства нежными переливами. Безумно пахло спелыми яблоками, хотя был не сезон.

Я села на кушетку, обняла колени и залюбовалась, с наслаждением вдыхая этот аромат и думая, как все-таки удивительно складывается иногда жизнь. Магические конфеты, которыми я насытилась сегодня, кружили голову, делая мой кровавый дар призрачным нечто из страшных сказок.

Вдруг захотелось, как девчонке, раскинуть руки и кружиться. Я поддалась порыву, вскочив на ноги.

Боги! Сколько тебе лет, Янка? Сколько же ты съела магического алкоголя?

Даже смешно стало, но с легким привкусом тоски.

Вспомнилась детская сказка, где добрый линорм несет красавицу — принцессу к ее жениху, и она поет про то, что луна и звезды повенчаны, это прекрасный король и тысячи его жен. Милая история из далеких восточных стран, в которых линормы не живут, да и заставить кого-то из них покатать человека, я думаю, не реально даже в сказках.

А музыка за окном стала будто ближе. Как жаль, что бал закончен. Как жаль, что я усну!

Как жаль, что я не узнаю, чем так опечален был Сальтирин из того сна, что так манил.

Чьи-то руки остановили мой сумбурный танец.

Испугано запрокинув голову, я увидела в свете луны, лившемся из окна, глаза — бездны.

Элинар?!

Выдохнув от неожиданности, я попыталась чуть отстраниться. Но руки наследника сжали сильнее, и он начал двигаться медленнее, подстраиваясь под ритм заполнившей комнату музыки. Но это не нарушало общей гармонии. Мое тело ответило, и я оказалась в изощренном безумно-интимном вихре его рук, где партнерша лишь подчиняюсь, а он становился все сильнее, напористее.

Я уже ощущала его дыхание на своей шее, и через секунду он уже целовал, а я к своему удивлению и не думала тому воспротивиться, сама обняла его, притянув голову к себе, зарываясь пальцами в волосы.

Он не был удивлен моим ответом на его ласки, тем что, как благовоспитанная девушка, я не прогоняю, не отталкиваю.

Когда отпустит эйфория волшебства, заключенная в маленьких кусочках шоколада, мне опять придется стискивать кулаки, погружаясь в мир кошмара. И снова быть одной. И не с кем разделить эту ношу, даже не рассказать о ней.

В моей жизни не было мужчин. То, что случилось тогда, стерло все воспоминания об Аликсисе. И мне вдруг до крика захотелось узнать, как это, когда рядом тот, кто согреет и защитит.

Может быть даже любить, но не как Ария, подчиняясь неведомому зову.

Наше дыхание сплеталось...

Хорошо, что линормы умеют хранить тайны.

Я стала отступать, не отпуская его руку, и он послушно следовал за мной. Когда кровать приняла нас в свои объятия, все забылось, кроме того, что есть я и есть он. Теперь понимаю, почему столько любовных романов пишут о Высших, хотя никто из авторов линормов не видел даже вживую Наверняка.

Он заснул, крепко прижав меня к себе, а я лежала, обняв и положив голову ему на плечо, и смотрела на звезды за окном.

А потом... мне приснился линорм, он летел вдаль, стремясь догнать огромную желтую луну. И ни один кошмар не посмел пробиться, ни одно видение не постучалось, будто испугавшись его присутствия.

Я проснулась глубоко за полдень, а просыпаться совсем не хотелось, я глотала сон, как странник в пустыне жадно пьет воду, наслаждаясь непередаваемым, несравнимым ни с чем, вкусом. Тело чувствовало тонкое плетение простыней, прохладу легкого ветерка, движение волос на плече. Не знаю, когда он ушел, я спала, блаженствуя. И не только от наслаждения, которое он доставил моему телу, но и потому что он прогнал кошмары, хотя бы на одну ночь. И показал мне пусть игристое, но продолжение того удивительного сна...

... Он больше не приходил, и я начала бояться, что его никогда и не существовало, что образ его — страшная болезнь — сумасшествие, которое не щадит ни людей, ни магов. В моих снах царили и правили лишь синие глаза, огненные волосы и сильные руки, я засыпала с мыслью о нем и просыпалась в мечтах, в испарине от желания, расчесывая в кровь костяшки пальцев. Я была один на один со своими видениями, и хотя дверь не была заперта, и окна не были наглухо забиты, ощущение того, что я в клетке, не отпускало.

Третья жена Сальтирина передвигалась там, где хотела, встречалась с тем, с кем хотела, но люди были для меня словно из другой жизни, из

другого мира, о котором старая нянька рассказывала шепотом сказки — мира духов, а реальным был тот, кого рядом не было. Я всюду искала его и не находила. Слова прислуги и родных о том, что Сальтирин отбыл, оставив на попечение правителя своих жен, я слышала десятки раз от десятков людей, но не понимала, не принимала, не могла поверить, что его нет, и никто не мог мне сказать, когда же он вернется.

Меня даже почтили визитом две жены Сальтирина, которых я воспринимала скорее, как говорящих кукол, тех, что набивают соломой, сшитых из старых застиранных платьев, пахнувших сундуками, пыльным и страшным подвалом крепости. Я же себе казалось безумно свежей, я была рекой, травой, ветром. Я должна была нравиться ему. Я должна была быть первой. Это мысль мучила и снедала. А две такие разные жены, Орита и Дольна, смотрели на меня с недоумением, и, как ни странно, с состраданием.

Отец, увидев меня первый раз после схватки на арене, поменялся в лице, его глаза потухли. Он, наверняка, подумал, что Сальтирин причинил мне вред, и дочь его тронулась рассудком. И я действительно тронулась. Я не могла жить без огневолосого. А его все не было.

Глиняные таблички были исписаны его именем, оно выводилось тщательно, так чтобы края получались в меру острыми и в меру плавными, буквами его имени я рисовала его образ.

Лето сменилось осенью, но мне становилось только хуже. Глиняные таблички уже не давали прошлой радости, и я с остервенением прокалывала пальцы и рисовала кровью по содранным с тьюфяка простыням. Руки стали худыми и бледными, как и ноги, тело истаивало на глазах. Только я единственная, кто этого не замечал.

Каралас приходил почти каждый день. Я слышала, как тяжелеет с каждым днем поступь отца, понимала, что он мучается, но не могла его утешать.

Именно тогда я и потеряла первого дорогого человека, и не только для себя, но и для рода, для государства.

Меня спасла Аракиан.

Однажды, ко мне пришел не отец, а она, моя мачеха, моя названная мама, показанная, как держать кинжал положено юной деве, катавшая меня на плечах и позволявшая срывать цветки вишни и спелые плоды яблок из сада. Она грубыми мозолистыми руками плела мне венки и косы и учила меня плавать, создавая маленькие водовороты, которые не пугали, а наоборот веселели ребенка.

Аракиан вошла и, плотно закрыв дверь, опустила засов, отрезая нас от

мира, хотя в последнее время запирали меня. Но насторожило не это, а то, что Сальтирин придет и не сможет попасть ко мне. Я даже отложила свои художества и, встав, направилась к двери, дабы не пропустить его прихода.

— Подойди ко мне, дитя! — позвала женщина.

Под ее глазами залегли синие круги, морщины, которые до последнего времени больше напоминали тонкие волоски, избородили лицо, соперничая с глубокими шрамами, светлые волосы с серебристыми прядями были стянуты в тугий хвост. На ней было простое белое платье, прямое без изысков, даже без пояса, а ведь Аракиан платья ненавидела. И это должно было насторожить, но я была уже далека от этого мира, мира, в котором белый цвет траура.

— Он придет! — я потянулась к засову.

— Он не придёт сейчас, — голос ее был полон жалости и тепла.

Я упрямо покачала головой.

— Нет, он придет! Я нужна ему!

— Милое мое дитя. Присядь рядом со мной, — Аракиан уселась на мою постель и похлопала ладонью рядом с собой. — Я хочу поговорить с тобой, а потом мы пойдем искать твоего Сальтирина. Он — мужчина, а я учила тебя, что мужчина — не бог. И ради бОльшей любви ему не мешает немного помучиться.

Я заколебалась, но подошла и села рядом. От нее пыхало жаром, и когда ее рука поймала мои холодные пальцы, и я испугалась, что обожгусь о ее кожу.

— Расскажи мне о Сальтирине. Какой он? — светлые глаза, в котором угадывалась весенняя зелень, засветились нежностью.

— Он... Он... У него синие глаза и волосы подобные раскаленной лаве. Его голос, как горный поток, спрятавшийся в глубоком ущелье. Он пахнет далеким океаном. Он сильный и красивый. Он... — я замешкалась. Больше ничего на ум не приходило. Я хотела сказать, что он чувственный и нежный, страстный... Но не могла. Его образ стоял передо мной, но соткан он был из тех нескольких минут, которое судьба выделила нам. Но это, никоим образом, не мешало мне думать, что он любит меня до безумия.

— А ты можешь показать мне, каков он? — наклонилась ко мне Аракиан. — Я так хочу восхищаться им вместе с тобой.

— Ты отберешь его? — взвилась я. Но ее рука оказалась сильнее моих слабеньких усилий.

— Ну что ты? Ты — избранная жена. Он только твой. Но я хочу разделить с тобой твою радость. Ты же мой девочка. Мое дитя. Не ты ли считала меня мамой, чем льстила моему сердцу?!

На меня волной накрыло раскаяние. Аракиан действительно была для меня мамой. А разве мамы отбирают и причиняют боль? Нет! Они холят и лелеют свое дитя, как старшая супруга отца любила меня. Пусть она узнает, как прекрасен огневолосый.

— Да, хочу!

— Тогда вытяни руку, — ее лицо приятно изменила улыбка.

И я послушалась. Порез, сделанный кинжалом, который достала из-под моей подушки мачеха, куда она сама и научила меня прятать оружие, был гораздо глубже, чем делала я, он шел почти по самому запястью, Аракиан делала тоже самое со своей рукой. Наши руки сцепились: ладони к ладони, кровь к крови, а вокруг тонкой струйкой побежала вода, окрашиваясь в темно красный цвет, подобно кокону опутав наши руки.

— Ты покажешь мне его, милая? — женщина чуть прикрыла глаза.

И точно по ее велению мои воспоминания потянулись к Аракиан, она будто впитывала их, начиная дрожать всем телом. И в какой-то момент я тоже забилась, осознав, что воспоминания не просто передаются они, стираются из моей памяти, оставляя лишь расплывчатые тусклые образы, как на глиняных табличках, у них не было красок и красоты.

Аракиан забирала не только память, но и чувства, оставляя пустоту, зверский голод, тело начало ломить. Только сейчас я осознала, что кто-то там, снаружи, пытается выбить дверь, и засов уже почти поддался. Между мной и ею текла уже не окрашенная вода, а кровь, чуть разбавленная каплей воды. Рука магини ослабела в тот момент, когда дверь была снесена с петель, и на пороге появился отец с зятьями.

Старшая супруга Караласа, оплот рода, медленно повернула голову в сторону мужа, смотревшего на нас полными боли глазами.

— Дитя свободно, — прошептали бескровные губы магини.

Рука ее разжалась, кровь ухнула вниз, обдав меня и ее, но и ей и мне уже было все равно. Мне, потому что я, как и все, с ужасом смотрела на маму, а ей, потому что Аракиан была мертва. Тело ее откинулось на кровать, и женщина, испустив последний вздох, застывшими глазами уставилась в потолок.

— Мама, — я коснулась ее руки. Глаза обожгло, и грудь сдавило от нахлынувшей боли.

Отец подошел к кровати и опустился на колено возле тела жены, его пальцы нежно коснулись ее лба и мягко скользнули по лицу, закрывая веки. Эта же рука обхватила безжизненную ладонь магини и прижала ее к тому месту, где билось сердце воина.

— Папа? — мир сузился до кольца на пальце отца с черным камнем,

ОН И ПОГЛОТИЛ МОЕ СОЗНАНИЕ, ОКУНУВ ВО ТЪМУ...

Глава 11

Алари

— Что за спешка?!

Более удивительного явления, чем взволнованный Дорик, мне еще видеть не приходилось. Какие там кристаллы, линормы, друиды, магия и комары-убийцы в желтый горошек, о которых я только что прочитала в доносе очередного психа! Обычно спокойный, полный достоинства секретарь (я потому его и взяла, ведь все особо эмоциональные посетители сливали на него свой напор и гонор и в мой кабинет заходили уже шелковыми) подпрыгивал в нетерпении, точно мальчишка.

— Министр лорд Рапар вас вызывает очень срочно! Очень! У него очень важный гость!

Как-то многовато для пары фраз слова «очень». Хм... На линормов мы вроде уже насмотрелись лет эдак на сто вперед. Кто же вызвал такой ажиотаж?

— Арт-Империт! — заявил Дорик, видимо, уразумев, что озарение начальство так и не посетило.

— О! — только этого мне не хватало.

Лорд Витон.

Я с ним лично была незнакома, но репутация бежала впереди Арт-Империт на милю.

Во-первых, несмотря на открытость и душевность в общении самого лорда Витона (это опять же с чужих слов) род его был очень замкнут, говорят, у него даже есть жена и дети, только при дворе они не появились ни разу, предпочитая сидеть в роскошном поместье недалеко от знаменитой Альтеры. Может, ящерицам он потому и приглянулся. И не надо мне сказочки рассказывать, что человеческого «соправителя» выбирает Большой совет. Ясное дело — это место не займет тот, кому не доверяет Император.

Во-вторых, судя по настроению общества, Витон всех устраивал. Он лишней раз из дворца не выходил, но уж если решался, то исключительно по особым случаям: поприсутствовать там на чьей-нибудь казни или ввести в действие университет, храм или богодельню. И хороших поводов было больше, чем он выгодно отличался от предыдущих Арт-Империт.

Но что-то я сомневалась, что нынешнее его прибытие во Дворец Чести

имеет под собой благородные основания, например, вручить мне премию. Скорее всего Император пинков надавал в связи со случившимся, вот и бегают теперь все. Эх, не стоило так уж наезжать на неудачника Райчика. Он ведь тоже птица подневольная, хотя даже летать не может... Крыльев то в боевой ипостаси у него нет.

Захлопнув папку с делом Яны, которая была не в единственном числе, разумеется, дело уже насчитывало штук сорок таких вот вязанок бумаги, и я уже боялась, что по мере продвижения оно пополнится еще парой десятков, благородная леди Салито проследовала вслед за Дориком.

Народу во Дворце Чести было столько, сколько я за все время службы тут не видела (даже и не думала, что тут столько работников числится).

У кабинета Рапара тоже оказалось неожиданно многолюдно: просители, люди в форме, маги, дворцовые гвардейцы. А ведь чтобы удостоиться аудиенции у Мальдика, надо проделать путь ли ни сложнее, чем попасть на прием к Императору.

Кое- как пробравшись сквозь людское море, я замахнулась, дабы погромче постучать из опасений, что за гомоном меня не услышат, но дверь вдруг резко отворилась.

— О, дорогая моя племянница! — Рапар весь лучился и... попахивал паленым, не зря мне думалось, что он уже и забыл, как обращаться с огнём.

Меня схватили за руку и втащили в кабинет.

— Я давно уже, мой добрый друг, хотел представить тебе мою родственницу, отличного мага, Алари Салито. Лари, прошу, Арт- Империт Аргус Витон.

Мужчина, сидевший в кресле вполоборота к двери, поднялся.

Пожалуй, так близко Арт-Империт я еще не видела. Если бы не глаза, можно было бы подумать, что он молод: кожа его отличалась белизной и на ней напрочь отсутствовали морщины, а ведь ему было уже около семидесяти. В волосах ни единого седого волоса. Тонкие губы. Нос с горбинкой. Осанка. Ни единого грамма лишнего жира. А то, что образ лорда выделялся аристократичностью, никто бы даже оспаривать не стал. И лишь глаза говорили о старости, уме и какой-то грустной тайне.

Сколько же он этих тайн хранил?!

Упаси боги, быть на его месте!

Мужчина галантно поклонился, а я вынуждена была присесть в реверансе.

Ох, моя спина! Я уж и забыла, что такое поклон по всем правилам этикета.

— Наслышан о вас, — лорд Витон окинул меня задумчивым

взглядом. — Ваш дядюшка — опора империи, леди Салито. Как и весь ваш род, многое отдавший ради процветания страны. Очень надеюсь найти в вас достойного своих предков потомка. И верю, что мы будем полезны друг другу.

Пришлось предусмотрительно прикусить язык. Лорду Витону, как и Императору, свой гонорок лучше не показывать. Забавно, но атмосфера, которую создавал любезный и милый Арт-Империт, была гораздо более тягостной, нежели та, что создавали ящеры. Да, они достойны друг друга. Хотя. линормы были просто лучиком света в этом темном царстве! Райчик просто красавчик сравнении с этим.

— Мой дорогой Аргус, на Лари можно положиться! Она способна здраво оценить ситуацию, — Рапар многозначительно кивнул другу.

Что происходит? Я думала, министр мне магическое перо не доверит, а тут такое...

Мужчины правильно оценили недоумение во взгляде леди и ее приподнятую бровь.

— Происходящее ныне, леди Салито, будет иметь гораздо большие последствия, чем кажется на первый взгляд. И не исключено, что во имя славного нашего Иртанита, нам придется пойти на многое и быть подчас жесткими в своих действиях. Потому прошу вас быть осмотрительнее в выводах по тому расследованию, в котором вы ныне участвуете. Помните, на вас лежит большая ответственность. А ваш дядюшка — прекрасный советчик, он поможет вам принять верные решения по спорным вопросам.

Бровь полезла еще выше, и, кажется, у меня начал дергаться правый глаз.

— Разумеется, лорд Витон, все во благо страны!

Фраза клятвы аристократов — магов прозвучала как-то двусмысленно. А вот Рапар был счастлив.

— Дорогая племянница, мы больше не смеем тебя задерживать! Твое расследование требует особой концентрации.

Если бы это не было бы столь неприлично, челюсть моя бы отвисла. Знакомства — вещь полезная, но это демоны знают что!

Дверь за спиной щелкнула замком, оставив мою бесподобную персону один на один с недоумением. И тревогой...

Яна

Так не бывает!

Так не должно быть!

Но я ждала его прихода до дрожи, до желания поминутно проверять ручку двери, убеждаясь, что не заперла ее случайно. Я почти молила, понимая, как это глупо, как смешно и как неправильно.

День после бала заставил меня пережить всю палитру чувств, на которые только способно человеческое сердце, от блаженства и неги, до ужаса и паники. После ночи спокойствия я до одури боялась лечь спать. Да, я могла бодрствовать, проведя за книгой пару ночей, но мою проблему это не решит, пока не произойдет того, что так настойчиво пытается донести до меня упрямый дар, не снисходящий, однако, до конкретики.

Но... Вместе с темнотой пришел Эллинар. И я обвила его руками в малодушной надежде на еще одну ночь без видений. И ночь была прекрасна, она тонула в его силе и поцелуях, в моих метаниях, в его спокойствии, размеренности движений, в нашем дыхании, в теплоте его плеча, в нежном касании его пальцев, перебиравших мои волосы за ухом. Снов не было. Только покой.

А уж после второй ночи, я ждала его, забыв обо всем и всех. Будто и не было друидов, Алари, Джута, друзей, Салиса, работы, родителей, Ари. До его прихода я была, как говорящая и двигающаяся кукла с ключиком в спине из дорогих лавочек. Такие дарят детям, но не разрешают трогать, ставя на полочку, и лишь по праздникам и под присмотром родителей она оживает. А я оживала, когда он приходил.

На четвертый день моего послеобеденного пробуждения, Ари, возблагодарившая богов, что я вернулась в нормальное состояние, радостно сообщила, что во дворце «праздник», потому что Император с наследником и еще кучей Высших отбыли в крепость Оралас с инспекцией и вернуться не раньше, чем завтра к вечеру. Отличная новость для всех, кроме меня... Мне же показалось, что я умерла.

А ведь все, возможно, уже закончилось, даже когда он будет здесь, он может уже не прийти.

Я вдруг со всей отчетливостью ощутила глубину своего падения и зависимости от Высшего, хватая ртом воздух, прижимая руку к груди, где заняло от отчаяния сердце.

Но четыре ночи здорового сна заставили мозг работать.

Справлялась раньше и сейчас справлюсь!

Я судорожно вспоминала, как выходила из этого состояния несколько лет назад. Режим, холод, книги, еда, без чувств, без волнения, даже думать нельзя! И надо заставить себя спать. Даже лучше лоскутки выпить. Это пройдет. Все пройдет!

И мне пришлось, методично кроша в песок собственные чувства, возводить вокруг себя стену.

Первое — страх. Отринув его, я пошла в дворцовый сад, прошлась по всем его извилистым дорожкам, глубоко вдыхая аромат цветов и свежий воздух, и даже постояла на том самом месте, где напал адрого, добившись, чтобы руки перестали подрагивать, когда касалась обугленных останков яблони.

Второе — привязанность. Я написала огромные письма родителям, подругам и Джуту, поблагодарив защитника за подарок, который достала и прикрепила к тонкой витой цепочке браслета, опять попросила его быть крайне осторожным, сообщила, что рада была бы встретиться с ним за чашечкой чая. Письмо было до краев наполнено дружеским настроением, но не более того. Написала я и коротенькую записку Алари с просьбой прийти.

Третье — холод. Как можно больше холода! Умывание, купание, так, чтобы от ледяной воды сводило зубы.

Сумерки застали меня в библиотеке, выбирающую литературу об эпохе Сальтирина. Имя чужака из снов не давало покоя. Хотя все это лишь бред уставшего разума. Но может книги намекнут мне, связаны ли эти новые сны с даром.

Источников с информацией о тех темных временах в Императорской библиотеке было не в пример больше того, что мне когда-либо приходилось видеть. А одно время, мне было жизненно важно узнать о Породителе Бездны как можно больше.

Кстати, литература по этой тематике заинтересовала не только меня. Фолианты и свитки читались кем-то скрупулезно, озлобленно, с отметками на полях, с вычеркиванием с сильным нажимом до дыр в тонкой бумаге целых абзацев, и даже вырванными страницами. Но вандал явно давно почил, потому как книги лежали на самых верхних полках и были хорошо присыпаны пылью, а от избытка чернил, склеенные листы рассыпались в труху, хотя и сами труды были старинными, датированными позапрошлым веком.

Я засиделась глубоко за полночь, выбирая и выписывая в дневник необычные сведения о великом правителе, удивляясь тому, как методично подчеркивались или вычеркивались предыдущим читателем отдельные фразы, словно кто-то искал нестыковки истории, оплошности автора в описании биографии Породителя Бездны.

По мнению автора, у Сальтирина было восемь жен, но известно было лишь о судьбе Юнары, самой молодой супруги. Она умерла еще при

жизни мужа, выбросившись из окна башни, ее тело было рассечено оградой сада. Автор подметил, что о ней Сальтирин горевал неистово, хотя жрецы запрещали хоронить самоубийцу на костре, требуя чтобы тело ее было предано земле. Он все же нарушил запрет представителей богов на земле. После ее гибели и началось увядание его детища — королевства. Автор предположил, что правитель предрек жене смерть ее и их детей, и женщина не справилась с обрушившимся на нее горем. После смерти самого Сальтирина дети его были казнены аристократией его же королевства, боявшейся, что они унаследуют дар отца, и хоть они его ненавидели, однако, то, что он построил, хотя бы частями смогли удержать, пока к власти не пришел Эльдор Первый, сумевший воскресить бывшее величие и без дара, однако слыл он таким кровожадным убийцей, что на мой взгляд это его смерти надо было желать.

Меня мутило при мысли, о том, что можно было так поступить с людьми, с детьми, пусть даже с предполагаемыми обладателями дара, ведь он ничего хорошего в жизни не приносит. Что получил Сальтирин? Крушение всего, что строил, смерть всего, чему дал жизнь!

Чтобы не сбиваться с режима, я еще раз прошлась по ночному саду. Комната встретила меня двумя фонариками и блюдом с фруктами, печеньем и стаканом молока. Опять ледяная ванна, точнее даже поливание головы из ковшика. Перепад температур заставил зубы застучать, но это даже бодрило. Мыло ароматом трав напомнило о доме и большом луге за городской стеной, куда мы бегали детьми. Ледяной водой промывать мои волосы то еще удовольствие, и когда я закончила, меня трясло от холода. Завернувшись в тонкую простынку, прихватив дневник, который умудрилась притащить с собой в ванную комнату, я вернулась в комнату, утопающую во мраке. Магические фонарики не горели.

— Расскажи мне о нападении в саду, — глухой мужской голос со стороны кушетки у окна, которую я облюбовала, заставил дневник выпасть из ослабевших пальцев, а меня замереть.

Эллинар. Тусклый свет луны освещал его профиль. Буря чувств от его присутствия мгновенно снесла с такой любовью возводимую стену. Но ледяные капли с волос скатывались по спине, напоминая о боли, которая лишь затаилась, но никуда не ушла.

Мужчина ждал ответа.

Я могла бы облечь эту происшествие в форму красивого рассказа, но сил хватило только на несколько слов.

— Он выстрелил из арбалета, болт попал в книгу, потом пульсар почти сжег яблоню, остался только пенек. Не дал воспользоваться амулетом

лорда Райдэла. Воткнул кинжал...

Я ощутила себя, словно в детстве на стульчике рассказываю стишок, который все слушают из желания не обижать.

— Кинул пульсаром?

Я непонимающе замерла.

— А что еще с ним можно сделать?

На мой вопрос не ответили. Эллинар поднялся и подошел ко мне.

— Ложись, — он протянул ладонь к моему лицу, а я отпрянула, как удара хлыста.

— Нет, — сказал разум, вместо тела, которое уже горело желанием.

— Нет, — эхом повторил он, рука опустилась, а глаза с минуту изучали мое лицо.

Потом наследник вышел из комнаты, тихо закрыв дверь.

Ритана Валкон

Ритана без стука вошла в кабинет мужа и, пройдя к огромного столу, опустилась на краешек кресла напротив, выпрямив спину и в упор глядя на Императора.

— Я улетаю в Ризгар.

— Почему сейчас? — поинтересовался мужчина, не отрываясь от бумаг.

— Это надо заканчивать.

Линорм резким, присущим лишь ему движением, вскинул голову.

— Ты все прекрасно понимаешь Тебе нужна она.

— Мне нужны ты и покой.

Ритана покачала головой.

— Я больше не пойду на поводу твоего упрямства. Что ты делаешь, Дэл? Ты не имел право отдавать ее Элу. Он начинает забываться, потому что ты многое разрешаешь ему. Он не смел о таком просить, ни один линорм не смеет просить таям другого! Да, она — человек, но она даст тебе больше, чем кто либо. Тебе станет легче. Драконы, если ты забыл, никогда не отдают свое. А мы все же отчасти драконы, — линорм поежилась, Император в ее магическом зрении заclubился.

Он через долю секунды оказался перед ней, опустившись на колени.

— Ритана, ты знаешь, что мне никто не...

Женщина встала.

— Ты сгораешь от своей силы. А я хочу, чтобы ты жил столько

времени, сколько она сможет тебе дать. И если ты не можешь уйти, я это сделаю. Я ухожу, Айдэл.

По лицу Императора пробежала рябь, он готов был сменить ипостась.

Ритана умела говорить жестко, если это единственный способ покончить с этим абсурдом!

— Шестьдесят лет назад ты проиграл, я выбрала твоего брата. И когда он умер, я... Твоя сила должна была дать надежду твоему роду на продолжение.

— У моего рода есть продолжение.

— Эл — не твой сын. А ты мог бы иметь своих детей.

— Не мог. Тебе прекрасно известно, что ты для меня значишь. А таям — человек... Да даже если бы она была линормом, я бы не оставил тебя. Мне просто нужно время.

— Ты так похож на Айла, — женщина не выдержала — коснулась его лица, нежно проведя пальцем по тонким губам. Она так нуждалась в его тепле. И так горько то, что ей предстоит. — Вы оба упрямы. Его упрямство сгубило его, и сейчас оно убивает тебя, — надо ударить сильнее. — Знаешь, если бы я встретила своего таям-человека, я бы сейчас была с ним. Потому что не настолько глупа, чтобы лишать свою душу цельности. Я это поняла, когда потеряла Айльдира.

Собрав силы, женщина, коснувшись нежным поцелуем его лба, направилась к двери.

— Я не приму таям с человеком.

Ритана обернулась у двери и посмотрела на мужа с грустной улыбкой.

— Да? Скажи это своим снам и рукам. Или ты думаешь я не чувствую, что ты уже с ней?

Император замер. Линорм сняла с руки брачный браслет и, опустив его на столик при входе, вышла, тихо закрыв дверь.

Только в коридоре она дала волю своему дыханию.

Она любила Айдэла всем сердцем, так и не прикоснувшись пока к таинству найти свою родственную душу. Когда-то давно, кажется в другой жизни, двое молодых линормов добивались ее: Айдэл и его старший брат Айльдир. Айдэл, десятый родовой маг, мощь и сила которого шла из глубины поколений. Он притягивал ее, как мотылька манит огонь. А он и был огнем болезненным, ярким, своевольным. Айльдир был хоть и старше, но он полностью подпал под влияние младшего брата, старался быть похожим на него. Пока она ни приехала в Ризгар из крепости Николд, где и родилась. Пока не встала между ними...

Тогда в Айльдире проснулся характер и индивидуальность. И она

выбрала его. Потому что понимала — ей не справиться с огнем Айдэла. Тяжело жить постоянно обжигаясь. Любое чувство в итоге испепелит самое себя. Она была умной, как и полагалось продолжательнице рода. Айдэл не смирился, но и не смел вторгнуться в пространства брата, которого любил.

А потом Айльдир погиб. Оплакивая его, она хотела найти виноватого в своем несчастье. Но была рассудительной... Айдэл скорее бы себя подставил под удар, чем брата. А потом она узнала, что Айльдир ослепленный ревностью, под чье-то науськивание, под чей-то наговор, что она и Айдэл... Он сошел с ума. Он предал брата друидам, но опомнившись, сам подставился. Она хотела в это верить!

Когда Айдэл принес ей страшную весть, она знала, что под сердцем уже зреет маленький живой комочек. Ее счастье — Эллинар. А что было делать ей, не принятой родом, беременной без благословения? И Айдэл тогда встал на колени и попросил быть с ним. Он стал ее защитой и опорой, тем, кто помог ей тогда, когда ему самому волком выть хотелось, тем, кто делил с ней радость от рождения Эла, кто вместе с ней воспитал сына, в меру своих сил, ведь ему пришлось стать еще и главой родов после убийства Арьяла. Он был тем, кого она любила. И он достаточно дал ей, чтобы платить ему той болью, что сжигает его.

Она ненавидела человечку. Ненавидела всей душой. Но она любила Дэла и ради него была готова пойти на все. Да, она на многое закрыла бы глаза, даже на запах человечки. Но сердце линомр подсказывало, что если Император и его таям смогут быть вместе, это даст больше, чем попытка сохранить то, что рушилось, как песочный замок, на который накатывал океанский прилив.

Все линомры знают, что будет, если у их пары появляется таям, но каждый переживает муку потери в одиночестве.

Но ведь самое страшное в том, что ее любовь сгорит в своем магическом пламени, а его жена даже не смогла дать ему его наследника.

Алари

— Номер двести шесть — Валеос Вистар. Умер тридцать пять лет назад, дело о наследовании не открывалось, состоял в должности главного писаря при дворцовом казначее. Размер посмертной выплаты одна тысяча семьсот сорок четыре льера, выплачена не была, Салис затребовал две тысячи восемьдесят пять льер. Дата смерти изменена. Номер двести семь — Дивалир Оларион...

— Все! Больше не могу! — я швырнула магическую ручку на стол, потому как уже час махала ею сама, даже магия отказывалась работать по восемнадцать часов в сутки. Чувствую, канцелярская принадлежность нажалуется на меня в свою «ручковую» гильдию на такой произвол. И мне опять придется писать объяснительную.

Миртак единственный, кто потешил мою душу чувством мелкопакастного удовлетворения. Выдернутый из отпуска мужчина был растерян, он даже злиться не мог. И работал...

— Ты же понимаешь, что это значит, Лари?

— Да уж, поняла на сто пятом.

Все оказалось немного не так. Салис Дайвокари не выдумывал мертвых, нет. На самом деле они были дворцовыми служащими, только в разное время. Разброс составлял почти восемьдесят лет. И эти мертвые души были похоронены Салисом дважды. И у каждого из них при жизни посмертная премия выплачена не была, хотя и начислена, по каким причинам, не ясно.

Как же мы поглумились с Миртаком! Сумма в два миллиона вполне приемлемая получалась, если учитывать инфляцию, особенно за полвека-то, а значит, войну, вставание эльфов не с той ноги, а соответственно, рост цен на ртуть, и, наконец, «отхряпывание» у ристархов серебряных рудников. Это ж сколько архивов надо было перелопатить, чтобы собрать всех «обделенных»! Ведь если бы, у покойничков объявились бы родственники, им бы полагались все эти суммы.

— Ты себе представляешь объем работы, чтобы собрать всех этих людей? — Миртак откинулся в кресле, закинул за свою блондинистую голову руки и потянулся.

— Кто-то не просто решил обокрасть государство в лице линормов, но еще и унижить, — хмыкнула я.

— Да, твой Салис был честнейшей души человеком, — улыбнулся замглавы моего отдела, играющий в карты лучше меня. В последнее время я все больше чувствовала себя не на своем месте. К глупцам вроде не относилась, но в этом деле еще не одного правильного вывода не сделала. Кроме невинности Яны. В женщине я была уверена. Хотя злилась на нее за выходку на балу, правда, даже здесь для меня с Армилом все благополучно закончилось.

— И что думаешь? — Миртак невзначай так взглянул на часы на полке.

— Не надо мне тут про благородных разбойников сказки рассказывать! — нет, дорогой, домой ты точно не пойдешь, у нас еще

четыреста почивших, и разгневанный нашим копошением Император.

— Но ведь так и есть отчасти, — скривился маг. — Да, Салис подделал сертификаты о смерти и суммы чуть увеличил, но ведь, их родственникам суммы полагались. А у многих, кого он «умертвил» были семьи, правда, умники все успели им передать до смерти, кроме этой выплаты, будь она неладна. Но кто-то по каким-то причинам платить не стал. Я думал, линонормы за этим следят?!

— Надо им это больно. За этим следят казначеи и делопроизводители. А что касается честности, вот если б он раздал их потомкам... А так!

У меня из головы кристаллы не выходили. После бала я опять посетила подвалы дворца. Уже одна, без сопровождения Райдэла. Побродила по комнатам, сверяясь со схемой, набросанной мне мальчиком — писарем при ученых магах.

Но это был просто круг. Восемнадцать тоже не было числом, входящим в какую-то схему заклинания, известного мне. По протоколам осмотра кристаллы ставились в разное время, руны же чертились в одно, оттого и пребывали в одинаковом состоянии. И возраст рун говорилто десятке с лишним, если не о двух, а то и трех десятках лет.

— А что там с тем, как адрого проник во дворец? — мой карточный партнер отхлебнул давно остывший чай, даже не пытаясь его подогреть, хотя сам Миртак был пиро, как и я.

О! Это отдельная история. О ней вообще вспоминать не хотелось. Пожалуй, надо извиниться перед Райдэлом, мысленно, разумеется!

Помню, через день после бала, я пыхтя, бежала за Райчиком, который семимильными шагами летел вперед, лавируя в лабиринте коридоров, пещерок, гротов, уводя меня все ниже, в самые недра горы Тир, при этом я еще как-то пыталась выцепить взглядом что-нибудь интересное. Пульсар в руке то вспыхивал по моему желанию, то опять тускнел, в пещерах было неприятно мало воздуха.

Как всегда, все самое сложное оказалось самым простым.

Вход в пещеры из дворца даже не был защищен магически. Скромная панелька в скромном библиотечном закутке открывала врата в темноту. Кто-то в обход дворцовых подвалов высек в толще камня узкий проход. И этот проход уводил нас к... морю, последний грот связывающий пещеры-проходы и весь остальной мир явно топился сильным приливом, тут воняло водорослями и рыбой. Порт Лавтисс оказался чуть левее, за выступающим в море небольшим утесом. Перед нами пробежало рябью волн Лунное море, лизавшее крохотный каменистый пляжик под ногами, а острые шпили скал, торчавшие из воды, не давали подойти судам и скрывали вход в пещеру.

Делаем выводы, господа!

Я буравила взглядом спину линорма, тот, подтверждая идею о том, что мысль материальна, шею уже неоднократно потер.

— Подземный ход рыли вручную, без применения магии. Чтобы пробить толщу камня, создав коридор протяженностью в двести футов от библиотечного зала до первой пещеры, требуется огромное количество времени. Тем более, судя по узости, там мог работать максимум один человек.

— И? Он же не ложками камень ковырял! — хотелось спросить, а звук кирки вам спать не мешал?

— Это было очень давно, леди Салито!

— То есть друиды могли к вам на обед заходить, а вы бы даже не поняли, с какой стороны гости пожаловали?

— Этот тоннель делали не друиды.

— Как это вы определили?

— Во-первых, друиды использовали бы водяные лезвия. Это продуктивнее, но насечки на камне были бы иными. Тем более, этот тоннель создавался не менее чем пятьсот-шестьсот лет назад. А вот пользовались им недавно.

— Оу! — мозг вдруг проснулся, и удивленная собственной мысли я выдала. — Кристаллы не имеют отношение к этому проходу!

— Именно. Кристаллы ставили со стороны дворца.

— Эмм...

— В установке кристаллов мы подозреваем друидов, а вот ваше предположение о том, что убийца в жилище госпожи Стиантон и в саду был адрого, ошибочно, — Рай повернулся ко мне и заслонил собой солнце.

— Не может быть! Кинжал...

— Друиды — маги воды, леди Салито. У них есть ученики, приспешники, подмастерье — пиро. Но их мало. И их воспитывают с раннего детства, их огненная магия имеет некое отличие от вашей, ведь их учителя — «водники», оттого их огонь текуч. Они создают струи огня, не пульсары. А вот госпожу Стиантон пытались достать именно сгустком огня, таким, какой творите вы.

Я — дважды дура и трижды идиотка! Это непростительно! Хотя стоп! А почему тогда в отчете не сказано, что обугленное дерево не плод трудов Императора?

— Вон там, — махнул рукой вдаль не обративший на мой понурый вид Высший, — встанет на якоре любой корабль, здесь отличное место для того, чтобы причалить лодке. Профессионал мог прийти и из города, утес

достаточно пологий, по нему лазают мальчишки, собирая яйца морских кринков.

— Значит, это могут быть два разных дела, и если бы на Яну не напали, вы о существовании кристаллов и не узнали бы.

Айдэл Валкон

В кабинете стояла тишина. Густые сумерки покоряли мир за окном, а тут, в тени стен и портьер, они уже правили.

Айдэл наблюдал через открытое окно, как корабли, еле-еле различимые на фоне надвигающейся ночи, ползали букашками по поверхности моря.

Император, почувствовав ее присутствие, на мгновение даже не поверил. Но инстинкт и следующее за ним тело, все сделали за линорма. Он обошел стол и опустился на колено, склонив голову.

Точно материализовавшись из тьмы к Айдэлу шагнула Древняя.

Грациозная, как и он, резковатая в движениях, прекрасная женщина с копной рыжих волос, никогда не знавших причесок.

Морской линорм. Род, исчезнувший почти две тысячи лет назад, его древнейший представитель. Никто не знал, сколько на самом деле лет было Мальди. Но не менее десятка поколений его соплеменников испытывали перед ней трепет. Морские всегда жили обособленно и свои тайны хранили глубоко в водной толще, как и их основатель и прародитель — дракон Вода.

Для тех же, кто топтал землю сейчас, она была символом одновременно древности и молодости. Старшие приходили к ней за мудрым советом, молодые с трепетом ожидали, будет ли Древняя благоволить им.

— Здравствуй, царствующий над родами! — узкая ладонь коснулась его волос, мягко пропустив пряди между пальцами.

Десятый родовой маг был ее любимцем. Когда Айдэл родился, она первой почтила семейство Валкон своим визитом, одарив малыша неземной красоты и силы защитным кулоном. Она помогала ему в обучении, советовала, как найти подход к родам, когда друиды убили Нильтина, она представила ему Ритану, рассказала о предательстве брата...

— Давно ты не посещал моего скромного жилища! — мягко пожурела женщина, усаживаясь в кресло, рядом с коленопреклоненным Императором. — Присядь. Я соскучилась.

Он поднялся с колен и опустился в кресло рядом с ней, совсем близко.

Он знал, хотя в полутьме видно этого не было, что ее зрачки пульсировали, то поглощая синюю радужку, то сжимаясь в маленькую точку. Ее ладонь заскользила по его щеке, а большой палец коснулся губ, очерчивая контур. Она при каждой встрече изучала его заново, но в этих жестах не было ничего предосудительного. Она вложила в него душу и могла считаться по праву одним из его скульпторов, обтесавших комки мощи в сильного мага и думающего мужчину, может, оттого и резкость их движений была так схожа. Он сам задавался иногда этим вопросом. Может, он копирует учительницу?

— Я чувствую здесь, во дворце, твою таям! — Мальди чуть повела головой на длинной шее, точно была в облике морской змеи с отливающей бирюзой чешуей. — Это тяжело. Но я уважаю твое решение не идти за ней. Человечка не нужна роду. Осталось лишь убедить в этом твою Ритану. И забыть о ней.

— Рита посетила тебя?

— Я ее. Она расстроена. Ее чувство к тебе похоже на водоворот, ему бессмысленно сопротивляться, надо просто отдаться. Но девочка верит, что так будет лучше тебе. Ты причиняешь ей боль тем, что держишь непризнанную настолько близко.

— Причина, по которой мне не удалить человечку из дворца — преступление, и оно обрастает вопросами быстрее, чем мы находим ответы.

— Друиды?

— И они тоже. Уверен.

— А ты не задумывался над тем, что раз таям ты решил не принимать, то лучше отпустить ее и уж тем более не...

— Ее могут убить! — оборвал Император Древнюю.

— И в данной ситуации это лучше для тебя, нежели ощущать ее. Это вынужденная жертва, Айдэл. Во благо тех же людей. Без ее ответа ты можешь сорваться. Ритана же снимет остроту. И я помогу. У меня для тебя подарок.

В руке блеснул переливами серебра стеклянный флакончик.

— Это уменьшит боль надолго, — женщина улыбнулась. — Пришлось побегать за одним... субъектом.

Склянка перекочевала в его ладонь, а сама его рука заняла место в ладонях Древней.

— Забери Ритану. Когда приедешь за женой, посети меня. Я буду ждать, — она улыбнулась и прижалась губами к его ладони, находящейся все еще в плену ее рук. А затем, встав с кресла, растворилась в сумерках,

как умела делать только она.

Император долго смотрел во тьму. Из задумчивости его вывел хруст стекла. И по пальцам, раздробившим маленький фиал, побежал самый дорогой ингредиент на этой солнцем и луной — слеза мертвеца.

Глава 12

Янина

Алари прибыла на следующее утро, уставшая и осунувшаяся. Из медовой косы выбились пряди, форма мятая, похоже, следователь спала сидя, положив голову на руки.

— Надо на себя покушение устроить! Может, мне тоже разрешат отдохнуть под присмотром Ари! — тяжело вздохнула леди Салито, упав на кушетку у окна.

— Предложила бы поменяться местами, но, боюсь, ни вас, ни линормов это не устроит, — улыбнулась я, только улыбка наверняка получилась вымученная.

Алари, закатив глаза, театрально дрожащим голосом с надрывом потребовала фруктового чая и тортик, заявив, что это единственное, что сейчас ее спасет, а точнее спасет друидов, картежников и линормов от мучительной смерти. Ари быстро вернулась с подносом, за что была отблагодарена царственным кивком, накинувшейся на лакомство леди Салито.

— Ты, вроде, неплохо выглядишь. Нездоровилось перед балом? — совершенно не смущаясь набитого рта, поинтересовалась глава отдела по тяжким преступлениям.

— Да, теперь мне лучше.

Это была правда. Ночью пришел сон, опять я проснулась в испарине с колотящимся сердцем, но ковш холодной воды привел в чувство моментально, и я заставила себя снова лечь. Сон опять приснился тот же, но казалось, он стал чуть менее болезненным и чуть более осмысленным. Виделось, что красный свет шел из огромного причудливого зеркала.

— Так, что случилось? — послышался голос будущей невестки Джута. — Я отложила все дела, а ты ведь понимаешь, кто у меня в надсмотрщиках ходит?!

— Леди Салито, мне нужна ваша помощь! — тяжело вздохнула я. — Моя попытка поговорить на эту тему с наследником провалилась, он был категоричен, но, возможно, у вас получится. Я согласна на любые условия, только бы меня отпустили домой.

— Неужели линормы и тебя достали? — усмехнулась Алари, отложив ложечку, которой помешивала напиток.

— Не то слово! — сорвалось вдруг с языка.

Мы с аристократкой переглянулись и улыбнулись.

— Хмм. Дворец удвоил бдительность в отношении тебя, — она окинула меня задумчивым взглядом. Но я... попробую. Предложу, чтобы к тебе приставили охрану, благодаря Императору у нас теперь много стражи летом появилось, злой и не отдохнувшей, посему крайне опасной и бдительной, а повод — как ты сама понимаешь, будет очередная попытка поймать того, кто тебя так желает убить, на живца. Но ты должна понимать, какой это риск.

Она замолчала, нахмурившись, но потом продолжила.

— Это очень опасно, Яна. Какая бы охрана к тебе ни была бы приставлена. А мы даже не понимаем, откуда ждать удара, потому что есть версия, что убить тебя хотели не те, кого ты разоблачила. А ты не думала, что нападение может быть связано с твоей работой? В плане личной мести! Например, выдала ты сертификат и кого-нибудь обделила?!

— Когда человек пишет завещание, он, как правило, всегда кого-то обделяет, иначе смысла в этой бумаге нет. Но в данном случае все решает воля почившего и закон, я лишь действую в рамках правил, — я удивленно пожала плечами. — Да и никто мне не угрожал и уж последний год точно с жалобами не обращался.

— Убила ты мою последнюю надежду, — горестно покачала головой леди Салито. — Я попробую, но как ты понимаешь, ничего обещать не могу. Даже наоборот.

Закинув последнюю ложку пирожного уже на бегу, Алари исчезла за дверью, предварительно узнав, что письмо лорду Салтелиту я уже отправила. Женщина нахмурилась, но ничего не сказала.

И потекло время. Я жила строго по расписанию, даже днем укладываясь спать после холодной ванны и сытного обеда.

На вторую ночь после визита Алари пришел Эллинар. Я знала, что это он, но не двигалась и дышала глубоко и ровно. Благо практики хоть отбавляй. И боялась, что если он коснется меня, я тут же себя и выдам. Но наследник ушел также тихо, как тогда, когда услышал «нет».

* * *

— Собирайся! Ты возвращаешься домой! — известила меня с порога леди-следователь на четвертый день.

Я была так поражена новостью, что поначалу даже не поверила.

— Серьезно! — усмехнулась Алари. — Райчик, тьфу, лорд Райдэл, велел передать, что ты можешь топать восвояси, — закивала женщина.

— Прямо сейчас? — я до сих пор не была уверена, что расслышала правильно.

— И если, госпожа Стиантон, вы поторопитесь, я могу вас сопроводить камнем почти до дома!

— О! Да! Конечно! — я засуетилась, скидывая на кровать вещи. Ари помогала мне с моим нехитрым скарбом. Уложились мы в кратчайшие сроки. Алари, исчезнувшая за дверью и общавшаяся в этот момент с лордом Армилом, удивленно приподняла бровь, едва я вышла в коридор с саквояжем.

— Вот это скорость! Профессиональный домушник позавидовал бы! — выдала леди Салито, и показалось мне вдруг, что если бы лорд — защитник был бы чуть менее воспитан, он точно женщину локтем в бок бы ткнул. — А как же шесть твоих прекрасных платьев?

— Семь. Я договорюсь с курьером, и их доставят госпоже Янине домой, — грустно улыбнулась Ари.

Я обняла девушку, от души поблагодарив за все, что она делала и за то, что терпела, получив смущенное: «Ну что вы!»

И с той же небольшой сумкой, которую донес лорд Армил до камня перехода, отбыла домой.

Как она добилась этого и что пообещала, Алари не сказала, хотя мне было любопытно, почему мне позволили уйти, хотя подозревали в пресуплении и вроде бы как обещали мне защиту, но у линормов свое видение мира.

Квартира встретила меня спертым воздухом, запахом пыли, жарой и воспоминаниями о ночи, когда напал убийца и о приходе Джута. Но сейчас меня это это совсем не удручало и не пугало, ведь Алари принесла еще одну потрясающую новость — я могла выйти на работу!

Уж не знаю, будут ли за мной следить она или Высшие (следователь и об этом умолчала), но я чуть не расплакалась от счастья, ибо, кажется, моя жизнь плавно начала возвращаться в обычное русло на сколько это было возможно.

Я погрузилась в мир тряпок, швабр, тазиков с водой, и безумной радости, которой в тот момент был не страшен никакой сон — я вернулась домой!

Одну из восемнадцати пещер Император выбрал наугад.

В ней царили пустота и мрак, а по стенам странствовало эхо его шагов. Кристалл выступил из тьмы немим укором, памятником его недосмотру, тому, что он перестает контролировать ситуацию. Император обошел его по кругу, касаясь пальцами очищенной от пыли поверхности, прохладной и гладкой, ступая по рунам друидов, а он бы ни с чем не спутал витиевато выведенные символы.

И вот уже огромный змей с раскинутыми крыльями занял большую часть пространства пещеры. Хвост с острым жалом охватил впаянный кусок хрусталя, а шип со всего размаха врезался в его гляцевую поверхность, пробив ее, погрузив грозное оружие в хрупкий материал.

Кончик шипа просвечивал сквозь толщу стекла красным, отчего трещины на кристалле казались кровавыми потеками. Как во сне, только криков боли нет. Что же это было? Видение? Бред разума, тонущего в мощи магии? Это видение приходит уже несколько дней и не дает покоя. Собственное сознание играет с царствующим.

Змей крушил кристалл, перетирая в пыль о бронированные чешуйки куски хрусталя.

Память тоже играла с ним, она выудила из дальних запыленных уголков воспоминание, где он еще десятилетний мальчик, рядом с ним Мальди, чье прекрасное лицо озарено солнцем, а ветерок играет рыжими, как пламя, волосами. Они стоят на склоне холма, за их спинами покрытые шапками ледников горы Ризгара, перед ними бескрайние хвойные леса Ластолоса. Женщина, присев и мягко обняв его за плечи, повела рукой в сторону крохотной точки в небе.

— Посмотри, — пульсирующие сине-черным глаза в интересом наблюдали за мальчиком, — канюк увидел свою жертву. Как думаешь, на что он нацелился?

По телу пробегает дрожь от ощущения того, что он смотрит сверху глазами птицы, чьи когти уже совершали хватательные движения в предвкушении добычи. Крохотный зверек. Маленький, серый с коричневыми пятнами на спинке и хвостике, с прижатыми к спине ушками. Он знает лучше, чем кто-либо, что обречен.

— Кролик!

Теплая ладонь линорм касается щеки Айдэла.

— Да, мой хороший. Все правильно.

И канюк смертоносной стрелой пикирует вниз, точно повторив видение, пришедшее секунду назад.

Хруст стекла сводил с ума, и ярость змея разгоралась все сильнее.

Мало было силы и этого сна. Он был обижен на Ритану. Они были вместе столько лет! Да, он, возможно, уделял им мало времени, но его роль, как внутри родов, так и во главе государства, была слишком значима, и избежать ее он не мог. Но все время, которое у него оставалось, было только их, Риты и Эла. Он никогда, не единым словом и жестом не давал ей повода усомниться в его чувствах к ней и к сыну, которого считал своим. И вот, когда ему тяжелее всего, когда так требовалось ее присутствие потому, что тело отказывалось подчиняться хозяину, она ушла, объяснив это желанием его спасти. Даже не подумав, на что обрекает Айдэла. Даже не пожелав выслушать. Она, ради кого он и сдерживался. Он столько раз просил. Больше просить не будет. Рита старалась сделать больше, но сказала правду, она действительно тогда выбрала Альдира, она действительно ушла бы, если бы появился ее таям. Да, и все равно его конец близок.

Но было и еще одно «но». После бала он сам себе не верил, он себя ненавидел. Неконтролируемое желание быть с человеческой женщиной, которое диктовала древняя магия, его приводило еще в большую ярость.

Он был настолько расстроен происходящим, ошарашен тем, что не может контролировать себя, что пошел на поводу у желания Древней, дав провидению шанс решить судьбу человечки. Если ее не станет, у него появится возможность вернуть жизнь в нормальное русло.

Он мог быть жестоким, но убивать человечку не хотел, своими руками...

Но хуже того, Айдэлу казалось, что за его спиной кто-то ведет игру, кто-то кому он доверяет, и наградой неизвестному победителю будет шкура серого линорма, уничтожившего один из «подарков» друидов.

Может, пока есть возможность, дать любимой еще один шанс?!

Ритана

Леди Валкон сидела в кресле у большого камина, дрова в котором давно прогорели, но очаг все еще дарил спасительное тепло человеческому телу. Облику линорма холод был не страшен.

Знакомые шаги взбудоражили ее. Поступь Айдэла невозможно было спутать.

Мужчина заставлял ее чувствовать дрожь своего собственного тела в ответ на его присутствие. И хоть желание оказаться в его объятиях было почти болезненным, она сдержалась, даже не встав с кресла, чтобы

поприветствовать царствующего, как должно.

Когда его рука оказалась на ее плече, все сразу стало ясно. Она притворялась, не верила, но больше лгать самой себе она не могла.

Предвосхищая вопрос мужчины, линорм, встав с кресла и положив книгу, которую пыталась читать, на столик, произнесла одно единственное слово: «Никогда».

Их взгляды скрестились, но она первой отвела глаза от черных омутов. Когда он ушел, женщина вцепилась в подлокотник кресла, судорожно стискивая пальцами старое, гладкое дерево. Хотелось обратиться, взмыть в холодное небо Ризгара и камнем упасть вниз. Но в ее жизни был смысл — Эллинар, и ради сына она не сломается.

Алари

Сопроводив Яну домой, мне пришлось возвращаться во дворец, неугомонный зам настойчиво просил всех, кто со мной пересечется, передать, как я ему нужна.

— И что тут произошло? — хлопала я глазами, удивленно изучая то, во что превратилась одна из восемнадцати улик против друидов.

— Император, говорят, поупражнялся, — Миртак, не отрываясь от протокола, махнул рукой, — до перехода в Ризгар.

— Магией?

— Собой.

— Ой! — представив огромное серое чудовище, в которое обращался наш венценосный, мне стало жаль стекляшку. — Остальным грозит та же участь?

— Похоже. Понятное дело, что афера с активацией артефактов не удалась. Вот только, боюсь, мы теперь не найдем тех, кто все это пытался повернуть, — мужчина захлопнул папку с документами и, заложив магическую ручку за ухо, выжидательно уставился на меня.

— Служащих банка и дворцовых так и не нашли, как в воду канули. Единственное, что мы выяснили, кроме Салиса деньги никто из них не воровал лично. Но они определенно были в курсе всего и покрывали и направляли Дайвокари, — я присела на каменный блок, не заботясь о пыли, которую собирала форма.

— Если бежавшие на стороне друидов, то они уже сто лет как у ристархов чай гоняют, — Миртак опустил рядом.

— Но ведь кто-то помог не магам выбраться из страны. Камнем не

могли, кораблем не могли. Только ножками своими и лошадиными. Обходить кордоны. Перейти границу. Если только их трупы не кормят червяков, где-нибудь в подвалах дворца. А я думаю что нет, а значит их круг «друзей» гораздо шире, чем мы думаем, — в ладони то вспыхивал, то гас пульсар.

— Ты к чему это?

— К тому, дорогой мой, что во Дворце Чести тоже не все, видимо, добрые и пушистые. Казначею дышали в затылок, но он ушел. И помог ему тот, кто знал о слежке и о том, что его идут арестовать.

Миртак погрустнел, а я похлопала зама по плечу.

— Да-да, друг мой, копать нам еще и копать.

— Надо сообщить об этом министру Рапару...

Я было повернулась в замку, дабы сообщить, что смысла делиться домыслами пока нет, но нежный голосок отвлек меня.

— Леди Салито.

Мы с блондином развернулись, и с минуту совершенно бессовестным образом изучали стоявшую перед нами линорм.

Миртак вскочил первым, выронив папку, и поклонился, я это проделывала менее прытко.

— Леди Антрацит.

— Надеюсь, я не отвлекла вас?! Лорд Райдэл просил найти и сопроводить к нему.

Мы с замом опять переглянулись.

— Заканчивай тут и отправляйся в отдел, — махнула я рукой блондину, а сама последовала за грациозно «поплывшей» в сторону выхода из пещер девушкой.

Нам пришлось выйти из подземелий, пройти в библиотеку и опять спуститься в тот жуткий тоннель-кишку, который и доставил по нашему мнению убийцу к Яне.

— А что случилось, леди Антрацит?

— Таям сказал, что в одной из пещер нашли что-то, что вас заинтересует, — сообщила линорм своим детским голоском.

— Таям? — переспросила я, такого имени среди линормов и следователей мне не вспомнилось.

— О! — вдруг зарделась девушка и прижала тонкие руки к груди. — Так мы называем часть своей души. Мой таям — Райдэл.

Как мило! Часть души! Он ей, наверное, еще сказочки на ночь рассказывает и одеяльце подтыкает. Сказала бы я тебе, девочка, где у мужиков часть души! Только ты до этого, по-моему, еще не доросла.

Причем, я абсолютно уверена, что у линормов-мужчин она там же.

Лорд Душевный нашелся в одной из пещер-переходов с другим представителем линормего народа.

Оба чуть поклонились.

— Леди Салито, — протянул руку Райдэл, — Взгляните!

Я приблизилась и чем ближе подходила, тем больше понимала, насколько была права в своем предположении десять минут назад. И, похоже, не только в деле о Кристаллах...

На полу у стены лежала смятая, присыпанная пылью форма поисковика Дворца Чести.

Только вот по какому делу ей теперь проходить уликой?!

Янина

Сон не пришел, и я с ужасом ждала утренних газет с сообщением о каком-нибудь страшном происшествии. Но по улице Розового Рассвета спешили по своим делам горожане, и мальчик, «обслуживающий» наш райончик, сегодня явно грустил, газеты скупали лишь торговцы и фабриканты, жившие дальше по улице в прижавшихся друг к другу разноцветных домах, с цветниками вдоль оконных отливов. Ничего сногшибательного среди сегодняшних известий не было. Да и трубы во дворце молчали.

Неужели, как и тогда в Ораласе, кто-то предотвратил нечто ужасное?! Меня отпустило, ощущение было сродни тому, когда я наелась магических конфет — голова была до неприличия легкой. Отлично, можно начинать бояться того, что все слишком хорошо складывается. Дом, работа, свобода, надеюсь, уснувший дар. Правда, иногда... вползала юркой змейкой мысль о теплоте мужского плеча под щекой, но она нещадным образом изгонялась. Видимо, чем старше я становлюсь, тем тяжелее переносятся вот такие всплески дара.

Приведя себя в порядок и встретив курьера с платьями, я, надев один из своих воздушных сарафанов с блузкой, поспешила в мэрию.

Встретил меня наш уважаемый мэр. Лично. Весьма меня удивив и тем, как шустро он вылетел из своего кабинета, и как быстро ему доложили о моем приходе.

— Госпожа Стиантон, как ваше драгоценное здоровье? Мы наслышаны о случившемся! Неужели вы уже хотите приступить к работе? Да, тут все перевернули, пока изучали дела, вас ждет неприятная картина

бардака, в котором сможете разобраться только вы, Кисанодару мы этого не доверили! — по ходу его тирады мои брови забирались все выше по лбу под шляпку. — Лорд Валкон попросил вас первое время не нагружать работой чрезмерно, — брови резко вернулись в положение, предписанное им конституцией лица.

— Уважаемый лорд Дретон, не переживайте, я себя отлично чувствую и готова к работе.

— Прекрасно! — он потер руки. — Если у вас будут пожелания или вопросы, милости прошу!

Пухлый мужчина, пританцовывая, отправился в свой кабинет, довольный, видимо, исполнив какой-то приказ в отношении меня, а мне захотелось почесать затылок.

— Яна! Как мы рады!

Натана и Ваника, девушки-писари, мои личные секретари, сорвавшись из-за своих столов, встретили меня объятиями у двери.

— Вы не поверите насколько рада я! — сняв шляпку, кинула ее на стол, и, придав лицу самый любопытный вид, даже закусив губу, заговорщицки прошептала: «Ну! Рассказывайте! Что тут было?»

Длительность пересказа месяца жизни мэрии составила три часа и две чашки чая на нос. Больше всех не повезло Кису. Его трясли и допрашивали и линормы и следователи-поисковики Дворца Чести. Половину рассказа, конечно же, составило описание всех Высших, которые мучили работников нашего славного дворца на площади Вознесения Света, досталось и «любимцу» Алари, лорду Райдэлу.

Итог их работы был плачевен для нашего архива, к которому девушки решили не прикасаться и дожидаться меня. Груды папок, разбросанные листы. Всю вторую половину дня мы посвятили «раскидыванию» этой свалки на кучки по алфавиту и тому, чтобы разобраться, откуда выпали документы. Домой я вернулась поздно, усталая, но крайне счастливая, завтра вечером мне встречаться с подругами, а значит, меня ждет еще больше новостей.

Проснувшись я от странного непередаваемого ощущения, в нем смешались и томление, и тепло, и желание. Будто держишь в руках книгу, она зачитана до дыр, каждая ее строчка известна и прочувствована, но руки тянутся снова открыть глазам и уму мир, в котором уютно, как дома.

Тело, однако, было умнее хозяйки и сработало быстрее, чем мозг, который не сумел оценить ситуацию — я с тихим визгом слетела с кровати, врезавшись в прикроватный плетеный столик, на пол полетели магический фонарик, книги и кружечка с водой.

А силуэт на балконе в свете луны, показавшейся из-за туч, исчез из поля зрения, послышался звон стекла, и в дверном проеме спальни показалась высокая тень. Я в ужасе зажала рукой рот, хотя надо было кричать.

Может он не заметит меня во тьме?

— Все в порядке? — голос Эла нарушил тишину.

Я отпрянула еще дальше к стене, и ладонь легла на осколки фонарика. Боль от впившегося в кожу стекла заставила охнуть. Мужчина оказался рядом в одно мгновение. Моя окровавленная ладонь утонула в его руке. Над нашими головами вспыхнул пульсар, осветив наследника и меня. Лицо линорма было спокойным, и только глаза были полной тьмой. Его пальцы осторожно вынимали куски стекла, сжав мое запястье. После чего мне помогли подняться и сопроводили на кухню. Холодная вода из ковшика смыла кровь, и я прижала чистое полотенце к ранкам.

Его губы заскользили по шее, а руки, предварительно откинув волосы, замерли на моих плечах.

— Пожалуйста, не надо! — судорожно выдохнула я.

— Ты можешь просто побыть рядом? — вопрос меня удивил, и, если честно, обезоружил. — Я буду ждать на балконе.

Линорм на мгновение сжал мои плечи и исчез в темноте гостиной. Вряд ли ему пришла в голову мысль о том, что я могу послушаться.

Мне кажется, прошла половина ночи, прежде чем я собралась с духом выйти на балкон, и к тьме вежливость и воспитание. Эллинар Балкон сидел на том же месте, что и Джут в то памятное утро, но в отличие от читавшего защитника, наследник смотрел на город и море, обласканные светом луны. Казалось, он обратился идеальной статуей.

— Присядь рядом, — он, даже не повернув головы, протянул ко мне руку.

Но в тот самый момент, когда мои подрагивающая ладонь готова была опуститься в его, вдали над городом расцвел огромный огненный шар. Я застыла от удивления, а Эллинар, в один прыжок преодолев расстояние до перил, сам будто взорвался, оставив после себя опаленные доски.

Алари

Тихий стук в окно заставил меня подскочить и вооружиться сразу двумя пульсарами, прежде чем я сообразила, что я не бегу по полю за тенью, а лежу в своей кровати после целой недели ночевки на работе, и

какому-то ночному гостю очень хочется умереть быстро.

Однако, этот перестук был мне знаком, и знающий его будет прощен и помилован, по крайней мере сегодня.

Задняя дверь моего дома была распахнута настежь, а по закрытым ставням первого этажа костяшки выстукивали ответ прищельцу.

Через минуту на пороге появился Лиго, босяк с улицы Золотых Петухов, заводила и глава всех тамошних попрошайек, а по совместительству мой девятилетний осведомитель.

Он всячески изображал из себя взрослого зрелого мужика из порта, даже иногда прикладывая ладонь к моей пятой точке, за что получал хороший подзатыльник, но угомониться не желал.

— Что за нелегкая принесла тебя в это время, Ли?! — позевывая, поинтересовалась я у мальчишки.

— Мне известно, что все ваши ищут мужика одного, родовитого, — он уселся на стул и заложил одну свою еще по-детски короткую ножку за другую.

— Наши много кого ищут, — я высыпала на стол конфеты, на которые он кинул жадный взгляд, но сделал вид, что на такую разводку не купится. Пока...

— Он, говорят, такой весь из себя ушастый.

Казначей! Мужчина обладал отличительной чертой — в роду его явно водились эльфы.

— Да, есть такой.

— Но у меня к тебе серьезный разговор, законница! Я скажу, где он, а он там будет недолго, а ты отпустишь Лютика.

— Кого?

— Его ваши вчера на кармане поймали.

Препираться некогда!

— Отпущу! — уже натягивая форму, прошипела я. — Еще и льер подброшу! Бегом!

Мальчишка, слава богам, соображал быстро.

— А ты не врешь, законница? — пропыхтел пацан, едва поспевая за мной.

— А как ты это проверишь, если не покажешь мне, где ушастый, который, по твоим словам, там ненадолго?

Мальчик призадумался.

— Дом у самой скалы на улице Ледяного Ветра. Их там трое, один — линорм.

— В смысле? — я так резко остановилась, что пацан все-таки

приложился к моей пятой точке, в этот раз, правда, без последствий для многострадальной головы.

— Ну, так высокий, смазливый, как баба...

— Линорм? Вот ведь тьма! Значит, они его быстрее нас нашли.

— Не искал он эльфеньша, тот его сам на пороге встретил с поклонами.

— Как он выглядел?

— Как-как! Я ж говорю, красивый, аж зубы сводит, высокий, волосы серебряные. Темновато было.

— Так, слушай внимательно! На улице Листьев Акации есть дом номер шесть, в нем живет мужчина. Его зовут Миртак.

— Твой подельник?

— Не подельник, а напарник! Расскажешь ему все! Бегом пошел.

— Ну ты, это, не обмани, законница! — «подзадник» бы ему отвесить надо, для профилактики.

Улица Ледяного Ветра меня, собственно, этим ветром и встретила. Он, конечно, ледяным не был, но на фоне жары мурашки по коже побежали. Дом нашелся отшибе, у самого обрыва. Света в окнах не было.

Подойти, не попав в поле зрения тех, кто из дома мог следить за улицей, было невозможно, да еще при такой — то луне. Пришлось перелезть через ограду дома, расположенного за три до нужного мне, и в темноте пробираться садами, а потом плюхнуться на живот и ползти, припоминая все известные ругательства.

Неужели ящерицы замешаны?

Старый дом, кое-где прогнившие и провалившиеся доски пола на открытом большом крыльце. Запах моря и заброшенности. И тишина.

Я, каким-то невообразимым образом умудрившись не провалиться сквозь настил крыльца на землю, скользнула к двери, приложила ухо к огромной щели. Голоса. Разговор неспешный, слов разобрать невозможно, но те, кто там находился, не были взволнованы или напуганы.

Линорм — это плохо! Если пацан не ошибся, я сейчас с видом королевы «следаков» зайти не смогу. Хотя, конечно, там явно не Император.

Я сидела так минут двадцать. Миртак должен быть на походе, и если он сообразил прихватить ещё кого-нибудь, будет совсем хорошо.

Пыхтение в высокой траве известило о приближении моего напарника. Но боги сегодня не на моей стороне были — из густой травы у самого покосившегося забора высунулась голова Лиго.

— Его нет дома! — прошипел мальчик.

Линорм, тьма тебя заberi, Лиго! Они же очень хорошо слышат!

Разговор за дверью резко оборвался, заставив кровь мою закипеть от волнения. Шаги за дверью сказали мне, что действовать придется по ситуации.

Я вскочила на ноги. Таиться смысла уже не было.

Дверь распахнулась, и мы встретились лицом к лицу с дворцовым казначеем, лордом Острые Ушки, Исато Руном.

Он явно не меня ждал, оттого ойкнул и отпрянул внутрь дома, Лиго из травы громко шмыгнул носом, я улыбнулась, а за спиной Руна расцвел огненный магический цветок, поглотив казначея, меня и мальчишку.

Глава 13

Алари

— Рай определенно должен быть другим! — прохрипела я, радуясь тому, что при мне остались слух и зрение, пусть и в сильно усеченном варианте и чувство юмора, надеюсь не выжгло магией.

— И чего же вы ожидали, леди Салито? — лорд Райдэл, представший пару мгновений назад в образе огромного, бескрылого, отливающего синевой змея, разметавшего хвостом огромные куски древесины, расчищая путь к непутевой главе отдела, чем вызвал у последней новый приступ паники, опустился рядом на колени, и его уже человеческие руки начали, методично ощупывая, проверять целостность моих костей.

— Нектара, красивых мужей в набедренных повязках, музыки.

— Вам вина принести и спеть? — предложил линорм. — Раздеваться я не намерен, уж простите!

— Тогда можно я просто спокойно умру?! У меня сломаны все кости!

— Я вас огорчу, покинуть этот мир вам в ближайшее время не удастся. Ссадины, порезы, а в остальном вы целы. За что, полагаю, надо выразить благодарность вашему будущему деверю.

— А вы почему знаете, что у меня позвоночник цел?

— Люди с подобными повреждениями обычно руками и ногами не машут. И заняты чем-то по важнее нытья.

Умного ответа на сие замечание в звенящей от боли голове не нашлось. А то, что Джута надо носить на руках — это факт. Амулет, спасший мне жизнь, он изготовил давно, еще в Ораласе, после моего эпического нападения на бедных ристархов. Силищи он в него влил немерено. Правда, это я смогла оценить только сейчас...

Однако, человеческая природа такова — шок отступал, а на смену ему приходили жжение и боль, усиливающиеся с каждым вздохом. И даже до скрежета сцепив зубы, я все же застонала.

— К Зартану! — пробился сквозь пелену голос самого Императора. — Сможешь?

— Да, — прозвучал голос Райдэла у самого уха.

И я почувствовала, как кто-то подхватывает меня на руки.

Преодолевая боль, я все же смогла прошептать то, что знать им было необходимо.

— Рун... там был, — цепляясь за ускользящее сознание, удалось сообщить мне. — И мальчик...

— Найдем.

— Высший...

Я почти потеряла сознание, спина болела невероятно. Сознание готово было покинуть бестолкового следователя, и я была бы тому счастлива, но...

— Леди Салито!

Хм, жутко знакомый голос.

Конечно, знакомый! Это ж Райчик!

— Алариана! — одно из видений настойчиво пыталось выцарапать меня из глубин бессознательности.

— Таям...

А звучит-то как мило, почти что «зайчик» или «солнышко». Про такое пишут в романах для юных и не очень леди. Помнится, читала я такое по молодости. Часть души! Что-то топчется на пороге памяти, ноги все вытирает, а постучать боится, что-то, что сгорело в огне...

— Что?! — в голосе призрачного Райчика послышалось удивление. — Алари! Вы сказали, что там был Высший! Вы уверены?! Вы! Его! Видели?!

— Кого? — кажется, нектар все-таки подали в больших золоченых кубках, как на свадьбах или похоронах... И я его дажеуже вкусила.

— Линорма! Алари, соберитесь! Да или нет?

— А у вас правда есть душа?

Райдэл зарычал.

— Есть! — рявкнул ящер.

— Это здорово! — я радостно вздохнула.

Перед глазами промелькнули последние воспоминания о взрыве.

Один взгляд за спину Руна, обе мои руки, вцепившиеся в кулон Джута, уже активировавшийся от магического фона, секундная встреча во мраке коридора с глазами, в которых бесновалось холодное синее пламя, а у ног уже клубился настоящий огонь.

— У того... в доме... не было души...

— Кто он? Скажи мне, Алари? — голос стал удаляться вместе со всеми снами и воспоминаниями.

— Наследник...

— Ты же понимаешь, что должен сделать?

Император сидел в кресле, уронив голову на сложенные ладони, будто молился. Все, что навалилось на него в последнее время, легло тяжким грузом на плечи, и проблемы все множились.

— Ты намекаешь, Райдэл, что я должен был жестоким?

— Справедливым. На предательство рода нельзя закрывать глаза!

Кулаки, скользящего по комнате главы охраны замка, уперлись в крышку стола.

— Так, что ты решил?

Айдэл глубоко вдохнул ночной воздух, ветерок приносил сквозь открытое окно запахи моря и приближающегося дождя.

— Никто не должен знать! Сделай так, чтобы Салито замолчала. Никого к ней не пускай. Для всех она при смерти. С сыном я сам разберусь.

— Как мне реагировать, когда он явится сюда? — Райдэл выпрямился и сложил руки на груди.

— Как если бы он был первым наследником императора, Айдэла Валкона.

Стиа поджал губы, в спор с другом вступать не стал. Оказаться на месте Айдэла ему бы совсем не хотелось. Как и лезть ему в душу!

Бескрылый линорм в облике светловолосого мужчины уже протянул руку к тускло поблескивающей дверной ручке, когда до него донесся тихий голос Императора.

— Тебе помогает твоя таям?

Глава охраны повернулся к Айдэлу и окинул взглядом царствующего. Пожалуй, он был прав, отметив про себя, что с другом что-то не то.

— Ритана поэтому ушла? — ответил он вопросом на вопрос.

Айдэл молчал, но ничего говорить и не требовалось.

— Я тебе сейчас раскрою страшную тайну, Дэл, — глава охраны подошел к креслу лорда Валкона. — Лично я считаю, что для нас это не награда, не дар! Это обуза, задуманная природой исключительно в целях воспроизводства более сильного потомства, или, как в твоём случае, чтобы хоть слегка облегчить всплески магии.

Он уселся в кресло напротив Императора, вытянул ноги и откинул голову.

— Черная слишком молода для меня. Ей пятнадцать лет! Ты меня знаешь, для меня она, что куренок, оберегать надо, лелеять, учить, в конце концов, а это не мой случай. Я даже учеников не беру, и лепить под себя ребенка мне совсем не хочется, — мужчина тяжело вздохнул. — Но сложность в том, что теперь я даже вернуться к Белле официально не могу.

— Вы до сих пор с ней? — Император удивленно взглянул на друга.
— Она знает, что надо мне, я знаю, что надо ей. Предложи это Ритане.
Я не понимаю, почему она так на человечку среагировала.
— Из-за магии и детей.
— Магия — отговорка. Дети! Да, у женщин это мания. Это природа.
Линорм ударил ладонями по подлокотникам, вставая.
— Подумай, может она и согласится. Человеческий век не так долгод.
Сколько она проживет в состоянии, способном тебя удовлетворять? Лет тридцать от силы.

Через мгновение за Стиа Райдэлом закрылась дверь, оставив Айдэла наедине с его мыслями.

Закон рода гласит: «Прощается все, кроме предательства». Никакое чувство или поступок — не повод к предательству. Если хочешь отомстить, получить желаемое — бросай вызов!

Но Айдэл понимал, ему вызов никто не бросит. Один на один, император уничтожит любого, не напрягаясь.

Мужчина резко встал и подошел к окну, сложив руки на груди.

Что же он сделал не так? Чем прогневал богов? Раз даже сын пошел против него!

Наказание предателю — смерть. Но Эл — его сын. И Ритана не переживет справедливости Императора, ведь для нее Айдэл, а не тот, кто вершит суд...

Да, их дороги разошлись, но не по его воле. И Рите он зла не причинит.

Единственный выход — ждать и наблюдать. Если Эл не догадается, что следователь его узнала, появится шанс выяснить весь круг заговорщиков, ведь действовал он не один. И если это друиды... Император поклялся стереть с лица земли демонов народец, пускай это будет последним, что он сделает.

В любом случае, решение принято, злодей обнаружен, но осталось странное чувство. Эл-пешка? Такая же фигурка-смертница на шахматной доске, как и его истинный отец, Айльдир? Мысль о том, что брата использовали, не отпускала Императора долгие годы. Как и вопрос, зачем Элу нужна была его таям? Ведь сын не коснулся ее и пальцем.

Янина

Занимался рассвет, а я все сидела на балконе, сжавшись в комочек.

Взгляд не хотел отрываться от почерневших досок пола возле перил.

Город жил этой ночью в тревожном ожидании. Крики на улице, проносающиеся экипажи, которых в это время обычно и не встретишь, стражи, каждые пять минут курсировавшие вдоль домов. Дым над тем местом, где прогремел взрыв.

Но больше всего пугал Эллинар. Мне было жутко, казалось, что он умер, что его тоже уничтожило тем огнем, что полыхнул вдалеке, ведь я слишком мало имела представления о такой магии, да и о магии в целом. И сейчас, глядя на собравшиеся над городом тучи, я вдруг осознала, что не чувствовала в наследнике линорма, зверя, взмывающего ввысь, или скользящего с невероятной скоростью по земле. Для меня он был человеком, тем, кто дал мне несколько прекрасных ночей без кошмаров, мужчиной, который позволил ощутить себя женщиной. Меня влекло к нему, и эти чувства не призывали дар, наоборот, мне было легко и хотелось его присутствия все больше.

Платье впитывало капли заморосившего дождя: налетающий ветер заставлял послушные струи отклоняться и залетать на балкон.

— Зачем мокнуть? — псольшался голос от двери веранды.

Я вскочила и... упала без чувств на руки метнувшегося ко мне первого наследника.

* * *

Очнувшись, я отругала себя за слабость, и еле-еле нашла в себе силы открыть глаза.

Моя спальня. Плотные шторы задернуты, так что свет с улицы едва не проникал, комнатка тонула во мраке. Мое простое домашнее платье, лежавшее на полу горкой, было разорвано беспощадной рукой по всей длине. На мне остались лишь тонкая рубашка и нижняя тоненькая юбка, зато укутана я была в одеяло, как ребенок.

А еще я проспала работу. Но это поправимо, надо встать и написать записку.

Хуже когда попыталась проделать сей героический подвиг, едва снова не упала в обморок.

Боги, неужели я все-таки простыла?!

Кое-как собравшись с силами, я добралась до секретера и написала короткое послание на работу. После чего позвонила специальным колокольчиком в каморку нашего привратника.

Арти, пожилой, жилистый мужчина с грустными глазами и абсолютно седой головой, пришел быстро, удивленно заглянув мне за спину, предложил починить дверь. Я даже забыла про нее, но согласилась и поблагодарила. Он передал мою записку с мальчиком — посыльным, а сам вернулся с инструментами. Что он делал, я не видела и даже не слышала, завернувшись в теплое одеяло, при летней-то жаре, крепко уснув.

Вечером из болезненной дремы меня выдернул звон дверного колокольчика. Вставать не хотелось, но это могли быть обеспокоенные подруги, которым письмо я отправить забыла. Держась за стеночку, еле попав в рукава халата, я дошла до двери. И, едва ее распахнув, моя рука оказалась в прохладных ладонях мужчины.

— Лорд Салтелит?! — я была так удивлена, что опять схватилась за стенку.

— Яна... С вами все хорошо? — он замер на пороге, обеспокоенно глядя на меня. Защитник тоже был бледен.

— Я простыла, ничего страшного. Что-то случилось? — его прохладные пальцы сжали мои.

— Да, Алари пострадала при взрыве.

— О, боги! Неужели, это тот кошмар, что был вчера?! — я прижала свободную руку к горлу. — Как там вообще можно было выжить?

— У Лари есть свойство — выбираться из передряг, — маг натянуто улыбнулся. — Но она под присмотром императорского лекаря, и вам бы лекарь тоже не помешал.

— Нет, что вы! Обычная простуда. Я промокла, — махнула рукой. — Она цела?

— Вроде бы, но к ней пока не пускают. Яна, я буду в увольнении еще два дня, вот мой адрес, — из его кармана появилась маленькая синяя визитка. — Если вам что-то потребуется, сообщите.

— Благодарю вас. Напишите, пожалуйста, если что-нибудь узнаете о здоровье леди Салито, — попросила я.

Он кивнул.

— Выздоровливайте. Не буду вас беспокоить, — он опять чуть сжал мои пальцы и ободряюще улыбнулся.

— Благодарю.

Маг плотно закрыл за собой дверь, дверной замочек щелкнул.

А я, напившись чая с медом, опять легла, вся покрывшись испариной от этого несложного действия, и мгновенно уснула. Проснулась я уже ночью от ощущения, что мне тепло и очень уютно, и что я не одна.

Он лежал рядом, опираясь на локоть, касаясь грудью моей спины. Его

рука покоилась на талии и согревала мою ладонь.

Я запрокинула голову и посмотрела снизу вверх на спокойное лицо наследника. Он, не открывая глаз, тихо прошептал: «Спи!»

Мои глаза послушно закрылись, погрузив в приятный мир сновидений. Утро застало меня одну в прекрасном настроении, с отличным самочувствием, и тем, что визитка Джута с секретера, где я ее оставила, исчезла, зато на ковре имелся тонкий налет пыли, очень похожей на пепел.

Элинар

— Лорд Райдэл, — Элинар слегка кивнул.

— Лорд Валкон, — глава охраны чуть поклонился.

— Что произошло вчера? Слухами мир полон, но конкретики никакой.

— Насколько мы можем судить, следователи Дворца Чести весьма неорганизованно провели операцию по задержанию преступников. От последних не осталось и головешек. К тому же сильно пострадала глава отдела по тяжким преступлениям.

— Салито?! — бровь наследника приподнялась в удивлении. — Она жива?

— Жива. Но голова ее в крайне плачевном состоянии. По словам Зартана, если она вспомнит свое имя, это будет большой удачей.

— Кого они хотели захватить? — нахмурился Элинар.

— Неизвестно. Император в ярости, что не было собрано нормальной группы магической поддержки, и Салито сунулась туда одна. Он, кстати, искал вас.

— Я был в Ризгаре у матери.

— Надеюсь, леди Валкон в добром здравии? — Райдэл усмехнулся, чем весьма удивил наследника.

Элинар кивнул.

— Отец у себя?

— Да, Император в кабинете.

— А вы пытались уже допросить Салито?

— Это невозможно, из-за повреждений Зартан держит ее во сне.

— Прискорбно. Она — отличный маг, — Эл покачал головой.

— Возможно, маг и отличный, но, как следователь, она весьма посредственна.

— Не хочу вас расстраивать, лорд Райдэл, но она о вас после нападения на госпожу Стиантон в плане исполнения ваших обязанностей,

тоже не лучшего мнения.

Кажется, в глазах Райдэла мелькнуло негодование. Наследнику никогда он не нравился, слишком прямолинеен, упрям и силен. Если бы не десятое поколение ожившей крови в Айдэле, именно род Стиа был бы царствующим, и не исключено, что сам Райдэл сидел бы сейчас в кресле отца.

К тому же он был другом Айдэла, насколько последний был вообще способен на дружбу и Элу казалось, что Стиа — единственный кому отец полностью доверяет.

Линормы разошлись в разные стороны, отвесив друг другу легкие кивки.

Алари

Голова болела очень сильно, очень — очень.

Раны под бинтами чесались, и от этого голова болела еще сильнее. Тело представляло собой огромный синяк, и даже пребывание в постели без вмешательства лекаря было пыткой.

Вот и приходилось мне, страдая и стеновая, шаркая ногами и кряхтя, бродить из угла в угол своей комнаты.

Запертой, прошу заметить!

Накаркала на свою голову!

Помню, ныла Яне, что не прочь на ее месте оказаться. Вот только что-то никто не спешил нести мне вкуснятины, платьев, приглашать на балы и допускать моих обеспокоенных родственников и друзей к моему бедному телу.

Легкий стук застал меня в развалку по-старушечьи проходящей мимо двери. Способность языком ворочить, слава богам, никуда не делась, и я прокаркала: «Войдите».

На пороге стоял Райдэл. Вот кого мне видеть хотелось в последнюю очередь!

— Леди Салито, вы в состоянии говорить?

А меня есть выбор?

— Конечно, лорд Райдэл! Проходите. Про самочувствие можете не спрашивать. И так все видно.

Он закрыл дверь и, сделав пару шагов, замер на середине комнаты, пару минут задумчиво меня изучая..

— Я сейчас для вас, леди Салито, не глава охраны, а представитель

Императора и его рода, — мужчина приблизился ко мне, и пришлось бедной леди Салито опять задирать голову до хруста. — Император, в силу обстоятельств, требует не разглашать то, что вы видели наследника за мгновение до взрыва.

— Я его не просто видела. Я уверена, что он и был его источником.

— В любом случае, прошу прислушаться к моим словам, — абсолютно безэмоциональным голосом сообщил мне линорм, но мне почему-то показалось, что он мне угрожает. Но разве меня можно было остановить после того, как мою шкурку чуть не поджарили?

— Он убил не менее двух людей!

— Двух воров!

— Один из них был ребенком! — мне стало неприятно, от его спокойствия.

— Вором, которого вы неоднократно выводили из-под бдительного ока правосудия в целях использования. Леди Салито, давайте не будем спорить. Вы же понимаете, это не просьба, это приказ.

Там, глубоко внутри зашевелился внутренний голос, умолявший не спорить с Высшими, но заноза в попе дала о себе знать.

— Я не думала, что вы будете покрывать преступника!

— Его будет судить царствующий над родами, — он сообщил мне это, как ребенку объяснял бы родитель, почему не стоит лезть пальцем в улей.

— Собственного сына?

— Да, собственного сына.

— Я не...

— Леди Салито, я могу попросить по-другому, — глава охран вдруг вскинул руку, пальцы обхватили мою шею и чуть сжали, а лицо с черными, как бездна ночного неба глазами, приблизилось к моему.

— Вы мне угрожаете? — прохрипела я.

— Я вас предупреждаю, — прошептали губы у самого моего уха. — Представители родов решат все сами.

Он разжал пальцы, и я чуть не упала на пол, до сих пор не веря, что он мне угрожал.

— И кстати, — послышалось уже у самой двери. — Откуда вам известно про таям?

— Про что? — я с остервенением терла шею, пытаюсь уничтожить следы пребывания его пальцев на ней.

— Про душевную связь? — он развернулся ко мне.

Вот только подойди! Всем, что есть, приложу, и будь что будет!

— У своей Антрацит спросите!

— Спрошу! — голос его был спокоен, но в нем чувствовался надвигающийся шторм.

Айдэл

— Я могу войти, отец?

— Да, проходи, — император опять закопался в бумагах.

— Лорд Райдэл сообщил мне о взрыве, но, полагаю, не все.

— Да, неприятный инцидент. Неосмотрительность следователя разнесла половину квартала.

— Известно, что случилось?

— Нет, от Салито, как рассказчицы, сейчас мало толку, а никто другой объяснить ничего не может., докладов во дворец чести не поступало. Ясно лишь, что был сильный пир. А ты где был? Я искал тебя.

— Я был у матери... Она... — кулаки Эла сжались. — Вы разошлись?

— Это было ее решение, — Император посмотрел на сына в упор.

Но все, что копилось в душе Эллинара последнее время\ превысило меру выдержки. Наследник взорвался. Глаза засияли тьмой, а по телу побежала рябь от потребности сменить ипостась.

— Зачем ломать комедию? Я не думал, что ты такой двуличный. Но уверился в этом. Ты бросил ее ради человеческой девки, с которой спишь. С первой же ночи. Я знал, что ты не сдержишься. Как же мало надо, чтобы нарушить собственное слово!

Уже зеленый линорм рванулся к императору, но встретил его уже не человек, а серый змей, и оба, выбив огромное окно, ведущее на балкон, взлетели в серое небо.

Айдэлу было больно, нет, не от ударов сына, их он легко блокировал, и молодой взбешенный линорм лишь зря тратил силы. Боль от справедливости слов наследника. Он действительно не сдержался. После танца Яны и Эла на балу, после попытки другого претендовать на нее, он себя не контролировал. И когда он пришел к ней в первую ночь, памятуя о том, какой испуганной она была тогда, в его кабинете, и какой счастливой на балу, он присвоил себе личину сына, так могли линормы одной крови. Но он был в ее тихом шепоте «Элом», еще надеясь, что сможет превозмочь это влечение.

Серый линорм, отбив хвостом очередную атаку, обхватил подлетевшего слишком близко зеленого, стиснув его, вырывающегося и бьющего хвостом, и «перешел».

На каменной площадке большого дома Ританы, а когда-то и Императора, врезался в стену ограды уже Эл, сплевывая кровь и мотая головой. Распахнув настежь дверь из дома выбежала Рита и рванулась к сыну, готовая сменить ипостась и встать на защиту даже перед царствующим, да что там, и перед богами.

— Эл, что случилось? — она упала на колени возле сына, который все еще не мог подняться. Звук шагов заставил ее обернуться и грозно зашипеть. — Не подходи! Попробуй только тронуть!

Айдэл замер.

— Он тебя предал! — воскликнул Эллинар. — Он пошел против решения родов, он в связи с таям-человеком.

Женщина закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Ты меня не слушал! Я полночи пыталась втолковать тебе, что это я ушла, сын! Я решила, что у Айдэла должен быть шанс.

— Полночи? — голос царствующего за спиной заставил мать и сына посмотреть на лорда Валкона. — Эллинар был тут ночью? Ты уверена?

Ритана удивленно уставилась на Императора.

— Я еще не сошла с ума!

Глава 14

Алари

Да что за издевательство такое?! Я им кто?! Аристократка и глава отдела по расследованию тяжких преступлений или простолюдинка без титулов и прав да еще и под арестом?!

Я металась по своей «тюрьме», насколько позволяло состояние, не раз уже провернув в голове мысль о Высших и их роли в случившемся. Возможно, многие из них совершали преступления, и, возможно, суд Императора, как царствующего над родам, и был суров. Но из трактатов по истории я не припомнила ни одного случая, когда линормы исчезали без следа, кроме ухода на «пенсию» или гибели. Хотя ящерицы умели быть скрытными!

А самое главное, что сделать я ничего не могу, иначе получу по шее ото всех: от Рапара, что смешно, до Императора, что страшно.

Стены начали давить на психику, вплоть до чувства, что я задыхаюсь. Тело не отставало — ныло ужасно, даже источник мерзко пульсировал, готовый в силу эмоционально нестабильного состояния, выплеснуть свое «негодование», а оно дворцу может влететь в копеечку, а я лично платить ни за что не собираюсь!

Выход нашелся быстро — за окном ночь и сад, и судя по тому, что огни не зажгли и не слышно любителей поздний прогулок, у меня есть шанс на маленький саботаж.

Загасив магические фонарики, я распахнула окно и прислушалась, действительно царила тишина, даже ветер решил, что сегодня надо бы отдохнуть.

Странно, а как же безопасность? Лорд-неудачник совсем зазнался?! Хотя ящеры, наверное, в темноте видят...

Через пару мгновений я была уже на земле, прыжок показал, что свои силы леди Салито явно переоценивала, но и сдаваться не собиралась.

Да, высокогато! Но планы то у меня самые великие — хоть немного ослушаться стражников. Обрато лезть, правда, придется поднатужиться.

Головная боль от лекарской магии и постоянных дум отпустила. Сладкий аромат ночных цветов, не потревоженный ветерком, принес несказанное облегчение после душной, запертой комнаты.

По вымощенным дорожкам сада я не пошла: во-первых, запала мысль

про ночное видение линормов, а во-вторых, кое-где маленькие фонарики все же освещали сад, и хоть свет их был скуден, рисковать не хотелось.

Как набрела на место, где напали на Яну, я даже не заметила, но оно до сих пор хранило отпечаток того случая: обгорелый ствол яблони никто не спилил, хотя трава уже вернула свои законные владения.

Я уселась под большой раскидистой ивой и закрыла глаза. Мне необходимо было собраться с силами, мыслями и немного расслабиться, стены моей темницы этому не способствовали.

Интересно, а почему никто не отразил в отчете, что убийца не был друидом, ведь магия их учеников действительно отличается «текучестью», а в квартире Яны он не использовал силу, кроме паучих способностей? И я могла неправильно оценить ситуацию. Странно все это...

Сосредоточиться мне мешало и то отвратительное чувство, что возникло после посещения лорда Райдэла. Не такие они чистенькие и прекрасные, эти линормы, как хотят показаться!

Наследник убивает людей. Возможно, даже действует против собственного отца. А мне как-то между молотом и наковальней быть не улыбалось. Райдэл, понятное дело, верный слуга Айдэла Валкона. Но пальцы главы охраны на моем горле до сих пор вызывали неконтролируемую дрожь.

Что-то отвлекло меня от тяжкий дум.

Мелькнул силуэт. Высший!

Я в панике даже дышать перестала, ища пути к бегству. Хорошо, что перед уходом натянула свою новую темную форму поверх сорочки и брюки, на форме нового покроя наличествовал капюшон, чему я была несказанно рада — цвет моей шевелюры бросается в глаза даже ночью.

Линорм не заметил меня, прошел мимо и замер на самом краю обрыва, где стояла скамеечка, ее скрывали от моего взгляда кусты ершовника.

Очень тихим сапом, почти задом на карачках я начала пятиться в сторону дорожки, ругая этих чешуйчатых демонов, на чем стоит свет, но мой побег был остановлен новым силуэтом, тот замер, прислушался, а я присела всего-то в паре метров от него. Но потом очередной Высший направил стопы туда же, где скрылся первый, к скамеечки.

У вас, ящериц, тут что? Слет? Нет! Сполз?

Тихий текучий говор донесся со стороны площадки перед обрывом, и я, крайне злая на всех представителей линормьего народа, конечно же, не могла пройти мимо и не подслушать. И вообще, должность у меня такая!

— Ты говорил, что не почувствовал! Что справишься! Я знаю правила, но ты ведь любил ее!

— Это дело ее и мое.

— Объясни! — взорвался весьма знакомый голос.

Наследник?!

— Я был в непосредственной близости от таям шесть ночей! Ты представляешь, что такое выспаться шесть ночей за столько лет?! Она ведь не приняла связи. Что-то подтолкнуло ее. Хотя на пускающую любого в свою постель она не похожа. Не знаю, как для нее, для меня это быть с ней — драгоценные секунды, когда можно отпустить поводья.

Император?!

— Все равно, это неправильно!

— Я знаю. Но и твоя мать приняла решение, не думая, каково мне!

— Вернись! Она сломается! В ее сердце уже достаточно боли!

— Я просил ее. Но она сказала «нет». К тому же я боюсь сорваться до того, как мы разберемся с тем, кто приложил ко всему этому руку. Тебе известно, что ни один десятый не доживал до моих лет.

— Тьма!

— Мне надо убрать Янину из столицы, что-то назревает. Пока она будет давать мне силы сдерживаться, это надо использовать. Дом в Альтере?

— Она отдала его жене того, кто во всем этом замешан.

— Какая сердобольная госпожа Стиантон. Выдай им дом попроще, а тот подари Янине. Там меньше магов и меньше проблем. И ты, кажется, обещал убрать Салтелита из столицы.

Наследник замолчал и в этом молчании присутствовало больше возмущения, чем в самой громкой и проникновенной отповеди.

— Ты думаешь, я буду тебе помогать после случившегося?

— Это не просьба о помощи, сам понимаешь.

— Тогда хотя бы прекрати использовать мой лик!

— Меня она боится, тебя нет!

— То есть я все-таки могу...

— Нет, уже не можешь.

Янину?! Яну?! Яна!

У меня аж уши заложило. Таям, связь, лик... Что за ерунда, Яна!

Мда... И, как я и подозревала, наследник целехонек!

Где же обещанная справедливость царствующего!

Однако события не дали окунуться в размышления с головой, зато предложили сделать это с проблемами.

За моей спиной послышался шорох. Кто-то шел не по протоптанной дорожке, а вдоль зарослей ершовника, в которых я и притаилась. Очевидно,

что встречи с новым собеседником мне не избежать. Он на меня просто наступит, либо заметит движение. В темноте видно не было, кто это, да и не важно. Этому приему научила меня Славуна, магиня из флангового ударного из Ораласа. Сильной она никогда не была, зато брала смекалкой.

Силуэт подходил все ближе, шел он, не таясь, линормы явно либо его ждали, либо предполагали, кто это, и не волновались. Я закатала рукав. А если это Высший, то мне предстоит эксперимент на выживание! Мужики пытаются доказать что мы, женщины, никогда не пойдем, что такое — очень сильный удар в пах. Предложила бы им родить, но пока сама не в курсе, каково это. Если честно в реальном бою не всегда изловчишься, ведь мужчины, а силуэт явно был мужской, инстинктивно защищают глаза и «детодающий» орган. Уж молчу про опытного воина. Тут главное — эффект неожиданности.

Я почти считала про себя, даже перестав дышать. Кровь шумела в ушах. Кулак полетел быстрее, чем сама сообразила, что чей-то сапог наступил на край темной мантии.

Реальность превзошла ожидания — силуэт дрогнул и рухнул лицом в землю, чуть не придавив меня. Парочка Высших явно шум падения услышала, но я, шевеля пятой точкой, уже удирала в кусты. Думала, что буду как объевшийся хомяк, прыгать до подоконника. Какой там! Я по стене взлетела, аки проворная ящерка, тьфу, не к месту сравнение! Скинув форму, даже успев ее аккуратно разгладить, растрепала волосы и прыгнула в кровать, опасаясь погони. Но вокруг стояла умиротворяющая тишина. В отличие от моей головы, куда приехал цирк.

Яна... Яна... спит с Высшим! Вот это номер!

Айдэл

— Дэл, убей меня, молю! — стонал Райдэл, прижимая к паху огромный кусок льда, лежа на спине, подтянув ноги к животу... посреди бескрайних ледяных просторов Ризгара.

— Зачем стараться?! С этим хорошо справляется твоя должность, друг мой. А ведь ты — глава охраны, — Император при всей серьезности ситуации сидел на камушке и потешался над поверженным другом. — Ты узнал, кто это был?

— Баба! Такое сделать может только разъяренная баба! Кулак маленький и как шило!

— Ты кому-то забыл подтереть память?

— Очень смешно. А! Тьма!

— А если серьезно?!

— Кто-то слышал ваш разговор, вот что серьезно. Если б я не наугад выбрал маршрут, вы о слухаче и не узнали бы. Придется проверить весь штат и гостей. Завтра займусь. Костяшки явно кто-то сбил, — зарычал линорм, — А до утра установлен запрет на выход.

Император усмехнулся, ловя себя на том, что до Яны ему эта эмоция была недоступна в силу переизбытка внутренней боли.

— Салито можешь отпустить, пусть делами занимается. Ты объяснил, что распространяться о Эллинаре не следует?

— Да, булка на ножках в курсе.

— Булка? — глаза Айдэла блеснули.

— Тебе для следователей пора нормативы ввести по физической подготовки. Хотя ей повезло, помимо щита Салтелита, еще свой собственный на заднице помог. Как больно-то!

— Я удивлен. С чего ты так на нее ополчился?!

— Она заявила Эллинару, что я не справляюсь со своими обязанностями.

Император запрокинул голову и захохотал, да так, что на него, кажется, воззрились горы, снег и месяц в небесах, что уж говорить о замершем лорде Райдэле. Отсмеявшись, царствующий хитро посмотрел на друга.

— В чем-то она права. Может, вас местами поменять? Из тебя выйдет хорошая ищейка, а из нее защитница. Если что, прикроет не только щитом Салтелита.

— Если бы ты не был царствующим — лежал бы уже на лопатках! — возмутился Стиа.

— Ты забыл добавить, если бы я не был десятым.

— В рукопашной ты никогда не был силен! — рявкнул синий линорм.

— Да, в этом ты — царствующий, — улыбнулся Айдэл. Встать можешь?

— Я... пожалуй, еще тут полежу.

— Ну, смотри! Надо узнать, что выяснил Эл! — тело императора взорвалось, осыпая снег искрами.

Ритана

У леди Валкон сложилось впечатление, что Древняя счастлива, когда та вошла к ней, протягивая руку, как сделала бы любящая мать своему

ребенку, ее лицо светилось, глаза играли лазурными переливами, а волосы покачивались в такт плавным движениям.

— Девочка моя, надеюсь, я не последняя, кто поздравит тебя! — в ее словах плескалась сама нежность.

Ритана была удивлена, никогда прежде она не видела полную загадочного очарования и спокойствия Морскую такой. Кажется, эмоции должны были исчезнуть в ней, унесенные водой прожитых лет, но нет! Она светилась и источала тепло. Ее ладонь сжала пальцы матери Эла, и линорм почувствовала, как внутри Древней кипит магия, как в Айдэле. Она видела такую бурю и в нем, но не могла дарить этому бурному морю штиль.

— Я даже не знаю, что ответить, леди! — женщина склонилась перед Морской.

— Дорогая, вы долго к этому шли, и я рада, что Айдэл принял правильное решение. Ваш ребенок станет залогом будущего процветания рода и носителем силы своего отца.

— Ребенок? — больше Ритану удивить было, наверное, невозможно.

— Конечно, носить его дитя даже тебе будет тяжело, но я помогу.

Руку Рита выдернула. Слова Древней неприятно царапнули, прозвучали насмешкой над ее потерями, пропитав, как губка кровью, из раннего сердца все существо леди Валкон.

— Вы ошибаетесь, я не беременна.

Мягкая улыбка на лице Мальди начала меркнуть, а глаза темнеть, становясь тем самым штормом, что бушевал внутри леди Валкон.

— Что? — ее голос был вкрадчив, но все чувства Риты среагировали на него, как на угрозу.

— Айдэл выбрал таям.

Лицо Древней превратилось в маску, не пропускающую ни единой эмоции. Глаза ее теперь следили за испуганной Ритой, но так с ленцой следит хищник за тем, кого он не тронет, нацелившись на более крупную добычу, и обдумывая план по ее «захвату».

Губы Морской скривились.

— Как непростительно я ошиблась, девочка. Жаль, — женщина, развернувшись, оставила Ритану, будто растворившись в сумерках.

Янина

— Прошу прощения, мастер Лотрик. Надеялась справиться сама, но, видимо, без вашей помощи не обойтись, — я улыбнулась пожилому

лекарю, которого записочкой попросила навестить меня спустя три дня после начала недомогания.

Пробуждение в руках Эллинара было приятным, но эта приятность быстро прошла, сменившись полным упадком сил и желанием таскать за собой всюду тазик, судорожно вспоминая, чем таким несвежим я успела полакомиться.

Еще и голова периодически мутнела, хорошо, что до обмороков больше не доходило, я к ним не склонна. Что скрывать, то забытье в руках наследника было, по сути, первым в жизни.

Мастер-лекарь Лотрик, был моим клиентом, после смерти его дрожащей супруги, которая, к слову, была аристократкой и имела небольшой дом в черте города, тогда-то я и познакомилась с этим уважаемым человеком, ставшим моим личным лекарем. Невысокого роста, седовласый с умным цепким взглядом и мягкой улыбкой он располагал к себе пациентов.

Его руки, сейчас окутанные легкой зеленоватой дымкой, скользили вдоль моего тела, слегка касаясь его пальцами.

— Ох, дорогая госпожа Стиантон, — мужчина улыбнулся. — Ничего страшного нет. Все, как говорится, идет у вас, как по маслу. Даже удивительно, еще и глазом не увидишь, а уже такая сила.

— Прошу прощения? — пыталась я попасть в рукав кофты и не расплескать содержимое желудка.

— Отец вашего ребенка — сильный маг, госпожа Стиантон. Вам требуется больше отдыхать и лучше питаться.

— Не понимаю, о чем вы?! — все еще сражаясь с непослушной кофтой, пробормотала я.

— Вы беременны, дорогая Янина. Срок маленький, но жизнь внутри вас очень цепкая и сильная!

Я рванулась в ванную комнату, отшвырнув так и не покорившуюся кофту, однако вылетела из нее также быстро.

— Прошу прощения, мастер, я не хочу показаться грубой, но вы говорите ерунду! Это невозможно, вы сами знаете мой... мою историю.

Мужчина покачал головой.

— Знаю, госпожа Стиантон, потому и удивлен не меньше вашего. Но факт на лицо. Уже неделю как вы носите в своем чреве маленького мага.

Я упала в кресло. Ноги не держали. Ощущения захлестнули, снося к тьме воспитание и сдержанность, в который раз за неполную неделю. Я боялась вздохнуть, вот сделаю это, и маленький комочек внутри испарится, так испаряется вода с листьев на солнце.

— Так вас поздравить, моя дорогая Янина? — улыбнулся старичок.

Я не верила, даже не осознавала до конца, но внутри все бурлило от переполнившего в миг счастья.

— И если... хм... у вас все, как надо, то присутствие отца будет облегчать ваше состояние. Ребенок чувствует ауру более сильного и в тоже время родного человека, «Бузить» будет меньше.

Человека? Человека! Но ведь, ведь, Эллинар — Высший!

— А ребенок, он — человек?

Мастер-лекарь, вытиравший руки после омовения в тазике с водой, удивленно воззрился на меня, но, видимо решив, что я от счастья тронулась рассудком, опять тепло улыбнулся.

— Человечней не бывает. Советую вам найти хорошую акушерку — магину. Чтобы она следила за вашим состоянием. Ребенок с такой мощью будет потреблять много ваших сил. И пускай мужчина, даровавший вам и себе такое счастье, бережет вас, госпожа Стиантон.

Он накинул сюртук, который по приходу повесил на спинку стула, и, подхватив чемоданчик, направился к двери.

— Но как это возможно, мастер Лотрик? — прошептала я.

— Если честно, госпожа Стиантон, я сам в раздумьях, мне потребуется время на ответ. Я бы мог предположить, что это какая-то новая магия, и ребенок лишь «пришелец». Но он ваш, в нем часть вас. Посему скажу вам совершеннейшую «антимагонаучную» глупость — раз в год и простая палка выпускает пульсар, прошу, только не обижайтесь.

Дверь за лекарем тихо затворилась. А я поймала себя на том, что согреваю ладонями живот.

И даже пришедший ночью сон не испортил эйфории, в которой я пребывала, совершенно забыв про дар, да и казалась мне ныне, что крошечное существо — мой самый верный защитник от всех невзгод.

... Аракиан хоронили с большими почестями в кругу рода и семей моих сестер.

Я, несмотря на обычаи, стояла рядом с отцом. После всего случившегося Каралас забрал меня из рода исчезнувшего Сальтирина. Да, для других это было вызовом воину Правой руки, если он вернется, конечно.

Потеря супруги отразилась на характере и внешности отца очень сильно. Лицо его постарело, глаза... В них раньше, невзирая на возраст, прекрасно уживались молодость, азарт, игривость, хотя он никогда не вел себя вызывающе, пользуясь уважением и почетом. Аракиан была для него ближе, чем собственное сердце.

А я себя ненавидела. Ведь из-за моей опрометчиво протянутой огневолосому руки случилось то, что случилось. Я гораздо легче приняла бы ненависть отца, чем опеку и заботу над недостойной дочерью. Каралас пошел в разрез с существующим укладом, он не имел права забирать меня от жен Сальтирина, ведь я роду своего отца больше не принадлежала, но, как ни странно, этим отец сплотил вокруг сЕмьи, куда были отданы все его дочери.

В день похорон я не чувствовала ничего, пустота заполнила, как холодный воздух наполняет комнату, если убрать ставни зимой, от него остынет очаг, покроются налетом инея стены.

Три страшных дня тянулись невероятно долго, еще мрачнее это время скорби становилось от заунывных песен плакальщиц, чей режущий душу вой о тоске оставленных и грусти ушедших, следовал за тобой по пятам всюду.

Когда я очнулась после обморока, то обнаружила себя в своей старой комнате под несколькими одеялами и шкурами, за окном царствовала ночь, мерцали звезды, осенью они кажутся пронзительнее и свет их становился «острее». Где-то вдали слышался шум шагов, лай собак.

На маленьком тюфячке у окна спала моя старая нянюшка, укутавшись толстым платком.

От рвавших меня же горьких воспоминаний не спасали одеяло и зажатый в ладони мой кинжал, предусмотрительно кем-то спрятанный под подушку, в постели оказалось страшно и неудобно. И я, стараясь не шуметь, выскользнула из комнаты.

Залы крепости пустовали, босым ногам было неприятно и холодно, но мне было все равно. Иногда попадались служки или солдаты, шарахавшиеся от меня, как от приведения. Дева в непотребном виде находилась: лишь легкая рубаха до пят, волосы распущены. Я, и правда, была очень похожа на призраков, о которых слухами полнится земля, и с радостью бы им стала вместо мамы.

Потрескивающие факелы в скобах, серый камень, а вот огромный зал, тот самый зал, где я, не подумав, вручила свою судьбу человеку с глазами цвета морской волны. Там, на столе, устланном черным полотнищем в окружении веток хвои лежала Аракиан. Свечи тихо потрескивали. Большой камин умер. И зал наполнился холодом. А вот сама фигура супруги отца будто светилась и источала тепло.

В молодости Аракиан была дерзкой и строптивой. Но отец, увидев ее первый раз и узрев ее восхитительное искусство, которым владели выходцы из Морских, был задет до глубины души. Он и она были молоды.

И она стала старшей, первой и, по сути, единственной. Остальных жен не менее шести для сильного воина требовали брать обычаи ради продолжения рода.

Аракиан это не нравилось. Она воспитывалась там, где пары едины на всю жизнь, не было и речи о том, что у мужа может быть несколько женщин. Ради Караласа ей пришлось унять собственную гордыню и характер. И он платил ей верностью в той мере, в какой мог, безграничным доверием и любовью.

Спустя десять лет, когда каждая из жен даровала ему ребенка, Каралас стал проводить время исключительно с Аракиан, но она так и не смогла понести. Однако, он выбрал ее, оставив иных в качестве скорее добрых знакомых, нежели тех, кого должен называть женами.

Трое из них умерли, включая мою настоящую мать, от болезней, которые тогда господствовали в Лакрасе. Две поселились в большом Луговом доме — крепости, среди полей пшеницы и раскидистых яблоневых садов. С ним осталась одна женщина, руку которой он не отпускал. Только смерть все равно победила...

Я почти сделала шаг в зал, но тихий разговор, настолько тихий, что слова были едва различимы, остановил занесенную ногу.

— Почему ты не запретил ей? — прошипел Каралас. — Должен был быть другой способ!

— Тебе ли не знать ее упрямство и любовь к Арии, — низкий раскатистый голос дяди не приглушал даже шепот, которым он пытался говорить.

Таралас был старшим братом моего отца, в прошлом сильный воин, он отрекся от мирской жизни, и все его существо было посвящено служению богам. Но брат часто посещал наше жилище, связь они с отцом не утеряли. С годами она даже крепла, потому что Таралас дарил мудрые советы и несколько осаживал папину буйную натуру. А мы были для жреца семьей мирской, с которой его сердце не могло расстаться.

— Мне так больно, Тар! Ты ведь понимаешь?! Ты один меня понимаешь! — судя по шелесту и звону, отец опустился на пол.

— Не намекай мне на любовь, Кар.

— Объясни мне, ради всех богов, зачем? — голос отца зазвучал глухо, будто он спрятал в лицо ладони.

— Она пришла ко мне с неделю назад и сказала, что знает причину помешательства Арии. Ее предки были из Морских, а там творятся чудные вещи, ведь там обитают Богоподобные. Морские поклоняются Воде, и Аракиан считала, что это он виноват в том, что случилось с Арией.

— Дракон? — голос отца наполнился трепетом.

— Да, Аракиан рассказала мне. Драконы иногда одаривают милостью тех, кто что-то совершил, или те семьи, откуда забирает женщин, возможно, чужак из них. Говорят, что Вода одарил Драконоподобных способностью создавать одну пару на всю жизнь. Мужчина избирал женщину и влиял на ее кровь своей. И она принадлежала ему. Возможно тут случилось тоже самое. Судя по состоянию Арии так и есть.

— Аракиан... Разве ее сила подобна дракону, чтобы снять такое проклятие?!

— Она сказала, что есть простой способ, но Ария не сможет сказать «Нет». И Аракиан не сняла колдунство, — тяжело вздохнул жрец, — она забрала его себе. Это магия слишком сильна даже для нее.

— Но зачем он это сделал? — взорвался отец. — Зачем хотел навредить мне? Наши интересы при государе не пересекаются. Зачем?

— Я не знаю, брат.

Отступить! Все дальше и дальше, пятясь, убегая от собственных мыслей и кошмаров.

Я летела по коридорам крепости, прикусив губу и завывая на ходу, точно раненая волчица. Ворвавшись в комнату, чем разбудила няньку, я упала в кровать и наконец-то заплакала, я так долго не плакала, что глаза отвыкли от жгучих слез.

И вот, спустя два дня, стоя возле огромного погребального костра в белом балахоне я смотрела на того, кто забрал мое проклятье. И молилась чтобы очередь к Весам Судьбы для Аракиан была короткой.

За последние три дня я не думала о Сальтирине, не испытывая ни ненависти, ни злости, ни той странной любви, что жила во мне все это время.

И вот погребальный костер расцвел ярким цветком, и вспыхнул, заключив в объятия тело старшей супруги Караласа. Плакальщицы все выли, как и моя душа.

Отец стоял чуть впереди, и когда пламя взметнулось к самым небесам, опустил на колено — знак великого уважения воину и жене.

Гул и топот вломились в мое сознание, когда больше двадцати вооруженных всадников, осадив лошадей, застыли возле площадки с костром, одним из прибывших был хмурый герцог, но с лошади первым соскочил тот, кто носил огненные волосы, такие же огненные, как костер, что возносил душу моей названной матери.

Сальтирин исхудал, черты лица его заострились, он стал старше. Его потускневшие глаза с безумной скоростью шарили по толпе, он искал кого-

то, и я вздрогнула, едва он заметил меня.

Воин Правой руки, почти легенда, подбежал ко мне. На его обнаженной мощной груди, а одет он был лишь в кожаный куртку, отороченную мехом, бился и переливался маленький фиал, который исчез в его ладони, мужчина рванул веревочку, удерживающую флакон и оказался возле меня быстрее, чем кто-либо из окружающих среагировал.

— Выпей! — его голос был хриплым. — Тебе станет легче. Эта Слеза Павшего.

Моя семья отпрянула от Сальтирина, будто от чумного. Но увидев мои глаза, сделал шаг назад и сам огневолосый.

И как гром среди ясного неба упали тяжким грузом слова отца:

— Сальтирин, Правый руки воин! Ты не коснешься более моей дочери. Ты виновен в ее безумии. Ты виновен в гибели в моей жены. Я бросаю тебе вызов!..

Глава 15

Алари

— Ларушка! Девочка! Все хорошо? — моя старая нянюшка, сжав в руках накрахмаленный передник, склонилась к сидевшей на стуле в маленькой гостиной мрачной леди Сальто.

— А? Да, Руша, все в порядке, — я похлопала женщину по руке.

Старушку, знавшую меня с рождения, это не успокоило, даже еще больше взволновало, но не имела она привычки переспрашивать, лезть в душу, как иные няньки, доживающие свой век при великовозрастных воспитанниках. Оттого еще больше я ее любила и уважала.

— Коляска ждёт.

Руша ласково коснулась моих волос: я даже не успела убрать свою гриву в привычную косу. В детстве няня, причесывая свою ягодку-егозу, напевала мне простую деревенскую песенку. Вот, мол, оно, мое богатство: глаза, что сапфиры, волосы, что солнце, походка лебединая, стать девичья, душа светлая.

Со всем, кроме волос, были проблемы, особенно с душой, в ней поселился густой сумрак.

Я до сих пор чувствовала его пальцы на шее и помнила тьму в его глазах. Райчик из объекта насмешек превратился в опасного врага, каким он и был, просто я заигралась, забыла, что лорд Стиа Райдэл — Высший, а такие, как он, страшная сила, с которой не спорят, подчиняясь беспрекословно.

Но образ мальчишки-воришки голову покидать отказывался. Как и жуткие глаза в том доме.

Наследнику было все равно! Высшим было все равно! Они всевластны. Они охраняют свои секреты, и я уверена — не раз уже прятались ящерицами концы в воду. И ради собственных целей людские жизни не имеют для них ценности. Если бы не подарок Джута его будущей невестке, я бы уже слушала в кругу красавцев с вином переливы арфы.

Лиго, конечно, был тем еще пройдохой, но пацана жаль. А себя особенно! Лиговский убийца и мой «покушенец» ходил, распоряжался, получал поклоны и кивки, и достать его мне не светит, если только кирпич приличного веса его по темечку не тюкнет.

А Янина! Вся из себя правильная и воспитанная госпожа Стиантон!

Она тоже оказалась не такой, как виделась. Никогда я не слышала, чтобы Высшие снисходили до людей. А на самом-то деле все наверняка было, только мы ничего не знаем! Я не знаю...

Разговор, подслушанный мною в саду, всплывал в памяти урывками и в одно целое не складывался. Императов, с кем вел беседу лорд Валкон младший, говорил о таям, но не как о пафосном «часть души», а будто о чем-то магическом. Волшебное принуждение? Вряд ли. Они такое не стали бы к себе применять. Хотя... Вспомнилась не к ночи упомянутая Антрацит. Использование ликов. Какие лики?

Голова шла кругом.

Пугало и такое быстрое «вышвыривание» леди Салито из дворца. Закралась мысль, что наследнику хотят дать добить за пределами его величественных стен того, кто может стать источником неудобной информации. От этого мурашки бегали по спине гигантскими стадами. Жить хотелось. Судя по мощи взрыва, я удара наследника не выдержу. Не выйду победителем из драки, так сказать! Тем более в облике линорма причинить Высшему вред крайне сложно. У меня больше нет спасительного медальона мага-защитника. Сделать можно, но такая вещь требует денег и времени. А уж если Император считает, что я могу навредить его сыну и их ящеровой репутации, то меня не спасет ничего.

— Ларушка!

— Да-да, иду.

Я прихватила с соседнего стула перчатки и шаль, которой никогда не пользовалась и в которую ныне куталась, как столетняя бабулька.

Выйдя из дома и сразу же нырнув в коляску (на улице моросил дождь) я поехала во Дворец Чести на встречу со своим «септмоксильным» дядей, выслушать пару ласковых фраз о собственном сумасшествии и прочие приятные нежности. Но к ним я была готова, а вот умирать еще нет.

По дороге до кабинета министра меня провожали хмурые взгляды поисковиков и начальников других отделов, причесанных против шерсти после взрыва в порядке профилактики. В кабинете же меня ожидал далеко не долговязый старикашка, а...

— Леди Салито, можете приступать к работе, — лорд Райдэл восседал за столом Рапара с отчетом моего отдела, судя по черной галочке на корочке.

Он был слегка не в настроении. Верите — нет, но я это чувствовала той самой занозой, что глубоко угнездилась в пятую точку.

Да, я склонна принимать решения порой поспешно и сгоряча, обдумывать их по прошествии времени... и все равно оказывалось так, что

первое было самым верным. Может это и называется интуицией. И увидев главу охраны, отличная мысль — лучше там, где проще, все-таки была признана самой приемлимой. Для меня. Мне хотелось туда, где не надо прикасаться к тайнам Высших и их хранить. Там, где можно сдохнуть, помереть, очокуриться, откинуть копыта, но сделать это в бою, таком понятном и простом. И отслужить надо всего-то чуть больше десяти лет, это без бюрократии, без игр, без вскакивания ночью от каждого шороха, без ощущения горячих пальцев на пульсирующей жилке.

— Благодарю, — я поклонилась и застыла возле большого кресла. — А где уважаемый министр?

— Вышел, — не отрываясь от бумаг, проинформировал меня линорм.

Исчерпывающе. Как и все, что они говорят. Я уж молчу про то, что они делают.

— Лорд Райдэл, прошение о переводе надо лично подавать Императору или письмом? Запомнела. Или достаточно передать уважаемому Рапару?

— К чему ьпклй вопрос? — линорм отложил папочку с отчетом и воззрился на меня.

— Ввиду моей некомпетентности я хочу подать прошение на перевод меня в Оралас на должность штатного мага, — пожалала я плечами.

— Вы шутите? — глаза бескрылого подозрительно сощурились.

— Нет. Я передам все измышления Миртаку. Он — парень толковый. У меня даже было время написать ему полный отчет о проделанной работе. Остальное я постараюсь доделать в течение месяца. К тому же мне надо продать...

— Испугались моей просьбы? — прервал мои измышления линорм.

— Не люблю угрозы особенно в форме приказа! — мы смотрели друг на друга: он старался просверлить дырку по центру моего многострадального лба, а я задумалась о том... что, демоны забери, Джут — отличный мужик.

Я посмотрела на друга совершенно другими глазами, когда он залетел в мою больничную «камеру». Как он этого добился, даже для меня осталось тайной. Может это ловушка. игра или попытка смягчить вредную магиню. Но его было несказанно приятно — видеть его, странное это чувство — обнаружить, что ты кому-то небезразлична. Я — не эталон: не милая, не красивая, и старовата уже, и сильновата и, слегка независима, и очень...вредная... Я... у меня... работа... и планы... Но мою головушку в тот момент посетила малодушная мыслишка, что хочется иметь своего защитника, друга, сильного мужчину рядом! Никогда Джет не смотрел

таким взглядом и с таким чувством не говорил обо мне, как его брат о Яне. Хотя друг был в тот приход растерян, несчастен и даже зол. Но я смотрела на него, кружившего по комнате, и понимала, что вот с этого момента оказаться в Ораласе хотелось немедленно и желательно в момент нападения ристархов, так чтобы, и правда, отправиться к вину и красавцам с улыбкой на губах, вложив все в один удар.

— Император не отпустит, сейчас, по крайней мере, — просветил линорм.

— Ему нужен толковый следователь, у него он будет. Я не отношусь в данной категории.

— Вы боитесь?

Мне показалось, что он готов ухмыльнуться, порадоваться своей победе.

— Да, лорд Райдэл, я боюсь! — я сказала это также тихо и сказала правду. — Боюсь, что наследник захочет прикончить того, кто видел его в момент взрыва.

Светловолосый тяжело вздохнул и, швырнув пачку бумаги на стол, встал из-за стола Рапара, где по- хозяйски расположился.

— Мы еще не ввели вас в курс дела, леди Салито. Тот, кого вы видели, не был наследником. Кто-то принял его лик.

— Прошу прощения?! — да что за бред!

Облик мужчины задрожал, и я почувствовала весьма нехилый магический всплеск, подавив в зародыше вбитое годами тренировок желание ударить первой и отпрыгнуть. Ветер «сдул» с него образ смазливового красавца, и передо мной стоял... Элькарас, впрочем, не менее смазливый.

— А... как? — округлила я глаза.

Магический ветер вновь заиграл вокруг ящера, и опять порывом ветра подхватило лик военного советника и линорма крепости Оралас, и на его месте стоял, как и полагалось, глава охраны замка.

— Мы — маги и оборотни, леди Салито, и можем принимать облик того линорма, с кем имеем общую кровь. Советник Элькарас — мой дядя.

— Независимо от пола? — я была под впечатлением.

— Независимо. Об этом, как вы понимаете, тоже не надо распространяться.

— Своим доверием вы меня все больше впутываете в свои делишки.

Он обошел стол и опустился в кресло рядом со мной.

— В доме был не Эллинар Валкон, тому есть неопровержимые доказательства.

Конечно-конечно!

— И какие же?

— Вас это не касается, так как не имеет отношения к расследованию. В какой-то мере это разглашение внутриродовых тайн.

— Прощение будет отправлено завтра, — я встала.

— Алари, — вздохнул линорм, — я предлагаю вам отбросить наши... хм... разногласия и найти того, кто чуть не отправил вас к прародителям и того, кого мы не можем вычислить в собственных рядах, род Валконов весьма ветвист. И все теперь под подозрением. По окончании расследования можете делать, что пожелаете, но пока я не вижу смысла посвящать во все кого-то другого. Если вы опасаетесь за свою жизнь, можете не волноваться, вы находитесь под моей опекой.

— Как госпожа Стиантон? — наглость родилась вперед меня, а, соответственно, и вперед инстинкта самосохранения.

— Вас, так и быть, одну даже в ванную комнату отпускать не будут, — с совершенно спокойным лицом выдал мне Райчик.

— Пожалуй, там я справлюсь одна, — пробубнила я.

— Так мы договорились? — он встал и протянул мне руку, я же хмуро уставилась на линейку, игнорируя эту самую руку, что, конечно, противоречило всем правилам приличия и сохранения жизни.

Слава богам, это Райдэла не смутило.

— О, вы уже поговорили! — в кабинет семимильными шагами влетел, потирая руки, Рапар. — Ты бледная, Алари. Наверняка лекарские указания игнорируешь?

— Леди Салито готова к работе, — выдал будничным тоном глава охраны.

От такой наглости я едва не икнула.

— Отлично! — родственничек на меня даже не взглянул, и склонился над стопкой бумаги, выискивая в кучах труда магических ручек и чьих-то мозгов какой-то документ. — Отчет по осмотру места взрыва. Вам это покажется любопытным!

Янина

Я никогда не слышала о том, что у Высших и людей были близкие отношения, тем более дети. Ни один источник не говорил о том, что это имело место быть в нашей истории. Это нереально, невозможно, как и зачатие мной ребенка.

Оттого вопросы без ответов наводили ужас. А может дети не рождались, гибнув в утробе? Или Высшие могли сделать все, что угодно. Убить? Отобратить?

И эти размышления заставляли дрожать от страха и ярости, предвидя приход Эллинара, так, по рассказам лесника Арти, медведица реагирует на появление возле своего медвежонка взрослого самца. И если лесная царица еще может победить, я-то проиграю.

И самый главный вопрос! Если Высшие — маги, могут ли они почувствовать наличие ребенка-мага во мне? Этот вопрос заставлял расчесывать в кровь костяшки пальцев, сидеть с отрешенным лицом на работе, забываться, так однажды я чуть не попала под экипаж, несущийся по улице.

Каждую ночь четыре дня с момента, как узнала о своем положении, я слышала дыхание линорма, чувствовала горячую руку на животе. Мой страх заставлял молчать, делать вид, что сплю. Теперь ночи с ним не казались сказкой, с одной стороны. А с другой, благодаря Эллинару, во мне росла маленькая жизнь! Мой подарок богов, судьбы, о котором я так просила и не чаяла получить. Мое прощение. Хоть какое-то искупление.

Крайняя степень эмоциональности, как не парадоксально, не приоткрыла дверцу дару. Он спокойно спал, не мучая меня видениями и ужасами. Но все это колебало мое настроение, как маятник, от эйфории до паники.

Четвертая ночь стала для меня переломной, проснувшись, я обнаружила рядом Эллинара. Даже во сне лицо его, освещенное светом луны, полностью не расслабилось. Хмуро сведенные брови и бегавшие под веками с длинными темными ресницами глазные яблоки выдавали беспокойный сон. Он уже готов был метаться по постели, когда я положила свою руку на его щеку, испугавшись, что он может ударить по незащитному животу. Он замер, расслабился, и, повернув голову, лег на мою ладонь щекой. Утром на моем прикроватном столике обнаружился договор на тот самый дом в Альтере. А рядом в конверте лежало письмо. Бумага, исписанная изящным почерком, ставила меня в известность, что госпоже Дайвокари вернули в качестве милости дом, купленный Салисом.

В то же утро я поехала к мастеру Лотрику. Он, слава богам, был дома.

Моя бледность и испуг, который скрыть было невозможно, удивили лекаря. Мужчина, придерживая меня за плечи, провел в уютную гостиную и усадил на стул, позвонив в колокольчик, попросил заглянувшую экономку принести чаю, чашечки с которым закрубились через пару минут ароматным дымком на столике.

— Дорогая госпожа Стиантон, что случилось? Вам нездоровиться? — он участливо посмотрел на меня.

— Нет, уважаемый мастер Лотрик, все хорошо. Я к вам... по очень деликатному вопросу.

— Я слушаю вас, — лекарь сплел пальцы и приготовился внимательно слушать.

— Возможно ли, что... Нет! Разрешите мои сомнения, мастер Лотрик! Может ли отец ребенка, будучи магом, почувствовать, что я беременна? — и добавила — Очень сильного мага?!

Мужчина запустил руку в свою седую гриву и вздохнул.

— Вы простите меня, Янина, я по-стариковски скажу прямо. Нравы молодежи поменялись. Вы — молодая женщина. Да еще и с вашим диагнозом. Вы вполне могли позволить себе все, что угодно. Но не похожи вы на вертихвосток, что бегают за знатными мужчинами и становятся содержанками. А маг ваш, он сильный, такие наперечет, и все женаты и все — аристократы. Уж подумал, что ошибся в вас, но ваша искренняя радость. Это дар богов, особенно для вас. Содержанки не радуются ребенку.

Я удивленно воззрилась на лекаря. А он похлопал меня по руке и улыбнулся.

— Ни один маг, если он не лекарь, не почувствует на таком сроке ребенка. У вас есть право выбирать: говорить или нет.

— Спасибо! — по щекам побежали слезы. Я вскочила, желая обнять лекаря и упала, зайдясь в крике.

Мой дом, тот в котором располагалась моя квартирка, пылал, пламя рвалось к небесам, ревя как линорм. А из огня раздавался плач ребенка! Моего ребенка! Я тоже кричала от безысходности и боли.

Дар! Мой дар никогда не был так ясен, и ужасен в своей точности. Никогда этого не было вне сна. И все это торжество смерти огласил рев истинного линорма, победный, счастливый.

— Янина, тише, вдохните это! — голос Лотрика пробился сквозь ужас, сковавший тело и разум.

Уходить. Надо уходить! Надо бежать! Если узнают, меня уничтожат. Уничтожат мою маленькую надежду! Мое сокровище!

— Яна, я вас осмотрю! Полежите тихо! — мастер Лотрик засуетился.

— Нет! Нет! Все... все хорошо! — я оттолкнула руки лекаря и вскочив, выбежала из его дома.

Не помню, как бежала по тротуару, на котором появились первые осенние листья, не помню, как ловила коляску, как извозчик при виде меня гнал, как сумасшедший.

Я влетела в гостиную квартирки, с такой силой хлопнув дверью, что пошатнулась любимая ваза на столике и, описав круг на тонкой ножке, встретилась с полом, разлетевшись тысячей осколков, точно слезами.

Но испугано застыла я не потому, что разбился подарок матери, а потому что посреди гостиной стояла, сложив на груди руки, Алари Салито. И лицо ее не предвещало ничего хорошего.

Глава 16

Айдэл Валкон

Райдэл устало опустился в кресло, глядя на друга.

— Ты чувствуешь это? — черные провалы глаз десятого мага изучали главу охраны.

— Ты о дрожи? — кулаки Стиа сжались.

Райдэл кивнул, он чувствовал, всем своим звериным существом ощущая низкий гул приближающейся беды. Вот уже дня три точно. От этого чувства хотелось, поджав хвост, убежать, зарыться, спрятаться. Только присутствие Антрацит чуть сглаживало этот внутренний зов. Хотя сегодня его чуть погасила Салито, «следачка» так смотрела, умудрившись слить воедино страх, испуг, желание биться, даже ударить по нему, что даже стало жаль Райдэлу того, что «отношения» с таким уровнем должностных лиц под запретом, ибо стирание памяти таковых повлекло бы неприятные последствия, это не бестолковые расфуфыренные обладательницы титулов и привилегии попадаться на глаза линормам.

— Я сейчас, как никогда, благодарен Янине за ее существование. Без нее это свело бы меня с ума, — Император отшвырнул нож для бумаги и, обернувшись, застыл у окна.

— Что-то грядет! Сильный магический удар! Полагаешь по столице? — проговорил Стиа.

— Нереальное количество силы! — покачав головой, согласился Император.

— Враг силен. Тот, кто был в доме? — задумчиво сообщил Райдэл. Это была их игра, цепочка размышлений. Их научила этому Мальди.

— Тот, кто владеет схожим со мной пламенем, судя по осмотру магами места взрыва, — кулак Айдэла сжался.

— Тот, кто, возможно, даже сильнее тебя, — тихо сказал Райдел.

— Тот, кто имеет общую со мной и Эллинаром кровь. И, возможно, не было ликов. У Салито было мало времени и мало света.

— Тот, кто похож на Эллинара? Айльдир?! — Райдел аж привстал в кресле. — Ты считаешь, что он жив?

— Слеза мертвеца... — прошептал Император.

— Прости? — удивленно поинтересовался глава охраны.

— Она дала мне слезу мертвеца, — резко повернулся Император к

другу. — Древняя.

— Ты думаешь? — в голосе Стиа скользнул почти благоговейный ужас.

— Не хочу верить. Не понимаю мотивов. Не вижу доказательств.

— Невозможно! Нет сил на этой земле, способных воскресить неживое. А то, что Айл мертв, я уверен! — Райдэл встал рядом с другом. — Хотя... Знаешь, что поведала мне после взрыва Салито? Она, правда, была почти без сознания, но успела брякнуть, на мой взгляд, чушь — она сказала, что у того линорма в доме не было души.

Царствующий долго молчал.

— Древняя пришла к Рите пару дней назад, — Айдэл уперся руками в стекло, — поздравить с нашим ребенком...

— Ритана? — Райдэл удивленно взглянул на друга. — Так это же отли...

— Она не беременна, — поджав губы, прервал его Император.

— С чего тогда Древняя взяла?

— Не знаю, — Айдэл тяжело вздохнул. — Ступай в Ризгар. Угроза может идти только оттуда. Другой мощи в этой части континента нет. Драконы слишком давно ушли, друиды слабы. Я оставлю на себя столицу.

Янина

— Леди Салито!

Она же пиро, она работает на Высших. Боги, может это уничтожит мой дом! И моего...

— Да, госпожа Стиантон, вот уже двадцать восемь лет, как Салито, — медоволосая женщина была не в настроении. Бледная, чуть растрепанная, кутавшаяся в толстую бежевую шаль. — Уж прости, пришла без приглашения. Хотела посмотреть, кто же ты на самом деле? Так сказать, с личным взять.

— Прошу прощения? — от ужаса все внутри сжалось.

— Может, поведаешь, каково это спать с Высшими? Мы, простые смертные, как бы это поделикатнее сказать, не в курсе. О таком нигде не пишут, а может нам понравилось бы?! Какие у них критерии отбора? И за что же на вас покушались, госпожа Стиантон? Конкурентки? Таям — милая кличка или что-то большее?

— Что за чушь вы несете?! Какие критерии? Какая таям? — я была испугана до дрожи и начала пятиться.

— Они не рассказали тебе, девочка, — мы разом повернули головы к в сторону двери, где стоял ныне, придерживаясь за косяк, привратник Арти.

Я удивленно воззрилась на него, леди Салито хмуро сжала кулак, загасив, материализовавшийся за мгновение до этого, пульсар.

— Как это в их духе! Они начинают чувствовать себя богами, старые легенды гласили, что раньше драконы пугали их, но сейчас после тысяч лет единовластного правления...

Я с удивлением заметила, как болью наполнились его глаза.

— Кто не сказал? Чего не сказали?! — я опустилась на край стула, ноги не держали.

Арти тихо закрыл дверь и, приблизившись ко мне, опустился на стул рядом, закрыв лицо огромными мозолистыми ладонями, но слеза, все же, успела скатиться по щеке.

— Они не рассказали тебе о таям, — Арти, как ребенок, вытер лицо ладонями и посмотрел на меня полными слез глазами. — И никому не говорят. Это же касается только Высших, ну эльфов еще, как я потом узнал, и совсем не касается таких букашек, как люди, лесники, гномы, тех, кто мало живет в сравнении с ними и, на их взгляд, с очень грубыми душами. Тот змей прямо так и сказал моей Атише, — он опять уткнулся в ладони. — Я не сильно образован, но как понял, расскажу,! Таям — связь сердец. Если примешь, задружишь или полюбишь, то бишь, в ответ, будешь чувствовать его боль, а он твою, ты его радость, а он твою, где бы ты не была. Навроде если разного полу, то это самая большая твоя любовь в жизни, ради нее можно бросить все: семью, дом, друзей. Моя Атиша...

— Атиша — ваша... ээ... жена? — поинтересовалась Алари почти шепотом.

— Да. Я любил ее так, что ни одна связь не сравнится. Но тут появился Он. Я так мечтал потом встретить его и просто посмотреть в глаза, но тут, в столице, он не живет. Он появился в нашем городе по делам, они ж у нас древесину закупают для судов. Только змея может почувствовать свою таям, или другой змей, а потом ему рассказать. Я не знаю, кто там, что и кому сказал, но моя Атиша оказалась таям этого страха. Моя красавица с волосами, как черная смерть (нефть), высокая, статная, а как она пела. Мы только поженились, я тогда лесорубом был при большой гильдии, зарабатывал хорошо, и жили душа в душу, ей было всего двадцать, уже хотели ребятенка завести. И тут он, лорд этот. Увидев его, она вся замерла, задрожала, точно собачка пошла за ним. Он ее будто за веревочки дергал, как кукольник в балагане. Она все забыла, видела только его. Часто под окнами управителя нашего стояла, даже в дождь, а ему там покой

выделили. Он с ней встретился все-таки, хотя избегал всячески. Но, может, екнуло, что доброе и в нем. О чем он говорил, мне неизвестно. Нет, надо отдать ему должное, он ее и пальцем не тронул. Говорил, что есть такая связь, но она не сильная и с его уходом пройдет. А они, Великие такие, обращают свой взор только на себе подобных. Себя он с ней связать не может. Хотя, я так понял, ему тоже больно было ее отвергать. Но, боги, не сильно и недолго. Он уехал, а моя Атиша... Она осталась со мной, и вроде все хорошо было, но она сгорала, все тянулась к нему, но сил ее слабеньких не хватало. Умерла она в 30 лет, так и не зачав, с годами становясь все более молчаливой, закрылась ото всех. Она, которая так любила песни, гулянья, любила на людях быть! — плечи лесника дрожали. — Я так считаю, раз они магию эту придумали, они и должны за нее платить, а не люди, не такие, как Атиша, не такие, как ты.

Он замолчал, опять спрятав лицо в ладонях.

— Арти, — тихо позвала я.

— И ты, ты, девочка, тоже таям! — всхлипнул он. — Правильно тебе все она сказала, — ткнул он пальцем в Алари.

— Откуда вы знаете? — в голосе леди Салито засквозили нотки вставшего на след поисковика.

— Так слышал я, змей лорду твоему, другу, темноволосому пояснил.

— Лорду? — я удивленно посмотрела на Алари.

— Джут, — прошептала та одними губами, бледнея.

— Тебя дома не было, а он, змей этот... — кулаки Арти сжались — Лорд твой тебя повидать пришел, и они столкнулись, хотя показалось мне, что змей его специально ждал. Лорд — маг хотел что-то сделать, да только тот, что с волосами из серебра, чем-то пригрозил, что-то о его семье сказал. И если он что расскажет кому, то всем плохо будет.

— Джуту? Наследник?! — мы с Алари были в шоке.

— Я тогда подумал, что он этого так не спустит, не должен он этой змеи бояться. Навроде, только из-за семьи. А потом вспомнил, как в Навесе змей хвостом своим вдарил по подходившим кораблям ристархов, точно лава прокатилась по воде. Пар и мертвяки. Вот что осталось! Боги!

Дыхание перехватило и у меня и у леди Салито.

А с губ леди сорвался вопрос:

— Она Эллинара?

— Не знаю я, как их, Великих, зовут! — заговорил старик. — Но серебряный сказал, что ты для Айдэла.

— Императора! — ноги леди Салито все-таки не удержали, и она уселась рядом со мной на стул.

— Только он, так же, как и тот с Атишей поступил, если не хуже. Серебряный сказал, что ты его. Тебя отдали навроде игрушки ему. И что тебя все устраивает. Сказал, что ты скоро уедешь подальше от столицы, где и будешь жить, как содержанка. Навроде как глаза твоему таям не мозолить.

Я наклонилась и погладила ладонь Арти, молча, встала и пошла в комнату, где на столике лежали бумаги — дарственная на дом в Альтере.

Если бы я могла, наверное, примкнула бы к друидам и растрясла весь демонов улей. Если бы могла... Но, слава богам, бодатой корове и без рогов хорошо, да и без мозгов, как жизнь показывает, лучше!

Чемодан и пара узлов, книги и платья, деньги.

Дом! Надеюсь, вы оба подавитесь своими дарами, господа Валконы. Сгорите в своем огне!

Если бы вы узнали о ребенке, меня точно ждала бы смерть.

Взяв перо, я зачеркнула место своей подписи, это означало отказ от договора.

Три коротких письма: подругам о срочном отъезде, заявление на работу с просьбой уволить с сегодняшнего дня в связи с необходимостью переезда к родителям, и одно родителям, что когда будет возможность — напишу.

Главное, чтобы Джуту не вредили, этого я допустить не могла.

У меня же теперь будет о ком заботиться. Наследничек явно на такое не рассчитал, но он не знает, и Император не знает. Им такое и в голову не придет. Деньги есть, не зря я столько лет пахала.

Бежать!

Спасать мою малышку, почему-то я была уверена, что это девочка, спасать себя, Джута. Так что, пропадите, Высшие, пропадом! Видеть вас не могу, слышать не могу, знать не хочу. Может вы и правы, что людей своими таям не делаете, только нашей грубой душе духу хватит плюнуть в лицо тем, кто пытается вытереть о нас ноги, как бы слабы мы не были по сравнению с обидчиками. Содержанка! Нет! Рев линорма из видения бился в памяти.

Алари тихо подошла к входной двери и замерла, даже не обернувшись к нам со стариком, все еще сидевшим на стуле, погруженным в свои мысли.

— Когда я была во дворце, то слышала... один разговор. Я, если честно, не возьмусь теперь сказать, что все поняла верно. Кажется, наследник, действительно говорил о тебе, как о таям. Но, а хотя какая разница теперь, — женщина повернулась к нам. — Вот почему Джут выглядел таким потрясенным, — горько усмехнулась леди Салито.

— Приглядите, чтобы он... Чтобы с ним ничего не случилось. Пожалуйста, — взмолилась я, прекрасно понимая, однако, что если полезет в это дело еще и Алари, могут произойти страшные непоправимые вещи.

Леди Салито посмотрела на меня задумчиво и вышла, не сказав ни слова.

Я же для себя решила, что чем быстрее я уйду, тем лучше. Не было во мне доверия теперь никому. Мы так мало знаем о Высших. Алари права, что даже уважаемый мастер Лотрик может ошибаться, считая что почувствовать ребенка отец не сможет. Единственной мыслью было спасение моего дитя, ничего важнее этого не было.

Таям, ложь не имели значения ныне. И если временами мне казалось, что Эллинар мне необходим, то теперь... Там в видении линорм, кажется, радостно танцевал в пламени.

— Я уезжаю, Арти!

— К родителям? — удивился мужчина.

— Нет. Теперь они могут пострадать, — я инстинктивно погладила живот, отчего глаза лесника расширились.

— Возьми меня с собой. Я — сторож хороший и по дому помогу. Все не одна будешь, Иртанит хорош, но даже тут одинокой молодой женщине небезопасно ездить одной. Хоть как-то уберегу тебя.

Я подошла и обняла старика.

Через два часа Арти пригнал коляску с послушной серой лошадкой, известил соседей моих снизу о своем уходе и даже успел собраться.

Я даже квартиру не стала запирасть, ведь Эллинар наверняка придет ночью. Высокие лорды, везде вам уважение и почет, заходите, будьте как дома!

Перед самым уходом меня вдруг осенила мысль. Я достала из ящика письменного стола кинжал друида, которым он чуть не полоснул мне по горлу, и который Император мне подарил, чтобы «помнила его милость», и пошла в свою спальню. Намотав мою гордость — длинные волосы, я резанула хвост почти у самых корней и швырнула их вместе с ножом на кровать. Надеюсь, это скажет красноречивее всяких слов.

И уже на закате мы вылетели из города. Я несказанно обрадовалась Арти своим желанием поселить в Стависе — городе на северо-востоке области Шерер, там, у моих дяди и тети был старый дом, полученный ими в наследство, жить в нем, правда, никто не собирался. Жители Дора не любили холодные северные леса и горы, уходящие под самые небеса.

Я это прекрасно знала, а вот они уже за давностью лет и малой ценностью подзабыли, а представиться госпожой Диларион труда не

составит: у дяди и тети дочка — моя двоюродная сестра, Танисса, почти одногодка со мной. А с остальным разберемся.

Дождь шел за нами по пятам, накрыв столицу сплошной стеной.

В ту же ночь в большой людной таверне на тюфяке пахнувшем свежей травой и осенью я увидела продолжения сна, очень надеюсь, что и его оставлю далеко позади. Позже я все же внесла его как и предыдущие в дневник, и как показало время сделала я это не зря.

...За спинами, впившихся друг в друга взглядами мужчин, бесновалось пламя костра, те самые врата, что открывают душам умерших путь к богам. Маленькое мое человеческое сердце заняло в предвкушении беды. Сестры рядом напряглись: средние искали поддержки мужей, старшие... они видели Сальтирина на поле боя и знали отца и его силу лучше меня. Я же была слишком далека от битв и магии, но одного взгляда на старшую Миану, было достаточно, чтобы понять — для отца это приговор.

Только теперь мне чуть приоткрылась завеса тайны тихих разговоров Караласа и Аракиан о нем. Только теперь в памяти закопошились воспоминания о том, как огневолосый заслужил благоволение герцога несколько лет назад, уничтожив отряд вражеских магов соседнего королевства, вторгшийся на территорию Лакраса. Сальтирину прощалось и разрешалось больше других. Так всегда, тот, кто-то близок к драконам и линормам, вызывает в окружающих чувство трепета и даже страха, а с учетом того, что умения Сальтирина выходили за привычные рамки, за грань понимания, чувства эти только усиливались.

Огневолосый молчал, слова Караласа удивили пребывавшего еще в возбуждении после скачки и в смятении от моего «оправившегося» вида Сальтирина: едва оказавшись возле меня его ладонь легла на мою щеку, а глаза были полны неверия, скляночка из драгоценного стекла выпала из пальцев и зазвенела по камням, устилавшим погребальную площадку. Сосуд не разбился, наверняка, магия помешала хрупкому стеклу познать твердость камня.

Я смотрела в его глаза и чувствовала себя потерявшейся в далеком краю, где океан бьется о высокие скалы, где ветра раздувают паруса гномьих кораблей. Волосы Сальтирина слились с пламенем, бушевавшим за его спиной, сами стали огнем, ореолом. Он вдруг показался мне тем, о ком я слышала столько рассказов и сказаний, Драконоподобным полным магии и силы, и чтобы скрыть смятение я опустила глаза.

Догадка о том, что воин проделал что-то невероятное, чтобы принести мне этот пузырек, и возможно спасти жизнь, была задвинута далеко при мысли о возможной гибели отца.

Каралас тяжело дышал, пламя жило и внутри него. Такое же ревущее и неудержимое, полное боли, ему еще надолго хватит дров — воспоминаний по ушедшей Аракиан.

А я не могла скинуть оцепенение. Представить, что отца не станет, было невозможно. И больше уже не задумываясь об обычаях, чести и позоре, обязанности женщины без дара помалкивать, я рванулась к противникам, встав между ним. Оба оторвали взгляды друг от друга и обратили взоры на меня.

— Прошу вас, заклинаю... — я сложила руки и умоляюще посмотрела на Сальтирина. — Вы же можете отказаться? Прошу, не отнимайте у меня отца!

Я не говорила, я истово молилась, готовая упасть на колени, сделать все что угодно, чтобы огневолосый отказался от поединка. Бряцание оружия заставило меня смахнуть слезы, застилавшие глаза. Рядом остановился герцог.

— Ты уверен в своем решении, Каралас? — герцог был в печали, ведь он тоже не верил, что отец сможет победить чужака.

— Ария, вернись к роду, — тихо, но сурово приказал отец.

Но я уже закусил удила. Потерять отца теперь для меня было равносильно смерти. Боги, зачем я отдала свою руку Сальтирину?!

— Государь наш, — обратила я заплаканное лицо к Борталу, — прошу, останови это безумие. Молю тебя.

— Я не могу, дитя. Если Сальтирин не примет вызов, это удар по его месту в круге, твой же отец бросил вызов, а ты знаешь, он не может отказаться от своих слов. К тому же он забрал тебя из рода мужа, на что права не имел.

Герцог пристально посмотрел на Сальтирина. Тот уже справился с удивлением и сейчас глаза его сияли, и в них явно присутствовала решимость и... сожаление, причем последнее было обращено ко мне.

— Выбор был твой Каралас! Я принимаю вызов! — слова Сальтирина хоть и были сказаны тихо, но слышали их все присутствующие.

Отчаяние снесло меня гигантской волной, такой, что рушит скалы и уносит их в пучину. Я шарила взглядом по лицам в поисках спасения и помощи.

— Мой государь, есть способ не дать поединку свершиться и примирить воинов, — к нам, замершим, подошел Таралас, тяжело опираясь на посох, изрезанный рунами. — Боги дали нам обычай избежать позора. Но согласится ли на это Ария?

— На все согласна! — кинулась я к дяде.

От фигуры Верховного Жреца повеяло холодом.

— Маг, желающий примерить стороны, мог бы сразиться на выбор с тремя воинами Левой руки. Но ты — обделенная, Ария, и можешь лишь принять позор воинов на себя.

— Я даже слушать этого не буду! — рявкнул Каралас, схватив меня за локоть. — Тар! Твои благовония лишили тебя разума? Это моя дочь! И благодаря ему, — кивнул он в сторону огневолового, — она безумна.

— Твоя дочь хочет спасти твою глупую, старую голову и честь рода, и раз боги лишили ее разума, решает ее сердце, — Таралас ударил посохом о камень под ногами, высекая искры наконечником, знак того, что никто не имеет право спорить с Верховным Жрецом.

— Дядя, — я упала на колени и ухватила край одежды жреца, с этого момента я была неприкосновенна, рука отца отпустила мой локоть, но почтительного шага назад Каралас не сделал.

— Ты можешь принять их позор, но лишишься рода, твое имя будет вычеркнуто из всех источников, ты покинешь Лакрас, но перед тем как ты уйдешь, ты вытерпишь двадцать плетей. Дань непролитой крови во имя богов.

По толпе моих родственников пронесся ропот, отец зарычал. И, о чудо, заговорил огневолоосый.

— Я отказываюсь от поединка. Пусть девушка остается в ее роде.

Бортал тяжело вздохнул.

— Ты уже принял вызов, Сальтирин. Перед воротами в иной мир и людьми. Слово воин назад не берет.

Я не осознавала в полной мере того, что мне грозит, того, что женщина там за стеной без мужчины долго не живет, если она не сильный маг, конечно, да к тому же раненая.

— Да, да, пожалуйста. Я согласна на все!

Аракиан, зря ты жизнь отдала за никчемную, лишенную магии названную дочь.

Я не поднимала глаз, боясь увидеть жалость и страх на лицах сестер и отца, папиного осуждения, его я боялась больше всего.

— Тогда пойдем, — жрец протянул мне руку и помог подняться. — Эту ночь ты проведешь в храме. Все свершится завтра, на рассвете.

— Ария! — рык отца и всполох пламени в его руках озарил лица окруживших нас людей не хуже погребального костра.

Жрец тяжело вздохнул из-под капюшона, лица его никто не видел, так заповедовали боги.

— Она могла отказаться, Каралас! Но выбрала свой путь. Она ныне

под защитой богов.

Телохранители герцога окружили нас плотной стеной, отделяя меня от семьи, мужа, которого я видела лишь несколько раз, да и жизни.

* * *

Внутри крепостной стены стоял небольшой храм — маленькое, но добротное строение из камня с мощной дверью, украшенной узорами и символами. Сюда несли жители главной крепости герцогства свои горести и радости. По праздникам храм украшался еловыми ветками, отчего запах хвои сливался с запахом курившихся благовоний и создавал новый необычный аромат. Для меня в детстве это был аромат того, что отец и Аракиан будут дома, и все хорошо. Мы с названной мамой приносили к большому храмовому столу снедь: спелые яблоки и сыр, прохладное молоко из подполов. Каждый приносил что-то от рода к общему столу на праздничный пир. Мне нравились такие застолья: звучали барабаны и лютни, флейты, люди танцевали и пели. Наши боги были добры и щедры, однако, если надо, они могли быть суровыми и даже жестокими. Но если это способ спасти отца, я согласна и на жестокость.

Таралас молчал всю дорогу до крепости. Люди останавливались и смотрели вслед нашей процессии. Я знаю, они верили слухам и считали меня безумной. Но никто не осмелился высказать этого вслух, даже мальчишки, игравшие в камешки, пока рядом со мной шествовала укутанная в плащ фигура Жреца, маленьких хулиганов вряд ли бы смутили телохранители герцога, максимум что они сделали бы — надрали уши, а вот Жрец мог проклясть, а что может быть страшнее проклятия посланника богов?

Когда мы оказались в каменной прохладе священного строения, телохранители остались снаружи, двое из них будут нести вахту, чтобы не дать роду Караласа вмешаться.

Таралас закрыл дверь и задвинул засов. Глухой деревянный звук вызвал у меня приступ безысходности, и отдававшего болью желания оказаться в объятиях Аракиан и отца.

Усадив нерадивую племянницу на скамью у большого камина, занимавшего большую часть стены, Верховный Жрец удалился в одну из пристроек храма, куда вела крохотная неприметная дверь, оставив меня смотреть на пустой вычищенный очаг, и утешаться мыслью, что я все делаю правильно.

С того момента, когда Аракиан сняла с меня заклятие, я все еще пребывала словно в пустоте. Внутри тела гулял осенний ветер, прохладный и тоскливый. Возможно, будь у меня время, я наполнила бы себя приятными воспоминаниями, объятиями сестер, руками отца. Но судьба заставила меня слишком горько и быстро платить за свою ошибку в Зале Славы. Жизнь жестока...

— Жизнь жестока с нами, Ария. И не всегда справедлива, — голос Тараласа отразился от стен и проскакал по огромной комнате, затихнув под потолком, что тонул во мраке.

Я подняла голову и, посмотрев на дядю, чуть отпрянула, открыв рот. Он снял капюшон, что не полагалось делать жрецам в присутствии простых смертных, даже в присутствии брата Таралас этот атрибут не снимал.

Передо мной стоял усталый мрачный мужчина, голова его была бела, как снег, глаза выцвели, кожа бледна. Хотя стати он не потерял. Сложен он был так же хорошо, как и брат. Одет в простую тканую рубаху и штаны, как любой воин средней руки. В руках он нес каравай и бурдюк с вином. Все это легло на пустой огромный стол передо мной. Из ладони его выкатилась пара ранних яблок, еще кислых и зеленых.

— Ешь. Пей, — он опустился на скамью напротив и вынул нож, прятанный за голенищем высокого сапога.

Ломти хлеба, отделяемые узким хищным лезвием от тела каравая, источали удивительный аромат, они пахли домом, ранней теплой осенью, праздником пшеницы.

Я отломила краешек от огромного куска и надкусила. Запах чувствовался, но вкус никак мне не давался, земля, наверное, была бы такой же, попробуй я ее на зуб.

— Отец не рассказывал тебе, но я, до того как принести богам обет, много где побывал, — он прижался губами к горлышку бурдюка, делая большие глотки. — Я даже видел Драконоподобных. Видел, как они оборачиваются крылатыми и бескрылыми чудовищами, как владеют магией. Как прекрасны их лики.

Мне протянули бурдюк, так обычно делают воины меж собой, женщинам наливают в кубки.

— Есть те, Ария, кто живут рядом с Драконоподобными, мечтая прикоснуться к их тайнам, к дару, что дали линормам сами Драконы. А есть женщины, мечтающие стать парой для них. Если драконоподобный берет женщину из людей — это праздник, — его лицо вдруг исказилось болью, а глаза стали безжизненными. — Ведь их связь так редка и удивительна.

Кровь, — он покачал головой, — что может быть сильнее крови? Она закипает, когда рядом тот, кто тебе нужен. И никто не может расторгнуть этой связи кроме смерти, — он вернул себе сосуд с вином и опять сделал большой глоток. — И упрямства. Аракиан была упряма. Она сумела сказать «нет».

Я громко сглотнула, в наступившей тишине утробный звук заставил поежиться.

— Да. Она была избранной линорма, молодая, сильная, опасная. Она удостоилась великой чести. Они потянулись друг к другу, и она готова была отдать ему свое сердце. Но Аракиан поняла, что для нее это будет цепь, с которой не субежишь, и равной линорму не будешь, а она слишком ценила свободу и равенство, и, несмотря на боль и жажду быть рядом с драконоподобным, она ушла, люди могут уйти, люди могут преодолеть все, — он закрыл глаза, белесые ресницы были почти неразличимы на фоне светлой кожи. — Я помог ей уйти, бежать, — локти Тараласа опустились на стол и он спрятал лицо в ладони. — Я полюбил ее, и моя любовь была сильнее крови, сильнее любой магии. Но не сильнее чувства к моему брату. Пять лет скитаний, надежд, и вот, она смотрит на него, он на нее, и все, мой мир распадается на кусочки.

Он надолго замолчал. А я практически не дышала, его откровение меня потрясло, даже больше того, что меня ожидало утром. Аракиан всегда тепло отзывалась о Тараласе, но никогда в ее голосе не проскальзывала любовь женщины к мужчине. Мне так кажется... Отец любил брата.

— Есть люди, что приближены к Драконоподобным, и те в силу заслуг делились с поклонявшимися своими знаниями. Эти люди завидовали связи линормов и создали ритуал крови, Сальтирин специально или случайно, но по воле богов провел с тобой этот ритуал. Он подчинил тебя себе, сделал тебя своей таям, не настоящей, как у Драконоподобных, но с этого крючка ты бы не сорвалась. Слишком ты молода и неопытна. Аракиан... Она не могла позволить тебе сгинуть в пучине собственной страсти, она забрала его кровь себе. Но ритуал, я даже не представляю, откуда она узнала о таком, он оказался сильнее ее. Твое спасение убило мою любовь, — его бесцветные глаза были полны горечи одинокого мужчины, всю жизнь отдавшего служению богам, и тем, кто не смог полюбить его... той, кто не смог.

Значит, он не сказал отцу всей правды, тогда в зале.

Мужчина тряхнул головой, скидывая навалившиеся воспоминания.

— Чтобы спасти твоего отца, ты выдержишь завтра двадцать плетей. Я дам тебе настой, он поможет уменьшить боль. А потом ты уйдешь со мной

в Девой, там почитают тех же богов, дружат с Лакрасом. Будешь жить при храме послушницей.

Он встал и направился к одной из дверей.

— Вы меня ненавидите, дядя? — вдруг вырвалось у меня.

— Ты считаешь это мстью? — он горько усмехнулся. — Может ты и права... Когда ты теряешь того, кто для тебя безмерно дорог, какими бы не были обстоятельства и причины, и как бы ты не любила виновного, да, ты будешь его ненавидеть. Но ненавидеть можно по-разному. Жертва, принесенная за тебя Аракиан, не будет напрасной, твой отец будет жить, и ты будешь жить. Это самое главное. Будь я твоим отцом, я бы сказал тебе, Ария, что пора учиться предвидеть последствия своих поступков, — он говорил это, не оборачиваясь, и также, не оборачиваясь, исчез за дверью. Послышался звук задвигаемого засова.

А я осталась одна, наедине со сгущающимися сумерками, хлебом и вином. Свернув траурный платок, что укрывал мои плечи, и подложив его под голову, укутавшись в плащ, я легла на скамью в надежде обдумать все то, что услышала, но странный сон, не спрашивая, унес мой разум далеко от тела. Там драконоподобные правили людским королевством, пожелавшим таких правителей, а маги и обделенные были равны...

Айдэл Валкон

Он шел по заснеженному склону, а в голове, разогнав все остальные мысли, плыли только два образа, ее и Ританы.

Два с половиной года кошмара, одиночества, и слова линорм: «Человек она или нет, надо попробовать! Она даст больше нежели, ты сейчас имеешь, даже не представляешь, как будет легче. Драконы не отдадут свое. А мы отчасти драконы!»

Он помнил день спустя много месяцев после того, как Яна исчезла, когда пришла боль. Поначалу он даже не обратил внимания, работал, но боль росла, и под конец он «перешел» в Ризгар прямо из кабинета, полного советников, и был рад, понимая, что это были бы трупы, задержись он на секунду дольше. Он попал туда, где правили камни и снег, вершина Збаравы, тут даже он был лишь песчинкой. Боль все росла, и он знал, что она ее. Он звал, молил Яну открыть сознание в тщетной надежде показать, что случилось, кто так мучает ее, он бы стер любого, он бы спас, он бы помог. В какой-то момент его накрыло осознание, что еще чуток боли, и он сойдет с ума, и тут нахлынула радость. Айдэл уже не разделял ее и себя,

погружаясь в эйфорию, и тогда сознание спасло Императора, растворившись во тьме.

Очнулся он другим существом, понимая, что все объяснения, отговорки, мысли вернуться к Ритане, лишь глупость, когда он впервые увидел её, ощутил связь, и никуда она не делась, она росла, точно стебель вьянка на благодатной почве, утолщаясь с каждой ночью. И когда Яна исчезла, он уже не мог надорвать этот толстый канат. Ему не дали право выбирать, мощь его магии не давала подавить это влечение. Он был зависим от нее, ведь она дарила покой, обращая жгучий жар в нежное тепло. А магия, которая и так сводила его с ума, теперь просто бесновалась, иногда он боялся сам себе. Впадал в ступор, когда заставлял себя в бешенстве, при мысли о том, что есть кто-то, кто зарывается пальцами в ее волосы. Айдэл знал, что сила сжигает его, и, лишь обращаясь в линорма, паря над грядой, он мог дышать и жить, почему-то, казалось, что она совсем рядом, достаточно лишь протянуть руку... и обрести себя.

Алари

— Дело Иласка — убийство пособника — закрыто. Преступник уничтожен при попытке захвата, — отчитывалась я министру.

Тонкая папочка легла на стол Мальдика Рапара.

— Дело Коснего — эльфа, приобретавшего и содержавшего девушек — рабынь — закрыто. Его будет рассматривать суд аристократов.

Огромный том придавил своей массой тонкую Иласкову папочку.

— Дело...

— Знаешь, Алари, не ищи! — Рапар едва мазнул взглядом по бумагам.

— Так уже нашли всех, — я удивленно подняла глаза на министра.

— Я говорю о госпоже Стиантон, — поджал губы Рапар. — Будь осторожна! Я большего сказать не могу, Но держись подальше от линормов и их просьб.

— Это проблематично! — хмыкнула я.

— Но мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем!

Ну раз так, да с учетом ситуации — это для меня было бы лучшим выходом.

Особенно потому, что я нашла Янину Стиантон через полгода после ее исчезновения и не сказала об этом никому.

Рапар кивнул, а мне захотелось почесать затылок.

Любивший до поклонения линормов министр меня удивил, ведь когда

он просил меня об осторожности это выглядело как приказ, и в глазах его в тот момент полыхнуло настоящее пламя.

Конец Первой книги.

Словарь

Адрас — столица Империи Иртанит. Город был основан в 3365 году от ухода Большого Льда, на месте рыбацкой деревни. Расположен в южной части страны на полуострове Тир, омываемый Лунным морем, с материком связан узким перешейком, на котором возведен мост «Связующий». Является крупнейшим портом, торговым и транспортным узлом, местом сосредоточения культурной и политической жизни страны. Разбит на шесть округов: Таро, Сантро, Санрето, Портовый, Торговый, Императорский.

Богоподобные — см. драконы.

Высшие — см. линормы.

Драконы — иначе Богоподобные, срок жизни неизвестен, сильнейшие магические существа. Легенды гласят, что драконов было семь: Вода, Огонь, Воздух, Камень, Мрак, Душа, Энергия. Легенды гласили, что они могли принимать облик человека.

Иртанит — государство, расположенное в северной части материка Анир. Основано в 2788 году от ухода Большого Льда путем объединения нескольких княжеств, герцогств и королевств, располагавшихся ранее на его территории. Является крупнейшим государством на материке.

Форма правления — своеобразная дуалистическая монархия. Приглашенный монарх — линорм (по Вечному договору) решает вопросы в военной сфере, политическом устройстве, назначает на ключевые посты, решает вопросы экономического развития страны. Социальные и культурные вопросы (за исключением вопросов образования) решаются совещательным органом Большим Советом, в который входят люди, в том числе и Арт-Империит- человек, выбранный из числа аристократии, осуществляющий деятельность в качестве главного церемониймейстера и возглавляет Совет. Линормы избирают Императора самостоятельно, как правило, Император это еще и глава родов, сильнейший маг.

Экономика Иртанита:

— Сельское хозяйство.

— Промышленное производство, имеющее основной упор на использовании магии.

- Судостроение.
- Добыча полезных ископаемых.
- Животноводство.

Иртанит граничит с:

- Государством Ристарх (граница проходит по реке Оралас) на западе.
- Королевством Сальдарон на востоке (граница проходит по Каменной гряде).

Иртанит включает в свой состав семь областей:

Ризгар — область, официально принадлежащая правящей расе — линормам, место их постоянного проживания с момента прихода на Анир. Расположена на северной оконечности материка, омываемого Седым Океаном. Рельеф: горы (ледники) На территории области запрещен любой вид промысла: охота, рыбная ловля.

Доралис — область в центральной части страны, с умеренным климатом, ландшафт: степи и лесостепи. Крупный животноводческий и сельскохозяйственный центр.

Шерер — область на северо-востоке страны. Рельеф: небольшие сопки на севере, в остальном степи. Основной род занятий — животноводство, добыча полезных ископаемых: золото.

Гастар — область на юго-востоке страны, имеет выход к Лунному морю за счет реки Стальни, протекающей вдоль Каменной гряды, рельеф: горы. В долинах произрастают виноградники и фруктовые сады. Область — крупнейший производитель вина и сидра. Помимо этого процветают рыболовство, добыча медных руд, судостроение.

Марер — область на северо-западе страны. Рельеф: степь-лесостепь-леса. Основной род занятий — добыча древесины.

Адрас — область, включающая в себя остров-столицу и мост Связующий и побережье вдоль Лунного моря. Самая густонаселенная область. На территории Адраса располагаются крупнейшие порты, промышленные центры, мануфактуры, торговые города и гильдии.

Оралис — область вдоль западной границы Иртанита. Рельеф — степь, лесостепь. Отдаленная от границ часть территорий отдана под животноводство, остальная часть занята крепостями и мануфактурами военной направленности.

Линормы — магические существа. Общепринято считать оборотнями-магами с высоким уровнем дара. Долгоживущие, в среднем до трехсот лет. Имеют две ипостаси:

- человеческую (внешне рослые, привлекательные, с правильными

чертами лица, отличительной чертой являются глаза: черная радужка заполняет все пространство);

— драконоподобную, но строение тела линорма отличается от изображений тела драконов: у летающих особей передняя пара лап является также крыльями (у драконов лапы обособлены от крыльев). У нелетающих особей линормов имеются рудиментарные признаки крыла на сгибе лап. Концентрирующим и направляющим силу в момент применения магии в драконоподобной форме является хвост.